

СТИВЕН КИНГ

Легендарный сборник, в который входит повесть
«Рита Хейурт и спасение из Шоушенка»!

ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА

Стивен Кинг
Четыре сезона (сборник)

«АСТ»

1982

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кинг С.

Четыре сезона (сборник) / С. Кинг — «АСТ», 1982

ISBN 978-5-17-095727-9

Четыре сезона ужаса. Четыре времени года, и каждое – страшный сон, ставший реальностью. Весна – и невинный человек приговорен к пожизненному заключению в тюремном аду, где нет надежды, откуда нет выхода... Лето – и где-то в маленьком городке медленно сходит с ума тихий отличник, ставший способным учеником нацистского преступника... Осень – и четверо изнывающих от скуки подростков бредут сквозь темный, бесконечный лес, чтобы посмотреть на труп... Зима – и в странном клубе странная женщина рассказывает, как дала жизнь тому, что трудно было назвать ребенком...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-095727-9

© Кинг С., 1982

© АСТ, 1982

Содержание

Весны извечные надежды	6
Лето распада	63
1	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Стивен Кинг

Четыре сезона (сборник)

Stephen King
DIFFERENT SEASONS

- © Stephen King, 1982
- © Перевод. В.В. Антонов, 2012
- © Перевод. «Кэдмэн», 1997
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Весны извечные надежды Рита Хейуорт¹, или Побег из Шоушенка

*Грязные денежки – за грязные дела.
Отзвук этого слышен
В тайных сигналах, в вине виноградном.*
Норман Уитфилд

Главное – не рассказ, а рассказчик.

Рассу и Флоренс Дорр

Я из числа тех самых славных малых, которые могут достать все. Абсолютно все, хоть черта из преисподней. Такие ребята водятся в любой федеральной тюрьме Америки. Хотите – импортные сигареты, хотите – бутылочку бренди, чтобы отметить выпускные экзамены сына или дочери, день вашего рождения или Рождество... а может, и просто выпить без особых причин.

Я попал в Шоушенк, когда мне только исполнилось двадцать, и я из очень немногих людей в нашей маленькой славной семье, кто нисколько не сожалеет о содеянном. Я совершил убийство. Застраховал на солидную сумму свою жену, которая была тремя годами старше меня, а потом заблокировал тормоза на «шевроле», который ее папенька преподнес нам в подарок. Все было сработано довольно тщательно. Я не рассчитал только, что она решит остановиться на полпути, чтобы подвезти соседку с малолетним сынишкой до Касл-Хилла. Тормоза отказали, и машина полетела с холма, набирая скорость и расталкивая автобусы. Очевидцы утверждали потом, что она неслась со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час, когда, врезавшись в подножие монумента героям войны, взорвалась и запылала, как факел.

Я, конечно, не рассчитывал и на то, что меня могут поймать. Но это, увы, произошло. И вот я здесь. В Мэне нет смертной казни, но прокурор округа сказал, что я заслуживаю трех смертей, и приговорил к трем пожизненным заключениям. Это исключало для меня любую возможность амнистии. Судья назвал совершенное мной «чудовищным, невиданным по своей гнусности и отвратительности преступлением». Может, так оно и было на самом деле, но теперь все в прошлом. Вы можете пролистать пожелтевшие подшивки газет Касл-Рока, где мне посвящены большие заголовки и фотографии на первой странице, но, ей-богу, все это детские забавы по сравнению с деяниями Гитлера и Муссолини и проказами ФБР.

Искупил ли я свою вину, спросите вы? Реабилитировал ли себя? Я толком не знаю, что означают эти слова и какое искупление может быть в тюрьме или колонии. Мне кажется, это словцо политиканов. Возможно, какой-то смысл и был бы, если бы речь шла о том, что у меня есть шанс выйти на свободу. Но будущее – одна из тех вещей, о которых заключенные не позволяют себе задумываться. Я был молод, красив и из бедного квартала. Я подцепил смазливенькую и неглупую девчонку, жившую в одном из роскошных особняков на Карбайн-стрит. Ее папенька согласился на нашу женитьбу при условии, что я стану работать в оптической компании, владельцем которой он является, и «пойду по его стопам». На самом деле старикан хотел держать меня под контролем, как дикую тварь, которая недостаточно приручена и может укунить хозяина. Все это вызывало у меня такую ненависть, что, когда она скопилась, я совершил то, о чем теперь не жалею. Хотя если бы у меня был шанс повторить все сначала,

¹ Рита Хейуорт (Хейворт) (1918–1987) – настоящее имя Маргарита Кансино, актриса, звезда Голливуда 1940-х годов. – Примеч. ред.

возможно, я поступил бы иначе. Но не уверен, что это значит, будто я «реабилитировался» и «осознал свою вину».

Ну да ладно, я хотел рассказать вовсе не о себе, а об одном парне по имени Энди Дюфреш. Но прежде чем я вам о нем расскажу, нужно объяснить еще кое-что обо мне. Это не займет много времени.

Как я уже говорил, я тот человек, который может достать для вас в Шоушенке все на протяжении этих чертовых сорока лет. Это не означает всяких контрабандных штучек типа «травки» или просто экстра-сигарет, хотя эти пункты, как правило, возглавляют список заказываемых вещей. Но я достаю и тысячи других для людей, которые проводят здесь время, и некоторые из заказов не являют собой ничего противозаконного. Они вполне легальны, но просто труднодоступны в том месте, куда отправляют для наказания. Был один забавный тип, который изнасиловал маленькую девочку и демонстрировал свои мужские достоинства дюжинам остальных. Так вот, я достал для него три кусочка розового вермонтского мрамора. И он сделал три маленькие чудесные скульптурки: младенец, мальчик лет двенадцати и бородатый молодой человек. Парень назвал свои произведения «Три возраста Иисуса», и теперь они украшают гостиную губернатора штата.

А вот имя, которое вы должны были бы помнить хорошо, если жили на севере Массачусетса, – Роберт Алан Коут. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году он попытался ограбить Первый Коммерческий банк. Его затея вылилась в кровавую бойню – в итоге шесть трупов. Два из них – члены банды, три – посетители, а один – молодой коп, который сунул нос в помещение банка очень не вовремя и получил свою пулю. У Коута была коллекция пенни. Вообще-то говоря, они запретили ему держать коллекцию в тюрьме, но с помощью матушки этого парня и одного славного малого, который работает шофером и обслуживает нашу прачечную, я смог ему помочь. И я сказал ему: «Бобби, надо быть совсем чокнутым, чтобы держать коллекцию монет в каменном мешке, забитом ворами и мошенниками». Он взглянул на меня, улыбнулся и заметил, что знает, как хранить свое добро. «Все будет в сохранности, – сказал он, – уж за это можешь не беспокоиться». Так оно и вышло. Бобби Коут умер в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, но его коллекция не была обнаружена тюремным начальством.

Я доставал шоколад для народа на День святого Валентина. Я ухитрялся добывать молочные коктейли, которые подают в «Макдоналдсе», для абсолютно чокнутого ирландца по имени О'Мэлли. Я даже организовал ночной показ фильмов «Огромная пасть» и «Дьявол в мисс Джонс» для двадцати парней, которые скинулись, чтобы заплатить за сеанс... хотя после этого где-то с неделю отдыхал в одиночке. Ну да ладно, не беда. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Я доставал научные трактаты и книги о сексе, пожизненно заключенные и отбывающие длительный срок неоднократно умоляли добыть трусики своей жены или подружки... и, полагаю, вы догадываетесь, что эти парни делали долгими тюремными ночами, когда время тянется бесконечно медленно. Я не делаю все это за спасибо, и иногда цена довольно высока. Но я не стал бы стараться и только ради денег – что значат деньги здесь? Я не смогу купить «кадиллак» или слетать на Ямайку. Пожалуй, я оказываю все эти услуги для того же, для чего хороший мясник всегда присылает вам самое свежее мясо: я заработал себе репутацию и хочу ее поддерживать. Я не занимаюсь только двумя вещами: оружием и сильными наркотиками. Не хочу помогать кому-либо убивать себя или ближнего своего. Достаточно с меня убийств, сыт по горло.

Да, я человек дела. И когда Энди Дюфреш подошел ко мне в 1949-м и спросил, нельзя ли добыть ему Риту Хейуорт, я ответил: «Нет проблем!» Их правда не было.

Когда Энди попал в Шоушенк в 1948-м, ему было 30 лет. Это был невысокий обаятельный человек с песочными волосами и маленькими узкими ладонями. Он носил очки в золотой

оправе. Ногти на руках всегда были аккуратно подпилены и безукоризненно чисты. Возможно, это покажется смешным, что я помню о мужчине такие вещи. Но его ногти произвели на меня впечатление и подняли Энди в моих глазах. Он всегда выглядел так, как будто был при галстуке и чуть ли не в смокинге. До тюрьмы он работал вице-президентом крупного банка в Портленде. Согласитесь, неплохая должность для такого молодого человека. Особенно если учесть, насколько консервативно большинство банков... и умножьте этот консерватизм в десяток раз, если вы находитесь в Новой Англии, где люди не склонны доверять свои деньги человеку, если он не стар, не лыс, не готов завтра протянуть ноги. Энди получил срок за убийство своей жены и ее любовника.

Кажется, я уже говорил, что в тюрьме каждый считает себя невинным. И все находящиеся здесь – жертвы обстоятельств, чертовского невезения, некомпетентных следователей, бессердечных прокуроров, дубоголовых полицейских и так далее и тому подобное. Мне кажется, большинство здешних обитателей – люди третьего сорта, и самое большое их «чертовское невезение» заключается в том, что их мама вовремя не сделала аборт.

За мои долгие годы в Шоушенке было всего человек десять, в невиновность которых я поверил. Энди Дюфреш был одним из них, хотя ему я поверил спустя годы с момента нашего знакомства. Если бы я был в коллегии, слушавшей его дело в Портлендском суде в 1947-м, то вряд ли был бы на стороне этого парня.

История, вообще-то говоря, довольно банальная. Наличествуют все необходимые элементы такого рода скандалов. Красивая девочка со связями в обществе, молодой спортсмен – оба мертвы, и многообещающий бизнесмен на скамье подсудимых. И грандиозный скандал в газетах, которые трещали об этом процессе без умолку. И открытое судебное разбирательство, которое продолжалось довольно долго. Прокурор округа хотел обращаться в центральные органы, и ему хотелось, чтобы Джон К. Паблик взглянул повнимательнее на это дело. Зрители начинали собираться около четырех утра, чтобы занять себе места в битком набитом зале. И это несмотря на то, что столбик термометра опускался в те дни необыкновенно низко. Даже мороз не смог отпугнуть любопытствующих.

Факты таковы: у Энди была жена, Линда Коллинз Дюфреш. В июне 1947 года она захотела научиться играть в гольф в клубе «Фэлмоуз-Хилл». Она действительно брала уроки в течение четырех месяцев. Инструктором был тренер «Фэлмоуз-Хилла» по имени Глен Квентин. В августе 1947-го Энди узнал, что Квентин и его жена любовники. Энди и Линда крупно поссорились 10 сентября 1947 года, и предметом ссоры была ее неверность.

Энди показал на суде, что жена была рада, что он узнал правду: ей надоело хитрить и увиливать. Она говорила, что ей это было более всего неприятно, и заявила Энди, что намерена подать на развод. На это он ответил, что скорее увидит ее в преисподней, чем на бракоразводном процессе. Она развернулась и уехала проводить ночь с Квентином в бунгало, которое тот снимал неподалеку от клуба. На следующее утро пришедшая домработница нашла их мертвыми в постели. И в каждом по четыре пули.

Последний факт больше всех других настраивал суд против Энди. Окружной прокурор с невиданным вдохновением и дрожью в голосе обыгрывал эту тему в своем заключительном слове. Эндрю Дюфреш, вещал прокурор, не просто разгневанный муж, учиняющий расправу над неверной женой. Это, говорил прокурор, если не простительно, то хотя бы понятно. Но мы имеем дело с безжалостным чудовищем, с хладнокровным убийцей. Обратите внимание, возвышал голос прокурор, четыре и четыре! Не шесть выстрелов, а восемь! Он выпустил всю обойму, потом остановился, спокойно перезарядил пистолет и снова выстрелил в каждого из них. ЧЕТЫРЕ ЕМУ И ЧЕТЫРЕ ЕЙ. Естественно, эта речь стала изюминкой газетных публикаций, которые пестрели заголовками типа «Расчетливый убийца», «Восемь выстрелов в невинную парочку» и прочей подобной пошлятиной.

Клерк из оружейного магазина в Льюистоне показал, что он продал шестизарядный пистолет тридцать восьмого калибра мистеру Дюфресну за два дня до убийства. Бармен из клуба в своих свидетельских показаниях сказал, что Энди пришел в бар около семи часов вечера 10 сентября, заказал три виски без содовой и выпил все это в течение двадцати минут. И когда расплачивался, сообщил бармену, что направляется к Глену Квентину, а о дальнейшем можно будет прочитать в утренних газетах. Другой клерк из магазина, находящегося в миле от дома Квентина, засвидетельствовал, что Дюфреш зашел к нему тем вечером в четверть девятого. Он заказал сигареты, три бутылки пива и несколько салфеток. Судмедэксперт заключил, что Квентин и Линда Дюфреш были убиты между двадцатью тремя ноль-ноль 10 сентября и двумя ноль-ноль 11 сентября. Следователь, который занимался этим делом, обнаружил на повороте, находящемся в семидесяти ярдах от бунгало, вещественные доказательства, которые были представлены на суде: две пустые бутылки из-под швейцарского пива с отпечатками пальцев обвиняемого, около двадцати окурков тех самых сигарет, что обвиняемый приобрел в магазине, и отлитый в пластике отпечаток шин на повороте, в точности соответствующий отпечатку шин на «плимуте» обвиняемого 1947 года выпуска.

В спальне бунгало на софе были найдены четыре салфетки. Они были продырявлены пулями и испачканы порохом. Следователь заключил, что убийца обмотал ствол оружия салфетками, чтобы приглушить звук выстрела.

Энди Дюфреш, получив слово, рассказал о происшедшем спокойно, холодно, рассудительно. Он сказал, что где-то в конце июля до него начали доходить кое-какие сплетни. В начале августа он был так измучен неопределенностью ситуации, что решил устроить проверку. Как-то вечером Линда собралась якобы съездить в Портленд за покупками после занятия гольфом. Энди преследовал ее и Квентина до бунгало (которое газеты окрестили «Любовным гнездышком»). Он припарковался на повороте и подождал, пока Квентин отвезет Линду до клуба, где она оставила свою машину.

– Вы хотите сказать, что преследовали жену на вашем новом «плимуте»? – спросил прокурор.

– На вечер я поменялся машинами с другом, – ответил Энди, и эта холодная запланированность его действий только усугубила негативное отношение к нему судей и присяжных.

Вернув машину другу и забрав свою, Энди поехал домой. Линда, лежа в кровати, читала книгу. Он спросил ее, как прошла поездка в Портленд. Она ответила, что все было замечательно, но ей не удалось присмотреть ничего, что стоило бы купить. С тех пор Энди окончательно уверился в своих подозрениях. Он рассказывал все это совершенно спокойно, негромким ровным голосом, который за все время его показаний ни разу не пресекался, не повысился, не сорвался.

– Каково было ваше психическое состояние после этого и до той ночи, когда была убита ваша жена? – спросил защитник.

– Я находился в глубокой депрессии, – холодно ответил Энди. Все так же монотонно и безэмоционально, как человек, зачитывающий меню в ресторане, он поведал, что задумал самоубийство и зашел так далеко, что даже купил в Льюистоне пистолет 8 сентября.

Затем защитник предложил рассказать присяжным, что произошло после того, как Линда отправилась на встречу с Гленом Квентином в ночь убийства. Энди рассказал, и впечатление, которое он произвел на жюри, было наихудшим, какое только можно себе вообразить.

Я знал его довольно близко на протяжении тридцати лет и могу сказать, что ни у кого из встречавшихся мне людей не было такого самообладания. Если у него все было в порядке, то кое-какую информацию о себе он выдавал в час по чайной ложке. Но если с ним что-то не так, вам этого никогда не удалось бы узнать. Если Энди когда-то и пережил «темную ночь души», как выразился какой-то писатель, он никогда никому этого не расскажет. Он относился к тому типу людей, которые, задумав самоубийство, не устраивают прощальных истерик и не остав-

ляют трогательных записок, но аккуратно приводят в порядок свои бумаги, оплачивают счета, а затем спокойно и твердо осуществляют задуманное. Это хладнокровие и подвело его на процессе. Лучше бы он проявил хоть какие-либо признаки эмоций. Если бы голос его сорвался, если бы он вдруг разрыдался или даже начал бы орать на окружного прокурора – все пошло бы ему на пользу, и не сомневаюсь, что он был бы амнистирован, например, в 1954-м. Но он рассказывал свою историю как машина, как бесчувственный автомат, словно говоря присяжным: «Вот моя правда. Принимать ее или нет – ваше дело». Они не приняли.

Энди сказал, что он был пьян той ночью, что он был в той или иной степени пьян с 24 августа и что он терял над собой контроль и уже не мог удержаться от рюмки. В это присяжные могли поверить с большим трудом. Перед ними стоял молодой человек в превосходном шерстяном костюме-тройке, при галстуке, прекрасно владеющий собой, с холодным спокойным взглядом. И очень сложно было представить себе, что он напивается в стельку из-за мелкой интрижки своей жены с провинциальным тренером. Я поверил в это только потому, что у меня был шанс узнать Энди так, как эти шесть мужчин и шесть женщин знать его не могли.

Энди Дюфреш заказывал спиртное всего лишь четыре раза в год за все время нашего знакомства. Он встречал меня на прогулочном дворе за неделю до своего дня рождения, а потом перед Рождеством. Всякий раз он заказывал бутылку «Джек Дэниэлс». Он покупал это так же, как и большинство заключенных, получающих здесь гроши за свой рабский труд. С 1965 года расценки нашего труда подняли на двадцать пять процентов, но они остались смехотворно низкими. Плата за мой труд составляла десять процентов от стоимости товара. Прибавьте это к цене высококлассного виски типа «Блэк Джек», и вы получите представление о том, сколько часов тяжелого труда в тюремной прачечной могут обеспечить четыре бутылки в год.

Утром 20 сентября, в свой день рождения, Энди слегка выпил, а вечером после отбоя продолжил это занятие. На следующее утро он отдал мне остаток бутылки и сказал, чтобы я распределил спиртное между своими. И другую бутылку, которую он пил на Рождество, и еще одну, заказанную на Новый год, он вернул мне недопитыми с теми же инструкциями. Четыре раза в год – и это человек, который прежде напивался безудержно, которого алкоголь втянул в эту скверную историю. Достаточно скверную, скажу я вам.

Энди сообщил присяжным, что в ночь с 10 на 11 сентября был настолько пьян, что помнил происходившее с ним только какими-то урывками. Он начал пить днем еще до того, как поссорился с Линдой. После того как она пошла на встречу с Квентином, он решил помешать ей. По дороге заскочил в клуб, чтобы опрокинуть стопочку-другую. Он не помнил, что советовал владельцу бара читать утренние газеты, да и вообще разговаривал с ним. Он помнил, как покупал в магазине пиво, но не салфетки. «И зачем бы мне нужны были салфетки?» – спросил Энди, и в одной из газет было отмечено, что три леди из присяжных содрогнулись.

Позже, гораздо позже, он изложил мне свои предположения о клерке, который упоминал эти чертовы салфетки, и мне кажется, дело обстояло именно так.

– Предположим, в соответствии с концепцией обвинителя, – говорил Энди на прогулочном дворе, – они пристали к этому парню, что продавал мне ночью пиво, со своими вопросами. С тех пор как тот тип меня видел, прошло три дня. Мое дело занимало первую полосу любой газеты, было у всех на слуху. Они насели на беднягу, пять-шесть копов плюс следователь, плюс помощник прокурора. Память на редкость коварная штука, Рэд. Они могли начать с вопроса: «А не покупал ли обвиняемый у вас салфеток?» – и затем гнуть свою линию не сворачивая. Если достаточное количество людей хочет, чтобы ты что-то вспомнил, то вспомнишь, это очень вероятно.

Я согласился, что такое вполне возможно.

– И есть еще одна вещь, которая сильно давит на сознание. И поэтому, думаю, клерк легко убедил себя сам в истинности своих слов. Это слава, Рэд. Представь, репортеры задают

ему вопросы, фото во всех газетах... и в довершение всего его выступление в суде. Сдается мне, что он прошел бы – если действительно не прошел – детектор лжи или поклялся бы – если действительно не поклялся – именем своей матери, что я покупал эти салфетки. И все же... память настолько коварна. Мне известно одно: хотя мой адвокат и считал, что я выдумал половину своей истории, эпизод с салфетками он опровергал не задумываясь. Действительно, здесь у них неувязка, согласись. Я был пьян в стельку. Слишком пьян, чтобы думать о том, как приглушить звук выстрела. Если бы я стрелял, то ни о чем бы уже не думал. – Так говорил Энди.

Он припарковался на повороте, пил пиво, курил сигареты, ждал. Он наблюдал зажженный свет в окнах бунгало Квентина. Видел, как какой-то огонек поднялся вверх по ступеням, затем проследовал вниз и наступила темнота. Энди говорил, что последующее он может только предполагать.

– Мистер Дюфресн, не поднялись ли вы потом по ступеням дома мистера Квентина, чтобы убить его и вашу жену? – спросил защитник.

– Нет, этого не было, – ответил Энди. Он рассказал, что начал трезветь где-то около полуночи. Затем почувствовал адскую головную боль и все прочие неприятные симптомы похмелья. Он решил поехать домой, хорошо выспаться и обдумать все свои дела утром на свежую голову.

– В то время как я ехал домой, мне пришло в голову, что лучше всего было бы не мучиться и спокойно дать жене развод, – заключил Энди.

Прокурор подскочил на месте:

– Ну что ж, вы выбрали неплохой путь развестись с женой, не так ли? Вы развелись с ней при помощи револьвера тридцать восьмого калибра, прикрытого салфетками, да?

– Нет, сэр, этого не было, – спокойно ответил Энди.

– А затем пристрелили ее любовника.

– Нет, сэр.

– Вы хотите сказать, что Квентин получил свою пулю первым?

– Я хочу сказать, что вовсе не стрелял ни в кого из них. Я выпил две бутылки пива и выкурил все те сигареты, что подобрала на повороте полиция. Затем поехал домой и лег спать.

– Вы рассказывали присяжным, что с 24 августа по 10 сентября вы хотели покончить жизнь самоубийством?

– Да, сэр.

– И продвинулись так далеко, что купили револьвер.

– Да.

– Как вы смотрите на то, мистер Дюфресн, что не производите на меня впечатление суицидального типа?

– Ну что ж, – ответил Энди, – а вы не кажетесь мне человеком достаточно разумным и проникательным. И я крупно сомневаюсь в том, что если бы у меня имелись суицидальные наклонности, то я бы поделился этим с вами.

Легкий шум в зале. Перешептывание присяжных.

– Вы взяли свой пистолет с собой в ту сентябрьскую ночь?

– Нет, ведь я же говорил...

– Ах да! – саркастически усмехнулся прокурор. – Вы выбросили его в реку, не правда ли? В Ройял-Ривер. Днем 9 сентября.

– Да, сэр.

– За день до убийства.

– Да, сэр.

– Убедительно, не так ли?

– Не знаю, убедительно или нет, сэр. Это правда, и все.

– Кажется, вы слышали показания лейтенанта Минчера?

Минчер был главой группы, которая обследовала окрестности Ройял-Ривер около моста Понд-роуд, с которого Энди выбросил свой пистолет. Поиски на дне реки не принесли никаких результатов.

– Да, сэр. Я слышал.

– Вы слышали, что они ничего не нашли, хотя занимались этим в течение трех дней? И это тоже, кажется, звучит убедительно?

– Возможно. Факт то, что они действительно не отыскивали пистолет, – спокойно ответил Энди. – Но я хотел бы заметить, что мост Понд-роуд расположен очень близко от места, где река впадает в залив Ярмут. Течение довольно сильное. Оно могло вынести пистолет в залив.

– И конечно же, нет никакой взаимосвязи между пулями, вынутыми из окровавленных тел вашей жены и мистера Квентина, и вашим револьвером. Это так, мистер Дюфресн?

– Да, сэр.

– И это должно звучать убедительно?

Здесь, как писали газеты, Энди позволил себе одну из немногих эмоциональных реакций, которые можно было наблюдать за все время процесса. Едва уловимая ироническая усмешка заиграла на его губах.

– Поскольку я невиновен в этом преступлении, сэр, и поскольку я сказал правду о том, что выбросил пистолет в реку за день до убийства, мне кажется совершенно неудивительным, что он до сих пор не найден.

Прокурор давил на него в течение двух дней. Он снова и снова перечитывал показания клерка о салфетках. Энди отвечал на это, что он не помнит, как покупал их, но не может поклясться, что он их не покупал.

Правда ли, что в начале 1947 года Энди и Линда Дюфресн застраховались на крупную сумму? Да, это так. А правда ли тогда, что Энди должен был получить пятьдесят тысяч долларов после убийства жены? Правда. В таком случае верно ли, что он пошел к дому Квентина с целью убить обоих любовников и действительно убил их? Нет, это не верно. И что же он в этом случае думает о происшедшем, если полиция не обнаружила никаких следов грабежа?

– Я не могу этого знать, сэр, – отвечал Энди.

Суд удалился на совещание в час дня. Присяжные вернулись в три тридцать. Пристав сказал, что они придут раньше, но присяжные задержались, чтобы насладиться великолепным обедом за счет государства в ресторане Бентли. Они объявили мистера Дюфресна виновным, и если бы в Мэне была смертная казнь, Энди покинул бы этот лучший из миров еще до того, как появились первые подснежники.

Прокурор спрашивал Энди, что он думает о случившемся, и тот не ответил. На самом деле у него были соображения на этот счет, и как-то вечером в 1955 году я их услышал. Семь лет ушло на то, чтобы от шапочного знакомства мы перешли к более близким, дружеским отношениям. Но я не чувствовал себя достаточно близким к Энди человеком где-то до 1960 года или около того. И вообще я оказался единственным, с кем он был на короткой ноге. Мы оба являлись долгосрочными заключенными, жили в одном коридоре, хотя и на порядочном расстоянии друг от друга.

– Что я об этом думаю? – усмехнулся он. – Думаю, что жуткое невезение в тот день просто витало в воздухе. Что такое количество неприятностей в столь короткий промежуток времени трудно себе представить. Несчастье просто кругами ходило у этого чертова домика. Это был какой-нибудь прохожий, незнакомец. Возможно, взломщик. Возможно, случайно оказавшийся там психопат. Маньяк. Он убил их, только и всего. И вот я здесь.

Все так просто. А он теперь обречен провести всю свою жизнь, или значительную ее часть, в Шоушенке, в этой чертовой дыре. Выйти отсюда, когда в вашей карточке стоит пометка

убийство, довольно сложно. Сложно и медленно, как каплям воды раздробить камень. В коллегии сидят семь человек, на два больше, чем в остальных тюрьмах, и каждый из этих семерых имеет ледяной рассудок и каменное сердце. Вы не можете купить этих ребят, уболтать их, запугать или воззвать к состраданию. Здесь, за этой стеной, деньги уже не имеют того значения, и все меняется.

Был такой парень по имени Кендрикс, который солидно задолжал мне и выплачивал долг в течение четырех лет. Он работал на меня и чем более всего был мне полезен – так это умением добывать информацию, к которой я сам доступа никогда бы не получил. Когда занимаешься такой деятельностью, как я, нужно держать ухо востро и быть в курсе всех дел.

Кендрикс сказал мне, что коллегия голосовала за освобождение Энди Дюфресна следующим образом. В 1957-м – семь – ноль против него, шесть – один в 58-м, семь – ноль в 59-м и пять – два в 60-м. Не знаю, что было потом, но шестнадцатью годами позже он все еще находился в камере 14 пятого блока. Тогда, в 1975-м, ему было пятьдесят семь. Возможно, они проявили бы великодушие и выпустили его где-нибудь в 1983-м. Они, конечно, поступают очень гуманно, даруя вам свободу, но послушайте вот что. Я знал одного парня, Шервуда Болтона, и он держал у себя в камере голубя с 1945-го по 1953-й. Пока его не амнистировали, у него жил этот голубь. Парень не был большим любителем птиц, он просто жил с ним, привык к нему, и все. Он звал его Джек. Болтон выпустил Джека на свободу за день до того, как по решению коллегии был выпущен на свободу сам. Птичка выпорхнула из его рук, только ее и видели. А через неделю после того, как Шервуд Болтон покинул нашу счастливую маленькую семью, один приятель подозвал меня к себе и повел в западный угол прогулочного двора, где обычно прохаживался Шервуд. Там в пыли валялся маленький грязный комок перьев, в котором с трудом можно было различить застывший трупик голубя. Друг спросил:

– Это Джек?

Да, это был Джек. Бедная птичка погибла от голода.

Я вспоминаю первый раз, когда мы пересеклись с Энди. Этот день так хорошо сохранился в моей памяти, что я могу воспроизвести все детали, словно это было вчера. В тот раз он не просил Риту Хейуорт. Это произошло позже. Летом 1948 года он подошел ко мне совсем по другому поводу.

Большинство моих операций совершалось на прогулочном дворе, здесь заключил я и эту сделку. Наш двор очень большой, гораздо больше, чем дворы во многих других тюрьмах. Северная сторона его представляет собой стену с вышками в каждом углу. Охранники с биноклями, превосходно вооруженные, сидят на вышках и осматривают окрестности. Здесь же расположены главные ворота. Хозяйственные ворота для перевозки различных грузов расположены в южной стороне двора. Их пять. В течение рабочей недели Шоушенк – довольно оживленное место: туда-сюда постоянно снуют посыльные, у ворот сигналият грузовые машины. На территории находится большая прачечная, обслуживающая всю тюрьму, плюс госпиталь Киттери и приют Элиот. Кроме того, здесь также расположен крупный гараж, где заключенные, исполняющие обязанности механиков, следят за машинами охраны, тюремными машинами, государственными, муниципальными... и, конечно, члены коллегии тоже не упускают случая воспользоваться нашими услугами.

Восточная сторона двора – каменная стена в маленьких зарешеченных окнах. Пятый блок находится по другую сторону этой стены. Администрация и лазарет расположены в западной стороне. Шоушенк никогда не бывал переполнен, как большинство тюрем, а в 1948 году он был занят едва ли на две трети. Но в любое время на прогулочном дворе вы можете увидеть от восьмидесяти до сотни заключенных, играющих в футбол или бейсбол, просто прохаживающихся, болтающих друг с другом, обсуждающих свои дела. В воскресенье становится еще

более людно, и все это напоминало бы даже уик-энд за городом, если бы не славные ребята на вышках и отсутствие женщин.

Энди подошел ко мне впервые именно в воскресенье. Я только что закончил разговор с Элмором Армитажем, славным малым, который часто имел дело со мной, и тут подошел Энди. Я, конечно, уже знал, кто это такой. Он успел заработать себе репутацию сноба и хладнокровного типа. Я слышал даже такую фразу, что Энди уверен, что его дерьмо пахнет приятнее, нежели дерьмо простого смертного. Говорили также, что ничего хорошего этому парню здесь не светит. Один из утверждавших это был Богс Даймонд, человек, которому лучше не попадаться на пути, если вы дорожите собственной шкурой. Про Энди уже сплетничали достаточно многие, но я не люблю прислушиваться к досужим рассказам, пока сам не составлю мнение о человеке.

– Добрый день, – произнес он. – Я Энди Дюфреш. – Он протянул руку, я пожал ее. Он не был похож на человека, который станет терять время, чтобы показаться общительнее. И действительно, мы сразу перешли к делу.

– Я слышал, что вы тот человек, который может кое-что достать.

Я согласился, что кое-что входит в возможности моей скромной персоны.

– Как вы это делаете? – напрямую спросил Энди.

– Временами вещи, кажется, сами идут ко мне в руки. Это сложно объяснить. Возможно, все дело в том, что я ирландец.

Он слегка улыбнулся.

– Я хочу, чтобы вы достали мне геологический молоток.

– Что это еще за штукавина и зачем она вам?

Энди изумился и чуть приподнял брови.

– Разве мотивация желая заказчика является частью вашего бизнеса?

Вот тут-то я понял, почему его называют снобом, неудивительно, что человек, задающий такие вопросы, заслужил соответствующую репутацию. Однако мне показалось, что в его словах заключается изрядная доля иронии, и я объяснил ситуацию:

– Видите ли, если вы хотите зубную щетку, я как-нибудь обойдусь без знания мотивов. Просто назову цену. Потому что зубная щетка не относится к вещам, если можно так выразиться, летальным.

– Вы испытываете неприязнь к летальным вещам?

– Да.

Старый потрепанный бейсбольный мяч полетел в нашу сторону. Энди развернулся и аккуратным движением кисти послал мяч в точности туда, откуда он приближался. Движение было великолепным, точным, быстрым, необыкновенно изящным. Сам Френк Мелзон мог бы таким гордиться. Я видел, что большинство людей, продолжая заниматься своими делами, краем глаза наблюдали за нами. Возможно, на нас с интересом смотрели и ребята с вышек. В каждой тюрьме есть несколько человек, имеющих наибольший авторитет среди заключенных. Скажем, четыре или пять в маленькой тюрьме, два-три десятка в большой. В Шоушенке я был одним из них, и от моего мнения зависело очень много. То, что я скажу об Энди, будет играть важнейшую роль в его дальнейшей судьбе. И он это знал, но нисколько не заискивал передо мной. Я начинал уважать его за это.

– Ну хорошо, я расскажу вам, что представляет собой этот молоток и зачем он мне нужен. Геологический молоток имеет примерно такие размеры. – Энди развел руки, и тут я обратил внимание, какие они у него ухоженные и как аккуратно подпилены и вычищены ногти. – Эта штука слегка напоминает кирку, с одного конца она острая, с другого чуть приплюснута. Я люблю камни, поэтому делаю вам такой заказ.

– Камни... – повторил я.

Энди посмотрел на меня и усмехнулся.

– Идите-ка сюда.

Я последовал приглашению. Мы опустились на корточки, как дети.

Энди набрал полную пригоршню дворовой пыли и начал растирать ее между ладонями. Пыль и грязь взвилась облаком вокруг его ухоженных рук. В ладонях остались несколько небольших камешков, парочка блестящих, остальные плоские и совершенно неинтересные на вид. Один из них был кварц и не производил впечатления, пока Энди не очистил его хорошенько. Теперь он сверкал, как стеклышко. Энди бросил камешек мне. Я поймал его и назвал.

– Конечно, кварц, – кивнул Энди, – и вот еще, смотрите. Слюда. Сланец. Гранит. Здесь были залежи известняка, ведь наш славный дворик, как вы могли заметить, вырезан в холме. Вот почему здесь можно найти все это. – Он отшвырнул камешки и отряхнул руки. – Я большой любитель камней. Точнее сказать... был таковым, пока не попал сюда, в той жизни. Но хочу и здесь хоть в какой-то мере заниматься своим увлечением.

– Воскресные экспедиции на прогулочный двор?

Эта идея, конечно, была совершенно идиотской. Однако маленький кусочек кварца как-то странно затронул мое сердце. Не могу даже объяснить – почему. Никому раньше не приходило в голову заниматься здесь такими вещами. Этот камешек, возможно, был для меня ниточкой, связывающей нас с внешним миром. Со свободой.

– Лучше устраивать воскресные экспедиции на прогулочный двор, чем вовсе обходиться без них, – сказал Энди.

– Однако могу ли я быть уверен, что этот молоточек не опустится рано или поздно на чью-нибудь голову?

– Здесь у меня нет врагов, – мягко сказал Энди.

– Нет? – Я улыбнулся. – Подождите немного.

– Если будут какие-нибудь эксцессы, я улажу все и без молотка.

– Возможно, вы хотите устроить побег? Раздробить стену? Если это так...

Он рассмеялся. Когда через три недели я увидел этот молоток, то понял почему.

– Полагаю, вы в курсе, что, если кто-нибудь увидит этот молоток, его отберут. Если у вас в руках обнаружат чайную ложку, будьте уверены, отберут и ее. И что же вы намерены делать – сидеть здесь посреди двора и стучать по камешкам?

– О, поверьте, я вовсе не это намерен делать. Придумаю кое-что получше.

Я кивнул. В конце концов меня действительно это не касается. Я достаю заказчику товар, а что случается потом, меня волновать не должно.

– Сколько может стоить такая штуковина? – поинтересовался я. Мне начинал нравиться его стиль общения – прохладный, спокойный, чуть ироничный. Если бы вы провели в этой чертовой дыре столько лет, сколько я, вы бы поняли, как можно устать от этих шумных ребят с лужеными глотками, вечным стремлением качать свои права и широким ассортиментом бранных слов, среди которых попадаются хорошо если десяток цензурных. Да, пожалуй, Энди понравился мне сразу.

– Восемь долларов, – ответил он. – Но я понимаю, что вы занимаетесь своим бизнесом не в убыток себе.

– Обычно я беру цену товара плюс десять процентов накидываю для себя. Но когда речь идет о такого рода вещах, которые если и не являются опасными, то могут показаться таковыми тюремному начальству, я увеличиваю цену. В конце концов, мне самому приходится давать кое-кому на лапу, чтобы заставить вращаться все винтики и колесики... Скажем так: десять долларов.

– Договорились.

Я взглянул на него с интересом, слегка улыбнувшись.

– Они у вас имеются?

– Да, – пожал плечами Энди.

Спустя довольно долгое время я узнал, что он имел гораздо больше. Порядка пяти сотен долларов. Он пронес их с собой. Конечно, при поступлении в тюрьму вы подвергаетесь тщательной проверке, и эти ребята, будьте спокойны, отберут у вас все, что им удастся обнаружить. Но человек опытный или, как в случае с Энди, просто сообразительный может обвести всех этих славных малых вокруг пальца, есть тысяча способов это сделать.

– Вот и прекрасно, – сказал я, – и еще: надеюсь, вы знаете, что нужно делать в случае, если вас поймают.

– Надеюсь, знаю, – отвечал Энди, и по легкому изменению выражения его серых глаз понял, что он знает, о чем я намерен толковать. Это было едва заметное изменение, просто взгляд чуть засветился тонкой иронией.

– Если вас поймают, нужно говорить, что вы нашли ваш молоток. Окажетесь в одиночке на две, три недели... и, конечно, потеряете свою игрушку и получите отметку в карточку. Мое имя называть нельзя ни в коем случае. Нашли и все, ни больше ни меньше. Если же вы меня выдадите, мы никогда больше не будем иметь дел. Никаких: я не стану доставать для вас ни бутылку виски, ни шоколадку к празднику. Кроме того, попрошу своих ребят объяснить вам вкратце правила поведения. Я не сторонник жестких мер, поймите правильно, мне приходится как-то защищаться, иначе мой бизнес ничем хорошим не кончится. По-моему, это вполне естественное желание.

– Да, согласен. Можете не беспокоиться.

– Не в моих правилах беспокоиться о чем-либо. Это было бы глупо и смешно в таком месте.

Он кивнул на прощание и пошел своей дорогой. Тремя днями позже, когда в прачечной был перерыв на обед, он прошел мимо меня, не говоря ни слова, даже не поворачивая головы. И сунул мне в руку купюру с ловкостью карточного фокусника. Быстро же этот парень научился ориентироваться в ситуации! А молоток я уже достал. Он лежал у меня в камере целые сутки, и я мог видеть, что это именно та штукавина, которую описал Энди. Конечно, сама мысль о том, чтобы с помощью этого орудия устроить побег, была нелепой. Это заняло бы шесть сотен лет, не меньше. Однако я все еще оставался при своих сомнениях. Если острый конец молотка когда-либо опустится на чью-нибудь голову, то тот бедняга, с кем это случится, никогда уже не выйдет прогуляться на наш славный дворик... Я слышал, Энди уже имел неприятности с сестрами, и очень надеялся, что молоток припасен не для них.

Мои ожидания подтвердились. Рано утром следующего дня, за двадцать минут до подъема, я сунул эту штукавину Эрни, славному малому, который подметал коридор пятого блока, пока не ушел отсюда в 1956-м. Не говоря ни слова, он взял молоток, и на протяжении девятнадцати лет я так и не увидел его и не услышал ничего о каких-либо учиненных Энди с его помощью неприятностей.

В следующее воскресенье Энди подошел ко мне во дворе. Выглядел он, смею заметить, преотвратно. Разбитая нижняя губа опухла, правый глаз, окруженный огромным синяком, был полуприкрыт, на щеке виднелась ссадина. У него продолжались неприятности с сестрами, но Энди ни словом не упомянул об этом.

– Спасибо за инструмент, – произнес он и пошел дальше.

Я с любопытством наблюдал за ним. Он прошел несколько шагов, остановился, нагнулся и поднял с земли небольшой камешек. Затем отряхнул его и внимательно осмотрел. Карманы в тюремной одежде не предусмотрены. Но из этого положения всегда можно найти выход. Камешек исчез в рукаве, и Энди продолжал свой путь... Я восхищался им. Вместо того чтобы ныть по поводу своих проблем, он продолжал спокойно жить и старался сделать свою жизнь максимально приятной и интересной. Тысячи людей вокруг на такое отношение к вещам не способны, и не только здесь, но и за пределами тюремных стен. Еще я отметил, что хотя лицо Энди

было обезображено последствиями вчерашнего конфликта, ногти были идеально ухожены и чисты.

Я редко видел его на протяжении последующих шести месяцев – большую часть этого времени Энди провел в одиночном карцере.

Теперь несколько слов о сестрах. В других тюрьмах существуют какие-то иные термины для обозначения этих людей. Позже в моду вошло название «королевы убийц». Но в Шоушенке они всегда назывались сестрами. А впрочем, не вижу особой разницы. Не все ли равно, как именовать это явление, суть от этого не изменится.

В наше время уже ни для кого не секрет, что за тюремными стенами процветает содомия. Это и неудивительно. Большое количество мужчин на долгое время оказываются в изоляции и не могут получать удовлетворение привычным путем. Поэтому часто те из них, кто на воле общался только с женщинами, в тюрьме вынуждены заниматься сексом с мужчинами, чтобы не сойти с ума от переполняющего их желания. Впрочем, если хотите знать мое мнение, то гомосексуальная склонность была заложена в них с самого начала. Потому что если бы они были настолько гетеросексуальны, насколько привыкли себя считать, то они стали бы терпеливо дожидаться, пока их выпустят на свободу к женам и подругам.

Также существует достаточное количество мужчин, которые, на свою беду, молоды, симпатичны и неосмотрительны – их совратили уже в тюрьме. В большинстве случаев им отводится женская роль, и партнеры этих бедняг соревнуются друг с другом за обладание ими.

А еще есть сестры. Для тюремного общества это то же, что насильники для общества за этими стенами. Обычно сестры – заключенные, отбывающие длительный срок за тяжкие преступления: насилие, убийство, грабеж и так далее. Как правило, их жертва молода, слаба и неопытна... Или, как в случае с Энди, только выглядит слабой. Их охотничьи угодья – души, задний двор за помещениями прачечной, иногда лазарет. Неоднократно изнасилование происходило в маленькой, тесной, как шкаф, комнате, выполняющей функции кладовки или подсобного помещения в прачечной. Чаще всего сестры берут силой то, что могут получить и по-хорошему: их жертвы, будучи уже совращены, довольно забавно испытывают увлечение своими партнерами, как шестнадцатилетние девчонки увлекаются своими Пресли Редфордами. Но для сестер, судя по всему, основное удовольствие состоит именно в том, чтобы брать силой... И я полагаю, так будет всегда.

Энди оказался в центре внимания сестер с первого своего дня в Шоушенке. Наверное, их привлек ухоженный вид этого человека, его приятная внешность и абсолютное спокойствие. И если бы я рассказывал вам сказку, с удовольствием продолжил бы ее в том духе, что Энди долго боролся с сестрами и им так и не удалось достичь желаемого. Я хотел бы сказать так, но не могу. Тюрьма – не то место, где сбываются сказки.

Первый раз к нему подошли в душе спустя три дня после его прибытия в Шоушенк. Это была всего лишь проба сил. Шакалы долго кружат около своей добычи и, прежде чем схватить ее, должны убедиться в беззащитности жертвы.

Энди, резко развернувшись, разбил губу огромному мощному парню из числа сестер по имени Богс Даймонд. Охранник разнял дерущихся, прежде чем это зашло слишком далеко. Но Богс обещал Энди, что достанет его, и сдержал свое слово.

Второй раз произошел за помещениями прачечной. За многие годы чего только не случалось на этом пыльном узком задворке. Охранники прекрасно все знали и позволяли событиям течь своим чередом. Там было тесно, все завалено упаковками от стиральных порошков и отбеливателей, пачками катализатора «Хекслайт», безвредного, как соль, если у вас сухие руки, и убийственного, как кислота, если ваши ладони мокры. Охранники не любили туда ходить. Места для маневров там не было, а одна из первых заповедей, которой обучали этих

ребят при поступлении на работу, – ни в коем случае не попадать в места, где заключенные могут окружить и некуда будет отступить.

В тот день Богса в прачечной не было. Однако Хенли Бакас, мастер, возглавлявший бригаду работников прачечной с 1922 года, рассказывал потом, что присутствовали четыре друга Богса. Энди встал в дверях, держа в руках пачку «Хекслайта» и обещая засыпать порошок в глаза нападающим на него, если они тронутся с места. Но удача в тот день была не на его стороне: Энди поскользнулся на большом целлофановом пакете отбеливателя и упал. Все четверо тут же накинулись на него.

Наверное, такая неприятная вещь, как групповое изнасилование, останется неизменной на протяжении многих поколений заключенных. Именно это и сделали с ним четыре сестры. Они повалили его на большую картонную коробку, и один из насильников держал у его виска острую финку, пока остальные занимались своим делом. Такого рода происшествие выбивает вас из колеи, но не слишком надолго. Я сужу по собственному опыту, спросите вы? Хотел бы, чтобы это было не так. Очень хотел бы... Некоторое время у вас будет идти кровь, но не слишком сильно. Если вы не хотите, чтобы какой-нибудь клоун на прогулочном дворе поинтересовался, как прошла ваша первая брачная ночь, то следует просто подложить туалетную бумагу и ходить с ней, пока кровь не остановится. Кровотечение напоминает женскую менструацию, оно довольно слабое и продолжается два-три дня. Затем прекращается. Никакого особого вреда вам не причинили. Никакого физического вреда, но изнасилование есть изнасилование, с вами сделали нечто противоестественное, и вы должны теперь решать, как с этим жить дальше.

Энди прошел через это один, переживая в одиночестве все события тех дней. Он пришел к тому выводу, к которому приходит каждый, оказавшийся на его месте: что есть только два пути общения с сестрами – сдаться им или продолжать борьбу.

Он решил бороться. Когда Богс и еще парочка ублюдков из его компании подошли к нему через недельку после прошлого инцидента, Энди не долго думая заехал в нос приятелю по имени Рустер Макбрайд. Этот фермер с массивной нижней челюстью и низким лбом находился здесь за то, что до смерти избил свою падчерицу. К счастью для общества, он умер, не выходя из Шоушенка.

Они навалились на него втроем. Рустер и еще один тип, возможно, это был Пит Вернес, но я не могу быть в точности уверен, повалили Энди на колени. Богс Даймонд стал перед ним. У Богса была бритва с перламутровой ручкой и выгравированным на каждой стороне рукоятки его именем. Он открыл ее и произнес:

– Смотри сюда, мальчик. Сейчас я дам тебе кое-что, и ты возьмешь это в рот. А потом так же поступит мистер Рустер. Полагаю, ты не откажешься доставить нам удовольствие. Тем более что имел неосторожность разбить ему нос и должен теперь как-то это компенсировать.

– Все, что окажется у меня во рту, будет вами навек утеряно, – спокойно ответил Энди.

Богс поглядел на него как на придурка, рассказывал потом Эрни, бывший в тот день в прачечной.

– Нет, – медленно произнес он, словно объясняя простейшие вещи глупому ребенку, – ты меня не понял. Если ты попробуешь дернуться, то узнаешь вкус этого лезвия. Теперь дошло?

– Я-то вас понял. Боюсь, вы не поняли меня. Я сказал, что откушу все, что вы попробуете в меня засунуть. А что касается лезвия, следует учитывать, что резкая боль вызывает у жертвы непроизвольное мочеиспускание, дефекацию... и сильнейшее сжатие челюстей.

Он глядел на Богса, улыбаясь своей характерной, едва уловимой иронической улыбкой. Будто вся компания обсуждала с ним проблемы человеческих рефлексов, а не собиралась его изнасиловать. Будто он был в своей шикарной шерстяной тройке и при галстукке, а не валялся на грязном полу подсобки, придерживаемый двумя бугаями, с кровью, сочащейся из задницы.

– И кстати, – продолжал он, – я слышал, что этот рефлекс проявляется так сильно, что челюсти жертвы можно разжать только с помощью металлического рычага. Можете проверить, но я бы не рекомендовал.

Богс оставил Энди и ничего не засунул ему в рот той февральской ночью сорок восьмого года, не сделал этого и Рустер Макбрайд. И насколько я знаю, никто никогда такого рода эксперимент поставить не решился. Хотя они втроем довольно круто избили Энди в тот день и оказались все вместе в карцере. Энди и Рустер попали потом в лазарет.

Сколько еще раз эти ребята пытались получить свое от Энди? Не знаю. Макбрайд потерял вкус довольно быстро: перебитый нос не располагал к такого рода развлечениям. Летом отстал и Богс Даймонд.

С Богсом вышел довольно странный эпизод. Однажды утром, в начале июля, его недо считались на проверке. Он был найден в камере в полубессознательном состоянии, жутко избитым. Он не сказал, что произошло, кто это сделал и как к нему в камеру пробрались, но для меня все было совершенно ясно. Я прекрасно знаю, что за соответствующую сумму офицер охраны окажет вам любую услугу. Разве что не продаст оружие. Большие деньги никогда не запрашивались, да и теперь цены не слишком высоки. И в те дни не было никаких электронных систем, никаких скрытых телекамер, контролирующих каждый уголок тюрьмы. Тогда, в тысяча девятьсот сорок восьмом году, охранник, имеющий ключ от блока и всех его камер, мог позволить войти внутрь кому угодно. И даже двоим-троим. Даже в камеру Богса.

Такая работа стоила денег. Конечно, по стандартам мира, находящегося за пределами тюремных стен, расценки были не слишком высоки. Здесь доллар в ваших руках значит столько же, сколько на свободе двадцать долларов. По моим подсчетам, учинить такое над Богсом стоило немало – пятьдесят долларов за то, чтобы открыли блок и камеру, по два-три доллара каждому из охранников в коридоре.

Не берусь утверждать, что это сделал Энди Дюфреш, но знаю, что он пронес сюда пять сотен долларов. И раньше он был банкиром. А это человек, который понимает лучше остальных, как можно сделать так, чтобы превратить деньги в реальную власть. Богс после того, как его избили – три сломанных ребра, подбитый глаз, смещенная бедренная кость и, кажется, чуть растянутая задница, – оставил Энди в покое. Надо сказать, он всех оставил в покое. Он стал похож на тех облезлых шавок, которые много лают, но совершенно не кусаются. И перешел в разряд «слабых сестер».

Так закончились домогательства Богса Даймонда, человека, который мог бы, что вполне вероятно, убить Энди, если бы тот не принял предупредительных мер. (Я все же думаю, именно Энди устроил тот эпизод с Даймондом.) Эпопея с сестрами на этом не закончилась, хотя поутихла. Шакалы ищут легкой добычи, а Энди Дюфреш зарекомендовал себя человеком, слабо подходящим на эту роль. Вокруг было множество других жертв, и сестры ослабили свое внимание к Энди, хотя долгое время не оставляли его окончательно.

Он всегда боролся с ними, насколько я помню. Стоит только один раз отдаться им без боя, и в следующий они будут чувствовать себя уверенней. Не стоит сдавать своих позиций. Энди продолжал появляться иногда с отметидами на лице, и неприятности с сестрами были причиной двух сломанных пальцев спустя полгода после случая с Даймондом. А в 1949 году парень отдыхал в лазарете после того, как его угостили куском металлической трубы из подсобки прачечной, обернутой фланелью. Он всегда сражался и в результате проводил немало времени в одиночном карцере. Но не думаю, что одиночка представляла собой серьезную неприятность для Энди – человека, привыкшего всегда быть наедине с собой, даже когда он находился в обществе.

Война с сестрами продолжалась, то затихая, то вспыхивая вновь, до 1950 года. Тогда все прекратилось окончательно. Но об этом речь впереди.

Осенью 1948-го Энди встретил меня утром на прогулочном дворе и спросил, могу ли я достать ему дюжину полировальных подушечек.

– Это еще что за хреновина? – поинтересовался я.

Он объяснил мне, что это необходимо для обработки камней. Полировальные подушечки туго набиты, имеют размер примерно с салфетку и две стороны, тонкую и грубую. Тонкая – как мелкозернистая полировальная бумага. Грубая – как промышленный наждак.

Я ответил, что все будет сделано, и действительно, в конце недели мне купили заказанные штуковины в том же магазине, в котором когда-то был куплен молоток. В этот раз я взял с Энди свои десять процентов и ни пенни сверх того. Я не видел ничего летального или даже просто опасного в этих небольших набитых жестких кусочках ткани. Действительно полировальные подушечки.

Пять месяцев спустя Энди попросил у меня Риту Хейуорт. Мы разговаривали об этом в кинозале. Теперь сеансы для заключенных устраивают раз или два в неделю, а в те далекие дни это было гораздо реже, раз в месяц или около того. Фильмы подбирались не какие-нибудь, а высокоморальные. С каждого сеанса мы должны были уходить более благонравными, чем вошли в зал. Этот раз не был исключением. Мы смотрели фильм, повествующий о том, как вредно напиваться. Хорошо хоть то, что эту мораль мы получали с неким комфортом.

Энди сел рядом со мной и где-то посреди сеанса приблизился и спросил на ухо, не могу ли я достать для него Риту Хейуорт. По правде говоря, он меня слегка удивил. Обычно такой спокойный, хладнокровный и корректный, сегодня он выглядел неловким и смущенным, будто просил меня доставить ему троянского коня или... одну из этих резиновых или кожаных штук, которые продаются в соответствующих магазинах и, судя по журнальной рекламе, «скрасят ваше одиночество и доставят массу наслаждения». Энди выглядел чуть растерянным.

– Я принесу ее, – сказал я, – все в норме, успокойся. Тебе большую или маленькую?

В то время Рита была лучшей из моих картинок (через несколько лет любимой звездой стала Бетти Грейбл), и она продавалась в двух видах. Маленькую вы могли купить за доллар. За два с половиной – большую Риту, в полный рост, размером четыре фута.

– Большую, – ответил он, не глядя на меня. Он зарделся, как ребенок, пытающийся попасть на вечеринку в клуб по пригласительному билету старшего брата. – Ты это действительно можешь?

– Могу, будь спокоен. Не иначе как медведь в лесу сдох?

Зал зааплодировал, закричал, затопал. Кульминационный момент фильма.

– Как быстро?

– Неделя. Или даже меньше.

– О'кей. – Однако он все еще был в непривычном для себя смущении, которое с трудом преодолевал. – И сколько это будет стоить?

Я назвал ему цену, не добавив ни пенни для себя. Я мог себе позволить продать Риту за ее стоимость, тем более Энди всегда был хорошим покупателем. И славным малым. Во время всех этих разборок с Рустером и Богсом я часто мучился вопросом, как долго он продержится, прежде чем молоток, который я ему доставил, опустится на голову какой-нибудь из сестер.

Постеры – существенная часть моего бизнеса, в списке самых популярных вещей они стоят сразу после спиртного и курева и даже перед «травкой». В шестидесятых это дело процветало, все желали приобретать плакаты с Джими Хендриком, Бобом Диланом и прочими из этой же серии. Однако больше всего пользовались спросом девочки, и одна популярная красотка сменяла другую.

Через несколько дней после того, как мы поговорили с Энди, шофер прачечной привез мне около шестидесяти плакатов, большинство из них с Ритой Хейуорт. Возможно, вы помните

эту фотографию. У меня-то она стоит перед глазами во всех подробностях. Рита в купальном костюме, одну руку заложила за голову, глаза полуприкрыты, на полных чувственных губах играет легкая улыбка.

Администрация тюрьмы знала о существовании «черного рынка», если вас волнует эта проблема. Разумеется, все знали. Им было известно о моем бизнесе ровно столько же, сколько мне самому. Они мирились с этим, потому что знали, что тюрьма – большой котел и нужно кое-где оставлять открытыми клапаны, чтобы выпускать пар. Иногда они устраивали проверки, проявляли строгость, и я проводил время в одиночке. Но в безобидных вещах типа плакатов никто не видел ничего страшного. Живи и жить давай другим. И если в чьей-нибудь камере обнаруживается, например, Рита Хейуорт, то принято считать, что картинка попала к заключенному в посылке с вольного мира. Естественно, все передачи родственников и друзей тщательно проверяются, но кто станет устраивать повторные проверки и поднимать шум из-за такой невинной вещицы, как Рита Хейуорт, Ава Гарднер или еще какая-нибудь красотка на плакате? Если вы хороший повар, то знаете, как оптимальным способом выпускать пар из котла. Живи и жить давай другим, иначе найдется кто-нибудь, кто вырежет вам второй рот аккурат под кадыком. Приходится прибегать к компромиссам.

Эрни, именно ему я доверил доставить плакат из моей шестой камеры в четвертую, где обитал Энди. И тот же Эрни принес записку, в которой твердым почерком банкира было написано одно слово: «Спасибо».

Чуть позже, когда нас выводили на утреннюю проверку, я заглянул одним глазом в его камеру и увидел Риту, висящую над его кроватью. Энди мог любоваться ею в полумраке долгих бессонных тюремных ночей. А теперь, при свете солнца, лицо ее было пересечено черными полосами. То были тени от прутьев решетки на маленьком пыльном окошке.

А теперь я расскажу, что случилось в середине мая 1950 года, после чего Энди окончательно выиграл свою войну с сестрами. После этого происшествия он также сменил работу: перешел из прачечной, куда его определили, когда он вступил в нашу маленькую счастливую семейку, в библиотеку.

Вы могли уже заметить, что большинство из рассказанного мной – слухи и сплетни. Кто-то увидел, кому-то рассказал, через десятые руки все попало ко мне, и я вам пересказываю. Ну что ж поделаешь, приходится пользоваться всякими источниками, в том числе и непроверенными, если хочешь быть в курсе событий. Просто нужно уметь выделять крупицу истины из тонн лжи, пустых сплетен и тех частых случаев, когда желаемое выдается за действительное. Вам может показаться также, что я описываю человека, который больше похож на легендарного персонажа, чем на мужчину из плоти и крови. Для нас, долгосрочных заключенных, знавших Энди на протяжении многих лет, не только в рассказах о нем, но и в самой его личности было что-то мифическое, некий неуловимый аромат магии, если вы понимаете, о чем я говорю. Все, что я рассказывал об Энди, сражающемся с Богсом Даймондом, – часть этого мифа, и прочие события, связанные с Энди, и как он получил свою новую работу... но с одной существенной разницей: я был свидетелем последнего происшествия и могу поклясться именем своей матери, что все, что расскажу сейчас, – правда. Понимаю, что слово убийцы вряд ли имеет большую ценность, но вы уж мне поверьте.

К тому времени мы с Энди были уже довольно близки. Парень относился ко мне с уважением и явно предпочитал мое общество любому другому. Да и я, как уже говорил, оценил его по достоинству с самого начала. Кстати, забыл рассказать еще об одном эпизоде. Прошло пять недель с тех пор, как я принес Риту Хейуорт, я уже забыл об этом в повседневной суете, и вот однажды вечером Эрни принес мне небольшую коробочку.

– От Дюфресна, – произнес он, не выпуская щетки из рук, и исчез.

Мне было чертовски интересно, что же там может быть, и я разворачивал белую вату, которой оказалась набита коробка, с нетерпением. И вот...

Я долго не мог оторвать глаз. Несколько минут я просто смотрел, и мне казалось, что к ним невозможно притронуться, так хороши были эти камешки. Все же в этом убудском мире, во всей этой мышинной возне и суете, во всем этом навозе встречаются иногда поразительно красивые вещи, радующие человеческий глаз, и беда многих в том, что они об этом забыли.

В коробке лежали два тщательно отполированных кусочка кварца, имеющих форму плавников. Вкрапления пирита давали металлический отблеск, и золотые вспышки играли на шлифованных гранях камней. Если бы они не были достаточно тяжелыми, из них получились бы шикарные запонки.

Как много труда ушло на то, чтобы превратить грязные камни с прогулочного двора в это чудо! Сперва отчистить их, затем придать форму молоточком, и, наконец, бесконечная полировка и заключительная отделка. Глядя на эти камешки, я испытывал нечто вроде восхищения родом человеческим – чувство, посещающее меня очень редко и вполне понятное, когда вы смотрите на что-то прекрасное, действительно приковывающее взгляд, сделанное человеческими руками. Мне кажется, это и отличает нас от животных... Конечно, я восхищался Энди, его необыкновенным упорством, еще одно проявление которого мне предстояло увидеть собственными глазами. Но об этом речь впереди.

В мае 1950 года администрация тюрьмы решила подновить крышу нашей фабрики. Лучше всего было делать это теперь, пока не наступила убийственная летняя жара, и начался набор желающих. Их оказалось много, человек семьдесят, потому что май – чертовски приятный месяц для работы на свежем воздухе. Девять или десять бумажек с именами было вытасовано из шапки, и случилось так, что среди имен оказались мое и Энди.

На следующей неделе после завтрака мы прошли через прогулочный двор с двумя охранниками впереди и двумя позади... не считая тех парней на вышках, что не забывали окидывать взглядом все вокруг себя, благо бинокли у них весьма неплохие.

Четверо несли большую лестницу; ее прислонили к стене низкого плоского строения и забрались на крышу. Там мы начали заливать поверхность расплавленным гудроном, выливая его полными черпаками и распределяя жесткими щетками по поверхности.

Внизу сидели шесть охранников. Для них эта затея с крышей обернулась великолепным недельным отпуском. Вместо того чтобы вдыхать порошки в прачечной или пылиться рядом с подметающими двор заключенными, короче говоря, хоть как-то работать, они сидели на майском солнышке, облокотившись о низкий парапет, и чесали языки.

За нами они смотрели вполглаза, потому что южная стена была достаточно близко, бежать было некуда, а человек на крыше был прекрасной мишенью, и в случае неверного движения заняло бы пару секунд прострелить любому из нас череп. Итак, ребята сидели и расслаблялись, каждый из них был вполне доволен собой, и не хватало лишь хорошего крепкого коктейля со льдом, чтобы чувствовать себя хозяином мироздания.

Один из них был тип по имени Байрон Хедли, и в 1950 году, когда происходили все эти события, он находился в Шоушенке гораздо дольше, чем даже я. Дольше, чем два последних коменданта, вместе взятые. У власти в 1950 году находился урод по имени Джордж Данэхи. Он был янки, и все его терпеть не могли, кроме, наверное, тех людей, что назначили его на эту должность. Я слышал, что в этой жизни его интересовали только три вещи. Во-первых, статистика для книги, которая потом вышла в каком-то небольшом издательстве, вероятно, за его счет. Во-вторых, какая команда выиграла бейсбольный чемпионат в сентябре каждого года. И в-третьих, он добивался, чтобы в Мэне была принята смертная казнь. Джордж Данэхи был большим сторонником смертной казни. Он полетел с работы в 1953 году, когда вскрылись его махинации, связанные с автосервисом в тюремном гараже. Он делился доходами с Байроном Хедли и Греггом Стэммосом, но двое последних вышли сухими из воды. Никто не сожа-

лел, когда выгнали прежнего начальника, но назначение на его место Грега Стэммоса было довольно неприятной новостью. Это был коротышка с крепкой нижней челюстью, словно предназначенной для бульдожьей хватки, и холодными карими глазами. Он все время усмехался, болезненно кривя лицо, будто хотел в сортир или у него болела селезенка. Когда Стэммос пришел на пост коменданта, в Шоушенке начали твориться такие зверства, о которых прежде не было слышно. И кажется, хотя я не вполне уверен, что полдюжины могил для странным образом исчезнувших людей, что стояли поперек дороги новому начальнику, были вырыты в лесу, что простирался к востоку от тюрьмы. Конечно, и в прошлом коменданте не было ничего хорошего, но Грег Стэммос был жестоким, убогим, а потому особо отвратительным типом.

Он был добрым приятелем с Байроном Хедли. Как начальник, Джордж Данэхи был не более чем пешкой в руках этих двоих, которые действительно держали всю тюрьму.

Хедли был высокий мужчина с неуклюжей ковыляющей походкой и редкими рыжими волосами. Он легко загорал на солнце, всегда громко говорил, и если вы недостаточно быстро подходили на его отклик, мог ткнуть вас как следует рукоятью своего пистолета. В тот день на крыше он разговаривал с другим охранником по имени Мерт Энтвистл.

Хедли получил неожиданно хорошую новость и усмехался своей желчной злорадной усмешкой. Таков был его стиль. У этого человека ни для кого не находилось доброго слова, и он был уверен, что весь мир против него. Этот мир и все эти ублюдки, его населяющие, испортили ему лучшие годы жизни и были бы счастливы испортить остаток его дней. Я видел несколько тюремных офицеров, которые выглядели вполне умиротворенными и счастливыми, и понимал, как они к этому пришли. Для этого достаточно видеть разницу между их жизнями, возможно, полными страданий, борьбы и нищеты, и состоянием людей, за которыми они присматривают. Так вот, те офицеры, о которых я говорю, смогли увидеть разницу и сделать соответствующий вывод. Остальные не смогли и не захотели.

Для Байрона Хедли не было и речи ни о каком сравнении. Он мог спокойно сидеть под теплым майским солнышком, болтать всякий вздор, тогда как в десяти футах от него работала, обливаясь потом и обдирая ладони о большие ковши с кипящим гудроном, группа заключенных, каждодневный труд которых был настолько тяжел, что теперь они даже ощущали облегчение. Вы можете припомнить старый вопрос, который обычно задают, чтобы проверить, являетесь ли вы оптимистом или пессимистом. Для Байрона Хедли ответ всегда будет одинаков: стакан полупустой. Во веки веков аминь. Если вы предложите ему стаканчик превосходного апельсинового сока, он скажет, что мечтал об уксусе. Если вы похвалите верность его жены, он ответит, что неудивительно: на эту уродину никто и не польстится.

Итак, он сидел, разговаривая с Мертом Энтвистлом достаточно громко, мы слышали каждое слово, и его широкий белый лоб уже начинал краснеть под солнечными лучами. Одной рукой он опирался на парапет, окружающий крышу. Другую положил на рукоять своего револьвера 38-го калибра.

Мы все вместе с Мертом слушали его рассказ. Суть была в том, что старший брат Хедли свалил в Техас лет четырнадцать назад и с тех пор, сукин сын, ни разу не давал о себе знать. Семья решила, что он уже погиб, причем давно. Но неделю назад раздался звонок из Остина, это был адвокат, сообщивший, что брат Хедли умер четыре месяца назад довольно богатым человеком.

(– Меня всегда поражало, – говорил Хедли, этот благороднейший из смертных, – как удача может приваливать к таким ослам, как мой милый братец.)

Деньги пришли к покойному как результат операции с нефтью, и это было что-то порядка миллиона долларов.

Нет, Хедли не стал миллионером. Возможно, это даже его сделало бы счастливым, хотя бы ненадолго. Но брат оставил каждому из членов семьи кругленькую сумму, 35 тысяч долларов, что тоже, казалось бы, очень неплохо.

Но для Байрона Хедли стакан всегда полупустой. И уже полчаса он занимался тем, что жаловался Мерту на проклятое правительство, которое хочет хапнуть хороший кусок его наследства.

– Ну вот, теперь я останусь без новой машины. Да если у меня и хватит на нее, тоже приятного мало, – нудил он. – Нужно платить неслыханную цену за саму машину, потом тебе влетит в копеечку ремонт и техобслуживание, потом эти идиотские дети начинают упрашивать вас покатасть их и...

– И самим поводить машину, если они уже достаточно взрослые, – подхватил Мерт. Старица Мерт Энтвистл прекрасно знал, где собака зарыта. И не произнес вслух того, что было очевидно для него, как и для всех нас: «Если тебе так мешают эти деньги, лапонька моя, я уж как-нибудь постараюсь постепенно тебя от них избавить. Для чего и существуют друзья».

– Да-да, водить машину, а еще учиться этому, получать права, о Боже! – содрогнулся Байрон. – И что происходит под конец года? Если в твоих расчетах что-то не то, если ты превысил кредит, они заставят тебя платить из собственного кармана или, что еще хуже, обращаться в одно из этих еврейских агентств по займу. И они везде тебя достанут, будь уверен. Если уж правительство решило проконтролировать твои расходы, будь спокоен, обдерут до ниточки. Кто станет сражаться с Дядей Сэмом? Он высосет из тебя все соки, выбросит на помойку, и все это считается в порядке вещей. Боже мой.

Он замолчал и погрузился в тягостные раздумья о неприятностях, которые выпали ему на долю из-за того, что он имел несчастье получить тридцать пять тысяч наследства. В это время Энди Дюфреш, в пятнадцати футах от него распределявший гудрон по крыше, опустил свою щетку в бадью и пошел прямо к Мерту и Хедли.

Мы все замерли, и я увидел, как один из охранников, Тим Янгблуд, опустил руку на рукоятку пистолета. Один из работавших парней дернул своего соседа за рукав, и оба тоже повернулись. В какое-то мгновение я подумал, что Энди решил получить пулю в лоб.

А он сказал Хедли очень мягко:

– Простите, доверяете ли вы своей жене?

Хедли тупо уставился на него. Кровь прилиwała к его лицу, и я знал, что это плохой знак. Секунды через три он схватится за свой пистолет, и Энди получит сильнейший удар рукояткой в солнечное сплетение. Если не рассчитать силы, удар в это место может убить человека, но охранники этого избегают. Вы просто валяетесь в парализованном виде достаточно долго, чтобы забыть, что вы планировали, прежде чем получили эту передышку.

– Мальчик, – произнес Хедли, – я даю тебе последний шанс поднять свою щетку. Затем ты съедешь с этой крыши на голове.

Энди спокойно смотрел на него, глаза его были холодны как лед. Будто бы он не услышал угрозы охранника. Больше всего я хотел бы сейчас объяснить ему кое-что из здешних правил выживания. Вы никогда не должны показывать, что слышите разговор охранников. Никогда не вмешиваться в их дела. И говорить только тогда, когда вас спрашивают, и только то, что хотят услышать. Черные, белые, желтые и краснокожие – в тюрьме все это несущественно, вот уж где наступает всеобщее равенство! В тюрьме каждый заключенный – негр, и приходится привыкнуть к этой идее, если не хотите нарваться на таких людей, как Хедли и Стэммос, которые убьют вас не задумываясь. И горе вам, если вы не осознаете эту простую истину. Я знаю людей, которые лишились пальцев и глаз, знаю одного человека, который потерял кусок своего пениса и был счастлив, что остальное осталось при нем. Но говорить что-либо Энди было слишком поздно. Даже если он вернется к своему занятию и молча поднимет щетку, вечером в душе его будет подстерегать огромный тип спортивного сложения, которого покупают обычно за несколько пачек сигарет и который выбьет вам все зубы, переломает ребра и оставит валяться на холодном цементном полу. Ну, по крайней мере я хотел бы сказать Энди, чтобы он не усугублял ситуацию.

Но мне пришлось продолжать лить гудрон на крышу, как будто ничего не происходит. Как и все остальные, я должен в первую очередь думать о собственной шкуре. Все же она у меня одна, а желающих свернуть кому-нибудь шею, типа Хедли, вокруг достаточно.

Мерт вскочил. Встал Хедли. Поднялся с места и Тим Янгблуд. Лицо Хедли было красное, как помидор.

Энди сказал:

– Возможно, я неверно это преподношу. Не важно, доверяете вы ей или нет. Вопрос в том, верите ли вы в то, что она не обведет вас вокруг пальца и не бросит с деньгами на руках.

Хедли, казалось, едва не задыхался от злости.

– Вопрос в том, – произнес он, – сколько костей ты переломаешь при падении. Посчитай их в лазарете. Подойди сюда, Мерт. Мы выкинем этого ублюдка, если он не понимает с первого раза.

Мы продолжали лить гудрон. Солнце жарило вовсю. Охранники явно собирались осуществить обещанное. Скверное происшествие: Дюфреш, заключенный номер 81433, случайно свалился с крыши во время ремонтных работ. Хорошего мало.

Они подошли к Энди вплотную, Мерт справа, Хедли слева. Энди не сопротивлялся. Он не сводил взгляда с красного перекошенного лица Хедли.

– Если вы уверены в ней, мистер Хедли, – продолжал он все тем же ровным спокойным голосом, – у вас есть великолепный шанс сохранить каждый цент ваших денег. Итог вас обрадует: Дядя Сэм остается ни с чем, тридцать пять тысяч ваши.

Мерт взял Энди за локоть, Хедли продолжал стоять, тупо уставившись в пространство перед собой. На секунду мне показалось, что все кончено и Энди сейчас полетит с крыши головой вниз. Но тут Хедли произнес:

– Обожди немного, Мерт. Что ты имеешь в виду, парень?

– Я хочу сказать, что если вы держите жену под контролем, можете все отдать ей.

– Перестань говорить загадками, парень, по-хорошему говорю.

– IRS² позволяет вам сделать единовременный презент своей супруге, – пояснил Энди, – на сумму до шестидесяти тысяч долларов.

Хедли ошарашенно уставился на него.

– Не может быть. Без налога?

– Да, налогом не облагается.

– Откуда ты знаешь эти вещи?

– Он был банкиром, Байрон, – сказал Тим Янгблуд. – Думаю, он может...

– Заткнись, Крокодил, – не поворачиваясь бросил Хедли.

Тим вспыхнул и замолчал; его прозвали Крокодилом приятели-охранники из-за толстых губ и поросячьих глазок.

Хедли продолжал разговор с Энди:

– Ты тот пронырливый банкир, который пристрелил свою жену. Почему я должен верить такому, как ты? Чтобы подметать прогулочный двор рядом с тобой? Этого добиваешься?

Энди отвечал все так же бесстрастно:

– Если вы попадетесь на финансовой махинации, то будете отправлены в федеральный исправительный дом, а не в Шоушенк. Но этого не произойдет. Подарок, не облагающийся налогом, дает вам превосходную возможность сберечь свои деньги, не преступая закон. Я делал дюжины... нет, сотни таких операций. В основном ко мне обращались люди, получившие одно-разовую крупную прибыль типа наследства. Как вы.

² IRS (Internal Revenue Service) – Налоговое управление США. – *Примеч. ред.*

– Думаю, ты лжешь, – произнес Хедли, но это было не так. И я ясно видел это. Его черты исказились в напряжении, покрасневший лоб собрался в морщины, и на лице явственно читалась эмоция, совершенно несвойственная этому человеку. Надежда.

– Нет, я не лгу. Впрочем, вам нет резона принимать мои слова на веру. Обратитесь к юристу... и все.

– Это официальный грабеж! Эти разбойники, ублюдки, которые сами только и думают о том, чтобы содрать с тебя все до последнего цента! – прорычал Хедли.

Энди пожал плечами:

– Обратитесь в IRS. Там вам скажут то же самое бесплатно. И действительно, вовсе не обязательно слушать меня. Вы можете узнать все об этой операции самостоятельно.

– Заткнись, придурок, я не хочу, чтобы паршивый банкир, прикончивший свою жену, давал мне тут указания.

– Вам нужна помощь юриста или банкира, чтобы оформить составление дарственной, и это будет кое-что стоить. Или... если вы в этом заинтересованы, я сделаю все необходимое почти бесплатно. Возьму за это не много: по три бутылки пива для всех моих сотрудников. – Он обвел нас рукой.

– Сотрудников, – загоготал Мерт и хлопнул себя по коленям. Редкостным ублюдком был старина Мерт. Надеюсь, он умер от рака в какой-нибудь забытой Богом дыре, где неизвестен морфий. – Сотрудники, ха! Остроумно! Ты хочешь...

– Заткнись, урод, – рявкнул Хедли, и Мерт заткнулся.

Хедли посмотрел на Энди:

– Что ты говорил?

– Я говорил, что хочу запросить за свою помощь всего лишь по три бутылки пива для каждого из моих сотрудников, если это вообще можно считать платой. Полагаю, человек будет чувствовать себя человеком, когда он работает весной на открытом воздухе, если ему предложат бутылочку-другую чего-нибудь прохладительного. Это мое мнение. Полагаю, остальные со мной согласятся и будут вам благодарны.

Я разговаривал потом с другими ребятами, которые были в тот день на крыше – Рени Мартин, Логон Пьер, Пауль Бонсайнт и другие, – и все мы увидели... точнее сказать, почувствовали одно и то же. Неожиданно оказалось, что преимущество на стороне Энди. На стороне Хедли был пистолет в кобуре и дубинка в руках, его приятель Грег Стэммос и вся тюремная администрация, а за этим вся мощь государственной машины, но вдруг все это обратилось в ничто, и я почувствовал, что сердце мое забилося в груди так, как никогда с тех пор, как четыре офицера захлопнули за мной ворота в 1938 году и я ступил на тюремный двор.

Энди глядел на своего собеседника холодным, ясным, спокойным взглядом, и мы все понимали, что речь шла не о тридцати пяти тысячах долларов. Я прокручиваю эту ситуацию у себя в мозгу снова и снова и прихожу к одному выводу. Энди просто победил охранников, поборол их своим холодным спокойствием. И действительно, Хедли в любую минуту мог кивнуть своим приятелям, они выбросили бы Энди с крыши, а потом можно было воспользоваться его советом.

И не имелось причин так не поступить. Но этого не произошло.

– Если захочу, всем раздам по парочке бутылок, – медленно ответил Хедли. – После пива лучше работается.

Черт возьми, и он был способен на какие-то благородные жесты.

– Я дам вам один совет, который вряд ли кто-нибудь еще даст, – продолжал Энди, глядя Хедли прямо в глаза. – На эту операцию стоит идти, только если вы уверены в своей жене. Если есть хотя бы один шанс из ста, что она вас надует, мы можем продумать другой вариант...

– Надует меня? – резко спросил Хедли. – Меня?! Ну уж нет, мистер, не бывать этому. Она и пукнуть не смеет без моего позволения.

Мерт и Янгблуд хихикнули. Энди даже не улыбнулся.

– Я сейчас напишу, какие формы необходимы, – сказал он, – и вы возьмете бланки на почте. Я заполню их соответствующим образом, а вы подпишете.

Это звучало конкретно и по-деловому. Хедли принял важный вид и расправил плечи. Затем оглянулся на нас и крикнул:

– А вы что стали, паразиты? Пошевеливайтесь, черт вас подери!

Он оглянулся на Энди:

– А ты учти, банкир. Если решил меня надуть, ничего хорошего из этого не выйдет. Ты понимаешь, надеюсь, что в этом случае тебе оторвут голову и засунут ее в твою же задницу.

– Понимаю, – мягко сказал Энди.

Вот как случилось, что в конце второго дня работы бригада заключенных, перекрывающих крышу фабрики в 1950 году, в полном составе сидела под весенним солнышком с бутылками «Блэк лейбл». И это угощение было предоставлено самым суровым охранником, когда-либо бывшим в Шоушенке. И хотя пиво было теплым, такого чудного вкуса в моей жизни я еще не ощущал. Мы не спеша отхлебывали по глоточку, ощущали солнечные лучи на своей коже, и даже полупрезрительное, полуизумленное выражение лица Хедли, будто он наблюдал пьющих пиво обезьян, никому не могло испортить настроение. Это продолжалось двадцать минут, и двадцать минут мы чувствовали себя свободными людьми. Словно ремонтируешь крышу собственного дома и спокойно попиваешь пивко, делая перерыв, когда захочется.

Не пил только Энди. Я уже рассказывал о его привычках, касающихся алкоголя. Он привалился в тени, руки между коленями, поглядывая на нас с легкой улыбкой. Просто удивительно, как много людей запомнило его таким, и удивительно, как много народу было на крыше в тот день, когда Энди Дюфреш одолел Байрона Хедли. Я-то думал, что нас было человек девять-десять, но к 1955 году уже оказалось не меньше двух сотен или даже больше...

Итак, вы хотите получить прямой ответ на вопрос, рассказываю ли я вам о реальном человеке, или же передаю мифы, которыми обросла его личность, как крошечная песчинка постепенно вырастает в жемчужину. Но я не смогу ответить определенно. И то и другое, пожалуй. Все, в чем я уверен, – Энди Дюфреш был не такой, как я или кто-нибудь еще из обитателей Шоушенка. Он принес сюда пять сотен долларов, но этот сукин сын ухитрился пронести сквозь тюремные ворота нечто гораздо большее. Возможно, чувство собственного достоинства или уверенность в своей победе... или, возможно, просто ощущение свободы, которое не покидало его даже среди этих забытых Богом серых стен. Казалось, от него исходит какое-то легкое сияние. И я помню, что лишь раз он лишился этого света, и это тоже будет часть моего рассказа.

С 1950 года, как я уже сказал, Энди перестал бороться с сестрами. За него все сделали Стэммос и Хедли. Если бы Энди Дюфреш подошел к кому-нибудь из них или к любому другому охраннику, который был проинструктирован Стэммосом, и сказал лишь слово – все сестры в Шоушенке отправились бы спать этой ночью с сильнейшей головной болью. И сестры смирились. К тому же, как я уже отмечал, вокруг всегда находятся восемнадцатилетние угонщики автомобилей, какие-нибудь мелкие воришки и поджигатели, достаточно смазливые на вид и неспособные за себя постоять. А Энди с того самого дня на крыше пошел своим путем.

Теперь он стал работать в библиотеке под начальством крепенького старичка, которого звали Брукс Хетлен. Хетлен занял эту должность в конце двадцатых по той причине, что имел высшее образование. Если честно, его специализация была как-то связана с животноводством, но высшее образование в такой конторе, как Шенк, – большая редкость, а на безрыбье, как известно, и рак – рыба.

В 1952 году Брукс, который прикончил своих жену и дочь, проигравшись в покер, еще когда Кулидж был президентом, был освобожден. Как обычно, государство в своем милосердии

позволило ему выйти на свободу только тогда, когда любой шанс влиться в общество остался для него далеко позади. Хетлену было шестьдесят восемь. Он страдал артритом. И когда выходил из главных ворот тюрьмы с бумагами, свидетельствующими о его освобождении, в одном кармане старенького пиджака и автобусным билетом до Грейхаунда – в другом, он плакал. Он шел в мир, который был ему так же чужд, как земли, лежащие за неизведанными морями, для путешественников пятнадцатого века. Для Брукса Шоушенк был всем, был его миром. Здесь он имел какой-то вес, был библиотекарем, важной персоной, образованным человеком. Если же он придет в библиотеку Киттери, ему не доверят даже картотеки. Я слышал, бедняга умер в приюте для престарелых в 1953 году. Он продержался на полгода больше, чем я предполагал. Да, государство сыграло злую шутку с этим человеком. Сперва заставило его привыкнуть к неволе, потом выкинуло за тюремные стены, не предоставив ничего взамен.

Энди был библиотекарем после ухода Кетлена в течение двадцати трех лет. Он проявил все ту же настойчивость и силу, что я неоднократно наблюдал у него, чтобы добиться для своей библиотеки всего необходимого. И я своими глазами видел, как тесная комнатуха, пропахшая скипидаром, поскольку раньше здесь находилась малярная подсобка с двумя убогими шкафчиками, заваленными «Ридерз Дайджест» и географическими атласами, превратилась в лучшую тюремную библиотеку Новой Англии. Он делал это постепенно. Повесил на дверь ящик для предложений и терпеливо переносил такого рода записки, как «пожалуйста, больше книжек про трах» или «искусство побега в двадцати пяти лекциях». Энди узнавал, какими предметами интересуются заключенные, а потом посылал запросы в клубы Нью-Йорка и добился того, чтобы два из них, «Литературный союз» и «Книга месяца», высылали ему издания из своих главных выборок по предельно низким ценам. Он обнаруживал информационный голод у заключенных, и даже если дело касалось таких узкоспециальных вещей, как резьба по дереву, жонглерство или искусство пасьянса, всегда умел найти нужную литературу. Конечно, не забывал Энди и о популярных изданиях – Эрл Стенли Гарднер и Луи Амур. Он выставил шкафчик с книгами в мягких обложках под контрольной доской, тщательно проверял, возвращаются ли книги и в каком состоянии, но они все равно быстро затрепывались до дыр, с этим ничего нельзя было поделать.

В августе 1954 года он стал подавать запросы в сенат. Комендантом тюрьмы тогда уже был Стэммос. Этот человек уверился в том, что Энди – нечто вроде талисмана, и проводил много времени в библиотеке, болтая с ним о том о сем. Они с Энди были на короткой ноге, Грег часто усмеялся и даже похлопывал его по плечу.

Как-то он начал объяснять Энди, что если тот и был банкиром, то эта часть его жизни осталась в прошлом и пора бы приспособиться к изменившейся ситуации и привыкнуть к фактам тюремной жизни. В наше сложное время для денег налогоплательщиков, идущих на содержание тюрем и колоний, есть только три разрешительные статьи расходов. Первая – больше стен, вторая – больше решеток и третья – больше охраны. По мнению сената, продолжал Стэммос, люди в Шоушенке, и Томастене, и в Питсфилде – отбросы общества. Раз уж они попали в такое место, то должны влачить жалкое существование. И ей-богу, для заключенных действительно ничего хорошего не светит. И от твоего желания зависит слишком мало, чтобы ты мог что-то изменить.

Энди улыбнулся едва заметно и спросил Стэммоса, что случится с гранитным блоком, если капли воды будут падать на него день за днем в течение миллиона лет. Стэммос рассмеялся и хлопнул Энди по спине:

– У тебя нет миллиона лет, старина, но если бы был... я уверен, ты сделал бы все, что захочешь, вот с этой усмешечкой. Продолжай писать свои письма. Я могу даже опускать их для тебя, если ты заплатишь за марки.

И Энди продолжал. Хотя Стэммос и Хедли уже не могли увидеть итогов его трудов. Запросы для библиотечных фондов регулярно возвращались ни с чем до 1960 года, затем Энди

получил чек на две сотни долларов. Сенат пошел на это в явной надежде, что надоевший проситель наконец заткнется. Но не тут-то было! Энди только усилил нажим: два письма в неделю вместо одного. В 1962 году он получил четыре сотни долларов, и до конца шестидесятых на счет библиотеки каждый год, с точностью часового механизма, высылались семьсот долларов. В 1971 году сумма была увеличена до тысячи. Не так уж много, если сравнивать с субсидией, получаемой средней библиотекой в небольшом городке, но на тысячу долларов можно купить достаточно произведений Перри Мейсона и вестернов Джека Логана. К этому времени вы могли зайти в библиотеку, разросшуюся до трех просторных комнат, и найти почти все, что желаете. А если чего-то не находили, то Энди сумел бы помочь, будьте уверены.

Вы спрашиваете, произошло ли все это потому, что Энди научил Байрона Хедли, как спасти свое наследство от налогов. Да, но не только. Судите сами, что произошло дальше.

Можно сказать, в Шенке появился добрый финансовый волшебник. Летом 1950 года Энди помог оформить займы двум охранникам, которые хотели обеспечить высшее образование своим детям. Он посоветовал парочке других, как лучше всего повернуть маленькие авантюры с акциями, и настолько успешно, что один из этих парней пошел в гору и смог взять отставку через два года. И я уверен, что сам Джордж Данэхи консультировался у Энди по финансовым вопросам. Это было перед тем, как старикана выгнали с работы, и он еще спокойно спал и грезил о миллионах, которые принесет его книга по статистике. С апреля 1951 года Энди делал все финансовые расчеты для доброй половины администрации Шоушенка. А с 1952-го, пожалуй, для всех. Ему платили тем, что в тюрьме ценится подчас дороже золота, – покровительством и хорошим отношением.

Позже, когда комендантом стал Грег Стэммос, Энди приобрел еще больший вес. Если я постараюсь объяснить вам специфику ситуации, которая к этому привела, то окажусь в затруднительном положении. О некоторых вещах можно только догадываться. Зато другие я знаю наверняка. Известно, например, что некоторые заключенные обладают особыми привилегиями: радио в камере, более частые визиты родственников, прочие такого рода приятные мелочи, и у каждого из них за тюремными стенами есть «ангел». Так называем мы покровителей, которые оплачивают безбедное существование близкого для них человека в тюрьме. И если кто-то освобождается от субботних работ, будьте уверены, что здесь не обошлось без «ангела». Все происходит привычным, проверенным путем. Деньги за услугу передаются кому-нибудь из среднего звена администрации, а тот уже распределяет прибыль вверх и вниз по служебной лестнице.

Кроме того, при коменданте Данэхи расцвели махинации в сфере автосервиса. Некоторое время эти делишки тщательно скрывались, но затем приобрели невиданный размах в пятидесятых. Конечно, все, кто наживался на этом деле, платили дань верхушке администрации. И я уверен, что это касается и компаний, оборудование которых закупалось и устанавливалось в прачечной и на фабрике.

В конце шестидесятых началось повальное увлечение «колесами»; все те же административные лица были вовлечены в оборот наркотиков и делали на этом хорошие деньги. Конечно, речь идет не о той гряде нелегальных миллионов, что в больших тюрьмах типа Аттики или Сан-Кветина. Но и не мелочевка. И заработанные таким путем деньги сами по себе становились проблемой. Лучше не стоило класть их в бумажник, а затем, когда вам захочется приобрести новый «мерседес» или построить бассейн во дворе коттеджа, вытаскивать мятые купюры, полученные столь грязным образом. Однажды вам придется в соответствующем месте объяснить, каков источник вашего дохода, и если ваше объяснение не найдут достаточно убедительным, придется пополнить число тех, кого вы прежде контролировали, и прогуливаться по тюремному двору с номером на спине.

Вот для чего был нужен Энди. Они вытащили его из прачечной и посадили в библиотеку, но если взглянуть на дело с другой стороны, работа осталась той же самой. Просто теперь ему приходилось отмывать грязные деньги, а не грязные рубашки.

Однажды он сказал мне, что прекрасно понимает происходящее, но нисколько не волнуется насчет своей деятельности. Те махинации, в которые он был вовлечен, все равно продолжались бы – с его участием или без него, какая разница... Никто не спрашивал его согласия попасть в Шоушенк, он всего лишь невинный человек в этой чертовой тюрьме, человек, которому крупно не повезло, а вовсе не миссионер и не апостол.

– Кроме того, Рэд, – продолжал Энди со своей характерной полуусмешкой. – То, что я делаю здесь, не слишком отличается от того, чем я занимался на свободе. Люди, которые прибегают к моей помощи в Шоушенке, в большинстве своем – тупые, жестокие чудовища. Люди, которые правят миром, лежащим за этими стенами, тоже жестоки и тоже чудовища, разве что они не настолько тупы: планка компетентности стоит чуть повыше. Не слишком, но слегка.

– Но «колеса», – возразил я, – заставляют меня беспокоиться. Не хочу совать нос не в свои дела, но мне это все неприятно. Все эти транквилизаторы, корректоры, прочие хреновины – заниматься ими мне очень не хочется.

– Но ведь и я не большой сторонник «колес». Ты же знаешь. Впрочем, я не слишком увлекаюсь и спиртным... И ведь учти, не я проношу их в тюрьму, не я продаю. Скорее всего этим занимаются охранники.

– Но...

– Знаю, что ты хочешь сказать. Есть люди, Рэд, которые отказываются участвовать во всем этом. Они не хотят марать руки. Это называют святостью, и белый голубь садится на плечо твое и гадит тебе на рубашку. Есть другая крайность: славные малые, которые готовы валяться в грязи и вымазываться в дерьме ради всего, что принесет им доллар, – оружие, наркотики, да все, что угодно. Тебе ведь предлагали такого рода контракты?

Я кивнул. Такое случалось неоднократно на протяжении многих лет. Люди видят, что вы тот человек, который может достать все, и, заключают они, если вы приносите им батарейки для радио или сигарету с «травкой», то так же легко сумеете предоставить им парня, который способен по их заказу сунуть кому-нибудь перо под ребра.

– Да, от тебя этого ожидают, Рэд. Но ты ведь этого не сделаешь. Потому что знаешь, что есть третий путь, его и выбирают такие люди, как мы. Да и все разумные люди в этом обществе. Ты балансируешь по самому краю, выбираешь меньшее из двух зол и следишь за тем, чтобы волки были сыты и овцы целы. И можно сделать вывод, насколько хорошо у тебя это получается, изучив, насколько хорошо ты спишь и не видишь ли кошмаров. Можно действовать среди всей этой грязи, имея перед собой добрые намерения.

– Благие намерения? – засмеялся я. – Слыхали мы о таком. Говорят, ими дорога в ад вымощена.

– Не верь в это, – отвечал Энди, чуть помрачнев. – Мы уже в аду. Он прямо здесь, в Шенке. Они торгуют наркотиками, и я говорю им, как отмыть деньги, на этом нажитые. Но я также держу библиотеку и знаю добрые две дюжины ребят, которые после подготовки, с помощью моей литературы, смогут продолжить образование. Возможно, когда они выйдут отсюда, то не пропадут в этом жестоком мире. Когда в 1957 году я просил вторую комнату для библиотеки, то получил ее. Потому что администрации выгодно видеть меня счастливым. Я беру недорого. И доволен.

Население тюрьмы медленно увеличивалось на протяжении пятидесятых, затем в шестидесятых возросло довольно резко. В это время каждый школьник в Америке только и мечтал о том, чтобы попробовать наркотики, нисколько не пугаясь смехотворных наказаний за их упо-

требление. Да, тюрьма была переполнена, но даже в это время у Энди не было сокамерников. Правда, ненадолго к нему подселили огромного молчаливого индейца по имени Нормаден, которого звали, как всех индейцев в Шенке, Вождь. Большинство долгосрочников считали Энди чокнутым, а он только улыбался. Он жил один и наслаждался покоем... Как уже отмечалось, администрации было выгодно видеть его счастливым.

В тюрьме время тянется медленно, иногда кажется, что оно и вовсе останавливается. Но на самом деле оно течет, течет... Джордж Данэхи покидал сцену под шум газетчиков, выкрикивающих: СКАНДАЛ, КОРРУПЦИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. На пост пришел Стэммос, и на протяжении последующих шести лет Шенк напоминал ад. Кровати в лазарете и одиночки в карцере никогда не пустовали.

Однажды в 1957 году я взглянул в маленькое зеркальце от бритвенного набора, которое хранил у себя в камере, и увидел сорокалетнего мужчину. В 1938-м сюда пришел ребенок, мальчишка с огромной копной рыжих волос. Сходящий с ума от угрызений совести, помышляющий о самоубийстве. Мальчишка повзрослел. Рыжая шевелюра поседела и стала редеть понемногу. Вокруг глаз появились морщинки. Сегодня я видел пожилого человека, ожидающего, когда его выпустят на свободу. Если выпустят. Это ужаснуло меня: никто не хочет стареть в неволе.

Стэммос ушел в 1959-м. Еще до этого времени вокруг так и роились вынюхивающие сенсацию журналисты, один из них даже ухитрился провести четыре месяца в Шенке в качестве заключенного. И так, они уже открыли рты, чтобы кричать: СКАНДАЛ, ПОПАВШИЙСЯ ВЗЯТОЧНИК, но прежде, чем над его головой окончательно сгустились тучи, Стэммос свалил. Я его прекрасно понимаю. Если бы он был действительно пойман и уличен во всех своих грязных делишках, то здесь бы и остался. А кому этого хочется? Байрон Хедли ушел двумя годами раньше. У этого ублюдка был сердечный приступ, и он взял отставку, к превеликой радости всего Шенка.

Энди в связи с аферами Стэммоса не тронули. В начале 1959-го в тюрьме появились новый комендант, новый помощник коменданта и новый начальник охраны. Около восьми последующих месяцев Энди ничем не отличался от прочих заключенных. Именно в этот период к нему подселили Нормадена. Потом все вернулось на круги своя. Нормаден съехал, и Энди опять наслаждался покоем одиночества. Имена на верхушке администрации меняются, но делишки прокручиваются все те же.

Я говорил однажды с Нормаденом об Энди.

– Славный парень, – сказал индеец. Разговаривать с ним было очень сложно: у бедняги была заячья губа и треснутое небо, слова вырывались наружу с шумом, плевками и шипением, так что трудно было что-либо разобрать. – Мне он понравился. Никогда не подшучивает. Но он не хотел, чтобы я жил там. Это можно понять. Ужасные сквозняки в камере. Все время холодно. Он никому не позволяет трогать свои вещи. Я ушел. Славный парень, не издевается, не подшучивает. Но сквозняки ужасные.

Рита Хейуорт висела в камере Энди до 1955-го, если я правильно помню. Затем ее сменила Мэрилин Монро. Тот самый плакат, где она стоит около решетки сабвея, и теплый воздух развеивает ее юбку. Монро продержалась до 1960-го, и когда она была уже почти совсем затерта, Энди заменил ее на Джейн Мэнсфилд. Джейн была, простите за выражение, соска. Через год или около того ее сменили на английскую актрису, кажется, Хейзл Курт, но я не уверен. В 1966-м, убрав и ее, Энди водрузил на стену Раquel Уэлч. Этот плакат висел шесть лет. Последний плакат, который я помню, – хорошенькая исполнительница песен в стиле кантри-рок Линда Ронстадт.

Однажды я спросил Энди, что для него значат эти плакаты, и он как-то странно покосился на меня.

– Они для меня то же, что и для большинства других заключенных, полагаю, – ответил он. – Свобода. Понимаешь, смотришь ты на этих хорошеньких женщин и чувствуешь, что можешь сейчас шагнуть на эту картинку. И оказаться там. На воле. Думаю, более всего мне нравилась Раquel Уэлч потому, что она стояла на великолепном побережье. Вид просто изумительный, помнишь? Где-то в окрестностях Мехико, милое тихое местечко, где можно побыть наедине с природой. Разве ты никогда не чувствовал всего этого, когда глядел на картинки, Рэд? Не чувствовал, что ты можешь шагнуть туда?

Я признался, что никогда над этим не задумывался.

– Однажды ты узнаешь, что я имею в виду, – задумчиво ответил Энди, и он был прав. Спустя годы я понял, что он имел в виду, и первое, о чем я тогда вспомнил, был Нормаден и как он жаловался на сквозняки в камере Энди.

Скверное происшествие случилось с Энди в конце марта или начале апреля 1963 года. Я уже говорил, что было в этом человеке что-то, что отличало его от большинства заключенных, включая меня. Можно назвать это свойство уравновешенностью, или внутренней гармонией, или верой в то, что однажды этот долгий кошмар непременно закончится. Как бы вы это ни называли, Энди Дюфресн резко отличался от всех нас. В нем не было того мрачного отчаяния, которое угнетает большинство остальных, и он никогда не терял надежды. Никогда – пока не наступила та зима 1963 года.

К тому времени у нас был новый комендант, Сэмюэл Нортон. Насколько я знаю, никто никогда не видел этого человека улыбающимся. Он носил почетный значок тридцатилетнего членства в баптистской церкви Элиота. Его главным нововведением как главы тюремной администрации было стремление убедиться, что каждый заключенный имеет Новый завет. На его столе находилась небольшая табличка из тикового дерева, где золотыми буквами было выдвинуто: ХРИСТОС – МОЙ СПАСИТЕЛЬ. На стене висел вышитый руками миссис Нортон лозунг: ГРЯДЕТ ПРИШЕСТВИЕ ЕГО. При виде этой сентенции у большинства из нас пробежал мороз по коже. Мы чувствовали себя так, будто пришествие уже началось, и не будет нам спасения, и возопим мы к небесам, и станем искать смерти, но не найдем ее. У мистера Нортонна на каждый случай имелась цитата из Библии, и если вы когда-нибудь встретите человека, похожего на него, мой вам совет: обходите его десятой дорогой.

Насколько я знаю, захоронения в лесу, случавшиеся при Грегге Стэммосе, прекратились. И вряд ли кому-нибудь ломали кости и выбивали глаза. Но это не значит, что Нортон трогательно заботился о благополучии вверенных ему людей. Карцер был все так же популярен, и люди теряли зубы не под ударами охранников, а от частого пребывания в одиночке на хлебе и воде. Это стали называть «диетой Нортонна».

Этот человек был самым грязным ханжой, которого я когда-либо видел в правящей верхушке. Мошенничество, о котором я рассказывал раньше, продолжало процветать, и Сэм Нортон даже прибавил кое-что от себя. Энди был в курсе всех его дел, и поскольку к тому времени мы стали верными друзьями, о многом мне рассказывал. При этом на его лице появлялось чуть брезгливое выражение, как будто он описывал мне какое-то уродливое, отвратительное насекомое, все действия которого из-за его омерзительности скорее смешны, чем ужасны. Это именно Нортон придумал знаменитую программу «Путь к искуплению», о которой вы могли читать или слышать лет шестнадцать назад. Фото нашего коменданта было помещено даже в «Ньюсуик». В прессе программа освещалась как образец истинной заботы о реабилитации заключенных и практическом применении их труда. Она включала в себя использование заключенных в разных видах деятельности: обработка древесины, строительство дорог, овощехранилищ и прочего. Нортон назвал эту хреновину в своем характерном патетическом стиле «Путь к искуплению», и клубы «Ротейри» и «Кайванис» в Новой Англии приглашали его для выступлений, особенно после того, как фото Нортонна появилось в «Ньюсуик». Мы называли этот про-

ект «Большая дорога», но что-то я не слышал, чтобы кого-нибудь из заключенных приглашали высказать свое мнение в клубе или газете. Нортон был тут и там, успевал поприсутствовать на строительстве автомагистралей и рытье канав со своими возвышенными речами и почетным значком баптиста. Есть сотни путей осуществлять все эти проекты – кадры, материалы, подбор всего необходимого... однако Нортон оказался хитрее. И все строительные организации округа смертельно боялись его программы, потому что труд заключенных – рабский труд, и вы не станете этого отрицать. Итак, Сэм Нортон каждый день за время своего шестнадцатилетнего правления получал изрядное количество заказов, просто заваливающих его стол с золотой табличкой «Христос – мой спаситель». А потом он был волен ответить заказчику, что все его работники проходят «путь к искуплению» где-то в другом месте. Для меня всегда оставалось чудом, почему Нортон не нашли в один прекрасный день в канаве с дюжиной пуль в голове.

Как бы там ни было, а права старая песенка, в которой говорится: «Боже, как крутятся деньги». Мистер Нортон, похоже, разделял точку зрения старых пуритан, что лучший способ проверить, является ли человек избранником Божиим, – взглянуть на его банковский счет.

Энди Дюфреш был правой рукой коменданта, его молчаливым помощником. Библиотека много значила для Энди, Нортон знал это и умело использовал. Энди говорил, что один из любимых афоризмов Нортон: Рука руку моет. Итак, Энди давал ценные советы и вносил деловые предложения. Я не могу с уверенностью заявлять, что он продумал программу «Путь к искуплению», но уверен, что он сводил все счета, связанные с этой грязной махинацией, и – сукин сын! – библиотека получила новый выпуск пособий по авторемонту, новое издание Энциклопедии Гройлера... и, конечно, нового Гарднера и Луи Амура.

И я убежден, что то, что произошло, должно было произойти, поскольку Нортон не хотел лишаться своей правой руки. Скажем больше: он боялся, что Энди слишком многое может рассказать о его делишках, если покинет Шенк.

Я узнавал эту историю на протяжении семи лет, немного здесь, немного там, кое-что от самого Энди, но далеко не все. Он не любил говорить об этом периоде своей жизни, и я его за это не виню. Я собирал эту историю по частям из дюжины разных источников. Заключенные, как я уже отмечал, не более чем рабы. Возможно, поэтому им присуща рабская манера любопытствовать и пронюхивать. Теперь я излагаю вам все последовательно, с начала до конца. И возможно, вы поймете, отчего человек провел около десяти месяцев в жуткой депрессии. Думаю, он не знал всей правды до 1963 года, пятнадцать лет спустя с тех пор, как он попал в эту забытую Богом дыру. По-моему, он не знал, как скверно это может оказаться.

Томми Вильямс поступил в Шоушенк в ноябре 1962 года. Томми считал себя уроженцем Массачусетса, но за свою двадцатисемилетнюю жизнь вдоволь попутешествовал по всей Новой Англии. Он был профессиональным вором. Томми был женат, и жена навещала его каждую неделю. Она вбила себе в голову, что Томми будет лучше – а уж ей и трехлетнему сынишке и подавно, – если он получит аттестат. Она уговорила мужа, и Томми Вильямс начал регулярно посещать библиотеку.

Для Энди все это было рутинным занятием. Он видел, как Томми набирал изрядное количество тестов высшей школы. Парень хотел освежить в памяти предметы, которые когда-то изучал – таковых было не много, – а затем пройти тесты. Он также получил по почте большое количество курсов по предметам, которые провалил или просто оставил без внимания в школе.

Томми явно не был хорошим учеником, и не знаю, получил ли он свидетельство об окончании высшей школы, да это и не важно для моего рассказа. Важно, что он очень привязался к Энди, как большинство людей, которые какое-то время с ним общались.

Пару раз он спрашивал Энди: «Что такой продувной парень, как ты, забыл в тюрьме?» – вопрос, который звучит как грубый эквивалент светской любезности: «Что такая милая девушка, как вы, делает в таком месте, как это?» Но Энди ничего не отвечал, только улыбался

и переводил разговор на другую тему. Естественно, Томми стал расспрашивать окружающих и, когда получил ответ, был шокирован до глубины души.

Человек, который рассказал ему, почему Энди попал в тюрьму, был его партнером на гладильной машине в прачечной. Мы называли эту машину давилкой, и можете себе представить, что случилось бы с человеком, работающим на ней, если бы он ослабил свою бдительность. Партнером Томми был Чарли Лафроб, отбывавший свои двенадцать лет за убийство. Он с наслаждением принялся пересказывать все подробности истории Дюфресна; излюбленным развлечением для нас, старых обитателей тюрьмы, было введение новичков в курс всех наших дел. Чарли дошел уже до того места, как присяжные, придя с обеда, объявили Энди виновным, как вдруг послышался неожиданный свист, и давилка остановилась. В тот день машина обрабатывала свежевыстиранные сорочки для приюта Элиот. Они выскакивали из машины сухими и выглаженными со скоростью штука в секунду. Томми и Чарли должны были подхватывать их и складывать в тележку, высланную чистой бумагой.

Но Томми Вильямс продолжал стоять, открыв рот и тупо уставившись на Чарли. Он был завален грудой рубашек, которые падали на липкий грязный пол прачечной.

В тот день за прачечной присматривал Хомер Джесуб, и он уже спешил к машине, громко ругаясь на ходу. Томми даже не повернулся к нему. Он спросил Чарли, будто старина Хомер, который проломил за свою жизнь больше черепов, чем мог сосчитать, и вовсе отсутствовал.

– Как, ты сказал, звали того инструктора из гольф-клуба?

– Квентин, – произнес смущенный и почти напуганный Чарли. Он рассказывал потом, что мальчишка был бледен как полотно. – Кажется, Глен Квентин. Или что-то вроде этого, точно не помню...

– Эй, немедленно! – прорычал Хомер. Шея его налилась кровью. – Бросьте рубашки в холодную воду! Пошевеливайся, урод! Быстро, а то...

– Глен Квентин, о Боже, – произнес Томми Вильямс, это были его последние слова, потому что Хомер Джесуб, этот образец гуманности, уже опустил свою дубинку на череп бедного парня. Томми упал на пол лицом вниз, лишившись при этом трех передних зубов. Очнулся он уже в одиночке, где и провел всю следующую неделю на «диете Нортон». Плюс черная отметка в его карточке.

Было это в феврале 1963 года, и Томми Вильямс обошел шесть или семь долгосрочников и услышал в точности ту же историю, что и от Чарли. Я знаю, потому что был одним из них. Но когда я спросил Томми, зачем ему это, вразумительного ответа не получил.

И вот в один прекрасный день Томми пришел в библиотеку и вывалил Энди всю информацию разом. В первый и последний раз, по крайней мере с тех пор, как он в смущении говорил со мной о Рите Хейуорт, Энди потерял присущее ему самообладание... Только на этот раз в куда большей степени.

Я видел его на следующий день, он выглядел как человек, который наступил на грабли и получил хороший удар промеж глаз. Руки Энди дрожали, и когда я заговорил с ним, он не отвечал. После полудня он нашел Билли Хенлона, дежурного охранника, и договорился с ним об аудиенции у коменданта на следующий день. Позже Энди рассказывал, что в ту ночь не спал ни минуты. Он прислушивался к завываниям холодного зимнего ветра, смотрел на длинные колеблющиеся тени на цементном полу камеры, которую называл домом с тех пор, как Трумэн стал президентом, и пытался все спокойно обдумать. Он говорил, что Томми принес ключ, который подходил к клетке, находящейся где-то в глубине его сознания. К такой же клетке, как его собственная камера, только вместо человека в ней был тигр. Тигр по имени надежда. Вильямс принес ключ, который открыл дверцу, и тигр вырвался на волю разгуливать по его сознанию.

Четырьмя годами раньше Томми Вильямс был арестован в районе Род-Айленд, когда вел краденую машину, набитую краденым товаром. Томми признался в своем преступлении, и ему смягчили приговор: два с небольшим года лишения свободы. Прошло одиннадцать месяцев, и сокамерник Томми вышел на свободу, а его место занял некий Элвуд Блейч. Блейч отбывал наказание за кражу со взломом.

– Я никогда раньше не встречал настолько нервного типа, – говорил мне Томми, – такой человек не должен быть взломщиком, особенно вооруженным. Малейший шум, и он подскочит на три фута в воздух и начнет палить не глядя во все стороны... Однажды ночью он совершенно меня достал, потому что какой-то малый в нашем коридоре постукивал чашкой по прутьям своей решетки. Блейча это бесило.

Я провел с ним семь месяцев, прежде чем меня выпустили. Не могу сказать, что мы беседовали с моим соседом. Вы не можете разговаривать с Элом Блейчем. Это он разговаривает с вами. Треплется все время, и заткнуть его невозможно. А если вы попытаетесь вставить хоть слово, он грозит своим волосатым кулаком, вращает глазами. У меня мороз пробежал по коже, когда он так делал. Огромный тип, довольно высокий, почти совершенно лысый, с глубоко посаженными злобными зелеными глазами. Господи Иисусе, только бы никогда не увидеть его опять.

Каждую ночь начинался словесный понос. Я был вынужден все это выслушивать. Где он вырос, как сбегал из приютов, чем зарабатывал на жизнь, какие делишки проворачивал и каких женщин трахал. Мне ничего не оставалось, как выслушивать весь этот треп. Возможно, моя физиономия и не покажется вам слишком красивой, но она мне дорога, и я очень не хотел, чтобы этот тип видоизменил ее в припадке ярости.

Если ему верить, то он совершил не меньше двухсот краж со взломом. Мне сложно представить, что это мог проделать такой психопат, который взвизгивает как укушенный, стоит кому-то рядом пукнуть громче обычного. Но он клялся, что говорит правду. А теперь... слушай меня внимательно, Рэд. Я знаю, что люди иногда выдают желаемое за действительное и что никогда не стоит доверять своей памяти... Но прежде чем мне довелось услышать впервые про парня по имени Квентин, я, помнится, думал: «Если бы старина Эл когда-нибудь ограбил мой дом, то, узнав об этом, я чувствовал бы себя счастливейшим из смертных, что остался жив». Можешь себе представить, как этот тип в спальне какой-нибудь дамы роется в ее шкапулке с драгоценностями, а она переворачивается во сне на другой бок или кашляет? У меня мурашки по коже пробегают, стоит только подумать об этом, клянусь именем моей мамочки.

И он говорил, что убивал людей, когда они его дергали. Так и говорил, и я ему верил. Эл был похож на человека, который способен убивать. Боже, какой же он был нервный! В точности как пистолет со взведенным курком. Знал я одного парнишку, у которого был «смит-вессон» со взведенным курком, и ничего хорошего в этом не видел. К тому же спусковой крючок на этом пистолете нажимался так легко, что мог прийти в движение просто от громкого звука. Вот такую штуковину напоминал мне Эл Блейч, и не сомневаюсь, что он прирезал кого-нибудь из-за своих чертовых нервов.

Однажды ночью я спросил его, просто чтоб хоть что-нибудь сказать: «Ну и кого же ты убил?» Он рассмеялся и ответил: «Один тип сейчас на зоне в Мэне. Мотает срок за двух людей, которых прикончил я. Его жена с одним козлом была в домике, куда я пробрался, так все и случилось».

Насколько мне помнится, он не называл имя женщины. А может, я просто пропустил мимо ушей. Да и какая разница? В Новой Англии Дюфресны встречаются так же часто, как Смиты и Джонсы на остальной территории страны. Главное, что Эл назвал убитого им парня, он сказал, парня звали Глен Квентин, и он был богатенький хер, тренер гольф-клуба. Эл говорил, что парень, по его предположению, держал дома тысячу пять долларов. А это по тем временам были деньги. И я спросил: «Когда это произошло?» Блейч сказал, что сразу после войны.

Он продолжал рассказывать эту байку: он вошел в домик, все там перерыл, а парочка проснулась, и тут начались неприятности. «Меня это достало», – сказал Эл. «Возможно, парень начал храпеть, и тебя достало это? Так?» – спросил я. А Эл, продолжая свой рассказ, упомянул юриста, чья жена лежала в постели с Квентином. «Теперь этот юрист мотает срок в Шоушенке», – закончил Эл и загоготал. Боже, как я счастлив, что больше не увижу этого гнусного типа.

Полагаю, теперь вы можете понять, почему Энди скверно чувствовал себя после того, как Томми рассказал эту историю, почему волновался и хотел срочно видеть коменданта. Элвуд Блейч был осужден на шестилетний срок, когда Томми сидел с ним в камере. И теперь, в 1963-м, он мог быть уже на свободе... Или же собирался выйти на свободу. Вот что волновало Энди: с одной стороны, весьма вероятно, что Блейч все еще в камере, а с другой стороны, не менее вероятно, что он уже освобожден. И ищи теперь ветра в поле.

Конечно, в рассказе Томми встречались неувязки, но разве их нет в реальной жизни? Блейч упоминал о юристе, а Энди был банкиром, но необразованный человек легко может перепутать эти две профессии. Не забывайте, что прошло двенадцать лет с тех пор, как Блейч читал заголовки газет, кричащих о деле Энди. Могут показаться странными его слова, что он полез за деньгами и действительно нашел тысячу долларов, а полиция не обнаружила никаких следов грабежа. На этот счет могу выдвинуть несколько предположений. Во-первых, если хозяин имущества мертв, вы ни за что не выясните, что у него пропало, если кто-нибудь другой вам об этом не скажет. Во-вторых, кто сказал, что Блейч не солгал насчет этих денег? Возможно, он просто не хотел признаваться в том, что ни за что убил людей. В-третьих, следы взлома и грабежа могли наличествовать, а полиция их проглядела: копы бывают на редкость дубоголовыми. Или даже, обнаружив эти следы, о них могли не упоминать, чтобы не разрушать версию прокурора. Прокурор, как уже упоминалось, шел на повышение, а привлечь внимание центральных органов к такому заурядному процессу, как кража, было бы сложнее.

Из этих трех версий лично я склоняюсь ко второй. Видал я таких Элвудов за свою долгую жизнь в Шоушенке. Такого рода малые хотят, чтобы вы думали, будто на каждом своем деле они наваривали миллионы и не стали бы стараться за что-то меньшее, чем королевский бриллиант. Даже если в результате их поймали на десятидолларовой мелочевке, за которую и посадили.

Была в рассказе Томми одна деталь, которая убедила Энди без тени сомнения. Блейч не описывал внешность Квентина. Он назвал его «богатым хером» и упомянул, что парень был инструктором по гольфу. Когда-то давно Энди с женой выбирались в клуб пообедать, и случалось это пару раз в неделю на протяжении нескольких лет, а затем Энди частенько приходил туда выпить после того, как узнал все о Линде. При клубе была дискотека, и в 1947-м один из работавших там жокеев запомнился Энди. Он в точности соответствовал описанию Элвуда Блейча. Высокий крепкий мужчина, почти совсем лысый, с глубоко посаженными зелеными глазами. Он всегда смотрел так, будто оценивает вас взглядом. Он проработал там недолго, но Энди запомнил этого человека, поскольку тот обладал слишком примечательной внешностью.

Энди явился к Нортону в дождливый ветреный день, когда большие серые облака ползли по небу над серыми стенами, в день, когда с полей, лежащих вокруг тюрьмы, сходил последний снег, обнажая безжизненные пожелтевшие клочки прошлогодней травы.

У Нортонна был солидных размеров кабинет в административном отделе тюрьмы, а прямо за его столом располагалась дверь, ведущая в комнату помощника коменданта. Помощник в тот день отсутствовал, а в его конторе находился один из заключенных, убогий прихрамывающий тип, имя которого я уже не припомню. Все звали его Честером. Ему было поручено поливать цветы в помещении и натирать полы. И у меня есть сильное подозрение, что земля в цветочных

горшках в тот день осталась сухой, а все, что Честер в тот день натирал, – это собственное грязное ухо о замочную скважину.

Он услышал, как дверь, ведущая из коридора в кабинет коменданта, отворилась и захлопнулась, и Нортон сказал:

– Добрый день, Дюфресн, чем могу вам помочь?

– Видите ли, – начал Энди, и старина Честер признавался нам, что едва смог узнать его голос. – Видите ли, комендант, произошло нечто... Со мной случилось нечто такое, что я... я затрудняюсь, с чего и начать.

– Ну что ж, почему бы вам не начать сначала? – спросил Нортон своим елейным голоском, словно предназначенным для зачитывания псалмов. – Наверное, это будет лучше всего.

Энди так и поступил. Он напомнил Нортону подробности преступления, за которое попал в Шоушенк. Затем в точности пересказал всю историю, которую услышал от Томми Вильямса. Он назвал Томми, и возможно, вам это покажется не слишком мудрым в свете последующих событий, но что ему оставалось делать? Ведь иначе его история звучала бы и вовсе неправдоподобно.

Когда он закончил, Нортон некоторое время молчал. Я ясно вижу его, откинувшегося на спинку кресла под портретом губернатора Рида, висящим на стене: пальцы сплетены, губы сжаты, лоб собран в морщины, почетный значок на груди тускло поблескивает.

– Да, – наконец произнес комендант, – это одна из самых дурацких историй, которую я когда-либо слышал. И знаете, Дюфресн, что меня больше всего удивляет?

– Что, сэр?

– Что вы всему этому поверили.

– Сэр! Я не понимаю, что вы хотите этим сказать? – произнес Дюфресн, и Честер говорил потом, что едва мог узнать голос человека, тринадцать лет назад справившегося с Байроном Хедли. Сейчас Энди с трудом выговаривал слова, голос его дрожал.

– Что ж, – произнес Нортон, – для меня вполне очевидно, что этот молокосос Вильямс был вами совершенно очарован. Попал под ваше влияние, скажем прямо. Он услышал вашу горестную историю, и вполне естественно с его стороны было желание как бы... оправдать вас и приободрить. Вполне естественно. Он молод, не слишком рассудителен. Он никак не мог предвидеть, в какое состояние это вас приведет. Все, что я могу предложить...

– Разве я бы об этом не подумал? – перебил Энди. – Но я никогда не говорил Томми о том человеке, работавшем при клубе. Более того, никому не мог говорить, в этом просто не было необходимости. Но описание сокамерника Томми и того парня, которого я помню... они же идентичны!

– Прекрасно, но теперь вы склоняетесь к одностороннему восприятию действительности, – ответил Нортон. Фразочки типа «одностороннее восприятие действительности» в большом количестве усваиваются людьми, проходящими обучение, чтобы потом работать в исправительных учреждениях. И они применяют эти словечки к месту и не к месту.

– Но это не так, сэр.

– Это ваша точка зрения. Моя же принципиально иная. И учтите, у меня нет никаких фактов, кроме вашего слова, что такой человек действительно работал в клубе «Фэлмоуз-Хилл».

– Нет, сэр, не только, потому что...

– Подождите, – остановил его Нортон, голос его становился все громче и уверенней, – давайте посмотрим на дело с другой стороны. Предположим на секунду, просто предположим, не более, что действительно существовал человек по имени Элвуд Блоч.

– Блейч, – поправил Энди.

– Пусть Блейч, какая разница. И будем считать, что он действительно являлся сокамерником Томаса Вильямса в Род-Айленде. Шансы, что сейчас он уже на свободе, очень высоки.

Более чем высоки. Ведь мы даже не знаем, сколько времени он провел в тюрьме, прежде чем попал в камеру Вильсона, не так ли? Известно только, что он был осужден на шесть лет.

– Нет. Мы не знаем, сколько времени он отсидел. Но я полагаю, есть шанс, что он все еще там. Даже если это не так, в тюрьме сохранились сведения о его последнем адресе, имена близких друзей и родственников.

– То и другое, как вы понимаете, может ровным счетом ничего не значить. Концы в воду, и все тут.

Энди секунду помолчал, затем взорвался:

– Да, но шанс есть, так ведь?

– Да, конечно. Итак, Дюфресн, предположим далее, что Блейч не только существует, но и поныне находится в Род-Айленде. И что же, по-вашему, он скажет, когда мы придем к нему с показаниями вашего Томми? Возможно, упадет на колени, возведет глаза к небу и, рыдая, признается во всех своих грехах?

– Как можно быть настолько тупым? – пробормотал Энди так тихо, что Честер едва сумел его расслышать. Зато коменданта он услышал превосходно.

– Что?! Как вы меня назвали?!

– Тупым! – закричал в ответ Энди. – Или это намеренно?

– Дюфресн, вы отняли пять минут моего времени – нет, семь, – а я сегодня очень занят. Итак, полагаю, нашу встречу можно объявить законченной и...

– В клубе хранятся все старые бланки и карточки, вы хоть это понимаете? – продолжал кричать Энди. – У них и налоговые бланки, и В-формы, и компенсационные карточки для уволенных, и на каждой его имя! Кто-нибудь из администрации, кто работал в клубе прежде, остался там и сейчас! Возможно, и сам старик Бриггс, ведь прошло пятнадцать лет, а не вечность! Они вспомнят его! Если Томми подтвердит все, что рассказывал ему Блейч, и Бриггс удостоверит, что Блейч действительно работал при клубе, мое дело возобновят! Я смогу...

– Охрана! Охрана! Уберите этого человека!

– В чем дело? – дрогнувшим голосом спросил Энди. – Это моя жизнь, моя возможность выйти на волю, вы это понимаете? Почему бы не сделать всего лишь один запрос, чтоб подтвердить историю Томми? Послушайте, я заплачу...

Затем, по словам Честера, последовал легкий шум: охранники схватили Энди и потащили его прочь из кабинета.

– В карцер, – сухо сказал Нортон, и я представляю себе, как он при этом провел рукой по своему значку. – На хлеб и воду.

И Энди, окончательно вышедшего из-под контроля, увели. Честер говорил, что он слышал, как уже в дверях Энди продолжал кричать на коменданта:

– Это моя жизнь! Неужели непонятно, это моя жизнь!

Двадцать дней провел Энди на «диете Нортон». Это была его первая стычка с Сэмом Нортон и первая черная отметка в карточке с тех пор, как он вступил в нашу маленькую счастливую семейку.

Расскажу теперь немного о шоушенкском карцере, раз уж к слову пришлось. Эта старая добрая традиция восходит в Мэне к временам первых поселенцев, началу и середине XVIII века. В те дни никто не тратил времени на такие вещи, как «искупление», «реабилитация», и прочую ерунду. Вещи подразделялись четко и ясно на черное и белое. Либо вы виновны, либо нет. Если виновны – вас полагается либо повесить, либо посадить в тюрьму. И если вы приговорены к лишению свободы, вас не будут отвозить в какое-то заведение, нет, вам придется рыть себе тюрьму своими руками, и власти провинции Мэн выделяют для этого лопату. Вы выроете яму таких размеров, какие вам под силу, если копать от восхода солнца до захода. Затем, получив пару шкур и корзину, вы спускаетесь вниз, а яму сверху накрывают решеткой,

сквозь которую вам будут бросать немного зерен или кусочек червивого мяса, а по редким праздникам потчевать ячменной похлебкой. Испражняться придется в бадью, а в шесть утра, когда приходит тюремщик, эту же самую бадью вы отдаете ему для воды. А в дождливую погоду приходится спасаться под ней от потоков воды.

Никто не проводил «в дыре» слишком долгое время – самое большее, насколько я знаю, тридцать месяцев. Это был четырнадцатилетний психопат, кастрировавший школьного товарища, но он был молод и здоров, когда его посадили.

Не забывайте при этом, что за любое более тяжкое преступление, чем пустячная кража или мелкое богохульство, вас повесят. А за такие мелкие преступления вы проводите три или шесть, или девять месяцев в дыре и выходите оттуда абсолютно бледным, полуослепшим, начинаете бояться открытого пространства, зубы ваши шатаются и готовы окончательно вывалиться, ноги покрыты грибок. Старая добрая провинция Мэн...

Шоушенкский карцер являет собой некое более цивилизованное подобие средневековой тюрьмы... События в человеческой жизни развиваются в трех направлениях: хорошо, плохо и ужасно. И если вы углубляетесь в кромешную тьму ужасного, все труднее становится делать какие-либо различия.

Чтобы попасть в карцер, вы спускаетесь на двадцать три ступеньки в подвал. Единственный звук, проникающий туда, – звук падающей воды. Все освещение представлено тусклой шестидесятиваттной лампочкой. Камеры там одиночные, они имеют форму бочонка, как те стенные сейфы, что богатые люди скрывают в своем доме за какой-нибудь картиной. Как и в сейфе, двери раздвигающиеся, окон нет никаких, даже решетчатых, и единственное освещение – лампочка, которую выключают в восемь вечера, на час раньше, чем гасят огни в остальных помещениях тюрьмы. Вам приходится находиться в кромешной тьме, хотите вы этого или нет. В камере есть вентиляция, и можно слышать, как в вентиляционной системе шуршат и снуют крысы. В камере есть прикрученная к стене койка и большой стульчак без сиденья. Таким образом, у вас есть возможность проводить время тремя способами: сидеть, испражняться или спать. Богатый выбор. Двадцать дней в таком месте тянутся, как год, тридцать – как два года, сорок дней могут показаться десятилетием.

Единственное, что можно сказать в защиту одиночки, – у вас появляется время подумать. Энди занимался этим все двадцать дней своего пребывания на «диете Нортон», а когда вышел, попросил о новом свидании с комендантом. Запрос был отклонен. Такая встреча, сказал комендант, будет «непродуктивна». Вот еще одно словцо, которому обучают на такого рода должности.

Энди терпеливо повторил свой запрос. И снова. И снова. Он действительно изменился, Энди Дюфресн. Той весной 1963 года на лице его появились морщины, а в волосах седые пряди. Исчезла маленькая усмешка, которая всегда так восхищала меня. Он стал часто смотреть в пустоту, а я знаю, что, когда у заключенного появляется такой взгляд, он считает оставшиеся годы в тюрьме, месяцы, недели, дни.

Энди возобновлял свой запрос снова и снова. Он был терпелив. У него не было ничего, кроме времени... Началось лето. В Вашингтоне президент Кеннеди обещал избирателям новое наступление на нищету и нарушения прав человека, не зная, что жить ему осталось всего полгода. В Ливерпуле появилась группа «Битлз» и стала популярна как одна из самых сильных музыкальных групп Англии, но полагаю, в Штатах их еще не слушали. Бостонская команда «Ред сокс» четыре года до того, что люди в Новой Англии назовут «Чудом-67», прозябала в бездействии в последних разрядах Американской лиги. Вот что происходило в большом мире, где жили свободные люди.

Нортон встретился с Энди в конце июня, и подробности их разговора я узнал от самого Дюфресна спустя семь лет.

– Можете не волноваться, что я сболтну что-нибудь, – говорил Энди Нортону тихим мягким голосом. – Информация о наших финансовых делах останется в тайне, я буду нем как рыба, и...

– Достаточно, – перебил его Нортон. Он откинулся в кресле так, что голова его почти касалась вышитых букв, оповещающих о грядущем пришествии. Лицо коменданта было холоднее могильного камня.

– Но...

– Больше не упоминайте при мне о деньгах. Ни в этом кабинете, ни где-либо еще. Если не хотите, конечно, чтобы библиотека опять превратилась в одну маленькую комнату типа чулана, как это было раньше. Надеюсь, это понятно?

– Я просто попытался вас успокоить, только и всего.

– Учтем на будущее. И если я когда-нибудь еще буду нуждаться в успокоениях такого сукина сына, то попрошу о них специально. Я согласился на эту встречу, потому что вы утомили меня своими запросами, Дюфресн. Этому пора положить конец. Я выслушивал бы идиотские истории типа вашей дважды в неделю, если бы пустил это дело на самотек. И каждый, кому не лень, использовал бы меня как жилетку, в которую можно поплакаться. Я раньше относился к вам с большим уважением. Но теперь это закончилось. Вот и все. Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Да, – ответил Энди, – но я хотел бы нанять адвоката.

– О Боже, и для чего?

– Думаю, мы можем это обсудить. С показаниями Томми Вильямса, моими показаниями и информацией, полученной из клуба, можно начать новое дело.

– Томми Вильямс выбыл из Шоушенка.

– Что?!

– Он переведен.

– Переведен куда?

– В Кешмен.

Энди замолчал. Его никто не назвал бы недостаточно сообразительным, но тут и круглый идиот мог бы догадаться, что дело нечисто. Кешмен – тюрьма к северу от Арустука, слабо охраняемая. Заключение часто посылаются на уборку картофеля, и это довольно тяжелая работа, но им выплачивают хороший заработок. А также у них есть реальная возможность обучаться в CVI, престижном техническом институте, если у кого возникает желание. Что самое главное для таких людей, как Томми, людей с молодой женой и ребенком, – отпускная программа в Кешмене довольно свободная. Это означает реальный шанс хотя бы по выходным жить как нормальный человек. Воспитывать собственного ребенка, заниматься сексом с женой, даже ездить на пикник.

Нортон, несомненно, выложил все эти козыри перед ошалевшим Томми и потребовал взамен всего лишь одной маленькой услуги: ни слова больше про Элвуда Блейча. Томми предстояло решать, отправляться ли ему в Кешмен или оставаться здесь, где ему устроили бы действительно тяжкое существование и вместо секса с женой предложили бы секс с тремя-четырьмя сестрами.

– Но почему? – спросил Энди. – Почему вы...

– Да будет вам известно, – спокойно продолжал Нортон, – что я связывался с Род-Айлендом. Там действительно содержался заключенный по имени Элвуд Блейч. Он был выпущен на свободу во время последней амнистии, знаете, эти идиотские правительственные программы, выдумка обезумевших либералов, позволяющая уголовникам спокойно разгуливать по улицам. Блейч исчез.

– Начальник той тюрьмы... не приходится ли вам приятелем?

Сэм Нортон одарил Энди ледяной улыбкой...

– Да, мы знакомы.

– Почему? – повторил Энди. – Скажите мне, зачем вы это сделали? Я бы ни о чем не стал болтать, если бы вышел на свободу, это же очевидно. Так зачем же?..

– Затем, что люди, подобные вам, причиняют мне много расстройств и головную боль, – откровенно сказал Нортон. – Меня устраивает, что вы находитесь здесь, в Шоушенке, мистер Дюфресн. И пока я нахожусь на посту коменданта, вы на свободу не выйдете. Вы привыкли думать, что на голову выше всех окружающих. Это очевидно, для этого достаточно хоть раз посмотреть вам в глаза, и когда я впервые пришел в библиотеку, мне все стало очевидно. Ощущение собственного превосходства написано у вас на лбу крупными буквами. Теперь вы несколько изменились, и я этому рад. Не думайте, что вы для меня чем-то полезны, вовсе нет. Просто такого человека не помешало бы поучить смирению. Вы привыкли шествовать по прогулочному двору так, как будто это гостиная в доме вашего приятеля и вы приглашены на вечерний коктейль. Знаете, такие очаровательные вечеринки, где всякий муж домогается чужой жены и все до одного напиваются безобразно пьяными. Но больше вы не будете прогуливаться подобным образом, я в этом уверен. И буду с большим удовольствием на протяжении многих лет следить за тем, чтобы к вам не вернулась прежняя самонадеянность. А теперь убирайтесь прочь.

– О'кей. Но знайте, Нортон, что вся моя деятельность в качестве вашего личного экономиста сворачивается. И если вы захотите впредь обходить налоги и сводить концы с концами, обращайтесь в консультацию. Возможно, вам помогут.

Лицо коменданта на секунду стало красным от прихлынувшей крови, но затем прежний цвет вернулся к нему.

– Теперь вы пойдете в карцер. Тридцать дней. На хлеб и воду. Вторая черная пометка в карточке. И пока будете там сидеть, обдумайте мои слова: если вы прекратите на меня работать, я приложу все усилия, чтобы библиотека вернулась в то состояние, в котором была до вашего прихода. И сделаю вашу жизнь тяжелой... Очень тяжелой. Уж будьте спокойны, это я обеспечить смогу. Вы потеряете свою одноместную камеру в пятом блоке; поступающих сейчас много, так что будете жить с соседом. Потеряете все ваши камешки, лежащие на окне, и лишитесь протекции охраны против гомосексуалистов. Вы лишитесь всего... Ясно?

Думаю, Энди было ясно все.

Время шло – возможно, единственно невозполнимая, единственно ценная вещь в этом мире. Энди Дюфресн действительно изменился. Он продолжал делать грязную работу на Нортоне и заниматься библиотекой, все шло по-прежнему. По-прежнему он заказывал выпивку на день рождения и Рождество, по-прежнему отдавал мне недопитые бутылки. Время от времени я доставал ему полировальные подушечки, и в 1967-м принес молоток: старый, который он получил девятнадцать лет назад, совсем истерся... Девятнадцать лет! Когда вы произносите эти слова, они звучат как стук захлопывающейся двери в гробницу и дважды повернутого в замке ключа. Молоток, который тогда стоил десять долларов, теперь поднялся до двадцати двух, и мы с Энди печально улыбнулись, когда заключали сделку.

Энди продолжал обрабатывать камни, которые находил на прогулочном дворе. Правда, двор теперь стал меньше: половина его была заасфальтирована в 1962 году. Но Энди все равно находил достаточно, чтобы ему было чем заниматься. Заканчивая обрабатывать камень, он помещал его на подоконник. Энди говорил мне, что любит смотреть на камешки, освещаемые солнечными лучами, на кусочки планеты, которые он взял из пыли и грязи и отшлифовал до зеркального блеска. Аспидный сланец, кварц, гранит. Крошечные скульптуры, склеенные заботливыми руками Энди. Осадочные конгломераты, отполированные так, что можно было ясно видеть: они составлены из слоев различных пород, отлагавшихся здесь на протяжении многих веков. Энди называл такие образцы «тысячелетние сэндвичи».

Время от времени Энди убирал некоторые камешки с подоконника, чтобы освободить место для новых. Большинство из тех камней, что покинуло его комнату, перешло ко мне. Считаю те, самые первые, напоминающие запонки, у меня было пять экземпляров. Одна скульптура человека, мечущего копье, два осадочных конгломерата, тщательно отполированных. У меня до сих пор хранятся эти камни, и я часто верчу их в руках, думая о том, сколь многого может добиться человек, если у него есть время и желание.

Итак, все текло своим чередом. Если бы Нортон мог видеть, как изменился Энди в глубине души, он был бы доволен результатами своих трудов. Но для этого ему пришлось бы заглянуть чуть глубже, чем он привык.

Он говорил Энди, что тот идет по прогулочному двору, как по гостиной на званом ужине. Я называл такое поведение чуть иначе, но прекрасно понимаю, что именно имел в виду комендант. Я уже говорил, что Энди носил свою свободу, как невидимый пиджак, и хотя он находился за решеткой, никогда не походил на заключенного. Глаза его никогда не принимали отсутствующего тупого выражения. Он никогда не ходил так, как большинство здесь, – сторбившись, вжав голову в плечи, тяжело переставляя ступни, словно они налиты свинцом. Нет, не такой была походка Энди: легкий шаг, расправленные плечи, будто он возвращается домой, где его ждет прекрасный ужин и красивая женщина вместо пресного месива из овощей, переваренной картошки и двух жирных жестких кусочков того, что скорее можно назвать пародией на мясо... Плюс картинка с Раquel Уэлч на стене.

Но за эти четыре года, хотя Энди и не стал таким же, как остальные, он приутих, замкнулся в себе, стал более молчаливым и сосредоточенным. И кто может его винить? Разве что Нортон.

Мрачное состояние Энди прекратилось в 1967 году во время мирового чемпионата. Это был сказочный год, год, когда «Ред сокс» стали победителями. Первое место вместо предсказываемого Лас-Вегасом девятого. Когда это случилось – когда команда стала призером Американской лиги, – невиданное оживление охватило всю тюрьму. Это была какая-то идиотская радость, странное ощущение, что если ожила безнадежная, казалось бы, команда – то шанс на воскресение есть у всякого. Теперь я едва ли смогу объяснить природу этого чувства, как бывший битломан не объяснит причин своего сумасшествия, когда оно уже прошло. Но тогда все это было вполне доступным и реальным. Всякое радио включалось на волну радиостанции, передающей чемпионат, когда играли «Ред сокс». Жуткое уныние охватило публику, когда в Кливленде была пропущена под конец пара мячей, и идиотский взрыв буйного веселья последовал за решающим броском Рико Петроселли, который решил исход игры. Затем, после поражения в седьмой игре чемпионата, «Ред сокс» утратили свое магическое воздействие, и заключенные вновь впали в тягостное оцепенение. Подозреваю, как обрадовался этому Нортон. Проклятый сукин сын любил видеть вокруг себя людей с постными лицами, посыпающих головы пеплом, и на дух не переносил счастливых улыбок.

Что касается Энди, у него не было причин унывать. Возможно потому, что он никогда не был бейсбольным фанатом. Но тем не менее он сумел поймать то непередаваемое ощущение удачи, которое, казалось, потерял. Энди вытащил свою свободу, как невидимый пиджак из пыльного шкафа, – и примерил вновь...

Я вспоминаю один ясный осенний денек спустя две недели после окончания чемпионата. Возможно, было воскресенье, потому что я помню множество людей, расхаживающих по двору, перекидывающихся мячиком, треплющихся друг с другом о всякой ерунде и заключающих сделки. Другие в это время сидели в зале для посетителей, общаясь с близкими под пристальным взглядом охранников, рассказывая с серьезным видом совершенно неправдоподобные сказки о своей жизни и радуясь передачам.

Энди сидел на корточках у стены, сжимая в руке только что подобранные камешки. Он поднял к солнцу лицо и, зажмурившись, впитывал тепло его лучей. В тот день была на редкость ясная погода, это я помню точно.

– Привет, Рэд, – окликнул он меня. – Подсаживайся, поговорим.

Я подошел.

– Хочешь? – Он протянул мне парочку тщательно отполированных «тысячелетних сэндвичей».

– Конечно. Чудные вещицы... Спасибо тебе большое.

Энди сменил тему:

– У тебя в следующем году знаменательная дата.

Я кивнул. В будущем году я отмечу тридцатилетие своего поступления в Шоушенк, шестьдесят процентов жизни проведено в тюрьме...

– Думаешь, ты когда-нибудь выйдешь отсюда?

– Разумеется. Когда у меня отрастет длинная седая борода, а старческий маразм разовьется настолько, что я уже не буду осознавать, в тюрьме я или на свободе.

Энди слегка улыбнулся и прищурился на солнце:

– Хорошо.

– Я думаю, почему бы не быть хорошему настроению в такой чудный денек.

Он кивнул, и некоторое время мы молчали.

– Когда я отсюда выйду, – наконец произнес Энди, – то поеду туда, где всегда тепло. – Он говорил с такой уверенностью, как будто до освобождения оставалось не больше месяца. – И знаешь, Рэд, куда я поеду?

– Понятия не имею, и куда же?

– Зихуатанехо, – ответил Энди, медленно, мягко выговаривая это слово, и оно звучало как музыка. – Недалеко от Мехико. Это маленькое местечко в двадцати милях от Тридцать седьмой магистрали. Оно находится в сотне миль к северо-востоку от Акапулько в Тихом океане. Ты знаешь, что говорят мексиканцы о Тихом океане?

Я ответил, что не знаю.

– Говорят, у него нет памяти. Именно там я хочу провести остаток своих дней, Рэд. В теплом месте, где исчезает память.

Энди захватил в ладонь горсть пыли, и теперь, продолжая говорить, отбирал камешки. Пару раз кварц вспыхнул под солнечными лучами.

– Зихуатанехо. Там у меня будет маленький отель. Шесть домиков вдоль побережья и еще шесть – чуть подальше около магистрали. У меня будет парень, который станет возить гостей на рыбалку. А для того, кто поймает самую большую рыбу сезона, будет учрежден приз, и его портрет я повешу в вестибюле. Это будет такое место, где стоит провести свой медовый месяц.

– И где ты собираешься взять денег для этого всего? Финансовые операции?

Он взглянул на меня и улыбнулся:

– В точку, Рэд. Временами ты меня просто пугаешь. Так вот, слушай, – продолжал Энди, закуривая сигарету. – Когда случается что-нибудь скверное в этом суетном мире, люди делятся на две категории. Предположим, есть маленький домик, уютно обставленный и полный гениальных полотен и всякого антиквариата. И вот хозяин его услышал, что приближается ураган. Один из этих двух типов людей будет надеяться на лучшее. «Ураган свернет с пути, – говорит себе такой человек. – Было бы абсурдно уничтожить этот чудный дом и эти старые картины. Господь не позволит этого... Да если что и случится, все имущество здесь застраховано». Это один сорт людей. А другой пребывает в уверенности, что ураган может идти прямо на него и тогда разрушит все на своем пути. И даже если прогноз погоды утверждает, что ураган сменил путь, такой человек знает, что в любой момент он может вернуться вновь и сровнять его милый

домик с землей. Такие люди отдают себе отчет в том, что стоит надеяться на лучшее, это еще никому не вредило... Но готовиться стоит к худшему.

Я зажег сигарету и спросил:

– Ты хочешь сказать, что застраховался от неожиданности?

– Да, я подготовился к урагану. Я знаю, как скверно он выглядит. У меня было мало времени, но во все отведенное мне время я действовал. У меня был друг, единственный человек, который остался со мной. Он работал в инвестиционной компании в Портленде. Шесть лет назад он умер.

– Жаль.

– Да. – Энди отбросил окурок. – У нас с Линдой было что-то около четырнадцати тысяч долларов – не много, но кое-что. Однако, черт, мы были молоды и ни о чем не думали. Но когда начался ураган, я принялся вытаскивать свои картины в безопасное место. Я продал акции и честно заплатил весь налог, как примерный школьник. Внес в декларацию абсолютно все, ничего не скрыл.

– Они заморозили твой счет?

– Я был обвинен в убийстве, Рэд, а не мертв! Невозможно заморозить имущество невинного человека. И слава Богу. А это все случилось еще до того, как меня обвинили в преступлении. У нас с Джимом, тем моим другом, было немного времени. Я все быстро скинул по дешевке. Конечно, много проиграл на этом. Но тогда у меня были другие, гораздо более серьезные поводы для волнения.

– Да, пожалуй.

– Когда я попал в Шоушенк, все это оставалось в целости. Как и теперь. Там, за этими стенами, живет человек, которого никто никогда не видел в лицо. У него есть карточка социального страхования и водительские права, полученные в Мэне. А также свидетельство о рождении на имя Питера Стивенса. Превосходное имя, не правда ли?

– Кто он? – спросил я. Похоже, я знал, что ответит Энди, но не мог в это поверить.

– Я.

– Не станешь же ты говорить мне, что у тебя было достаточно времени, чтобы получить фальшивые документы, пока над тобой трудились копы. Или что ты оформил все это, находясь на судебном разбирательстве.

– Нет, этого я утверждать не стану. Мой друг Джим оформил все за меня. Он начал действовать после того, как отклонили мою апелляцию. Основные документы были в его руках до 1950 года.

– Он должен был быть тебе очень близким другом, – сказал я.

Не знаю, какой части из всего этого я поверил – всему, половине или же вовсе ничему. Но денек был теплый, солнце ясно светило, и все один черт – это была занимательная история.

– Ведь весь этот расклад на сто процентов нелегален.

– Он был близким другом. Мы вместе воевали. Франция, Германия, оккупация. Он был хорошим другом и знал, что в этой стране сделать фальшивые бумаги, пусть и нелегально, легко и безопасно. Он взял мои деньги, все налоги на которые были выплачены так тщательно, что налоговой службе было просто не к чему придраться. И вложил их на имя Питера Стивенса. Это было в 1950 и 1952 годах. Сегодня, по приблизительным расчетам, там триста семьдесят тысяч долларов.

Наверное, у меня отвисла челюсть, потому что Энди улыбнулся, глядя на меня.

– Если я не умру здесь, возможно, у меня будет семь или восемь миллионов, «роллс-ройс» и все, чего я ни пожелаю.

Ладонь его зачерпнула новую пригоршню камешков.

– Я надеюсь на лучшее, готовлюсь к худшему, и ничего кроме этого. Фальшивое имя предназначено для того, чтобы сохранить этот маленький капитал. Просто я перестраховы-

вался и заранее выносил свои пожитки из дому. Но, к сожалению, не знал, что ураган будет продолжаться так долго.

Я некоторое время молчал, пытаюсь осознать, что этот невысокий худощавый человек в сером тюремном костюме может обладать большей суммой денег, чем комендант Нортон сумеет собрать за всю свою гнусную жизнь, даже если вывернется наизнанку.

– Значит, ты не придурился, когда говорил, что можешь нанять адвоката, – наконец вымолвил я. – За такие деньги можно пригласить Кларенса Дарроу или кто там сейчас самый крутой вместо него. Почему ты до сих пор этого не делаешь? Ты бы вылетел из этой чертовой дыры, как пуля.

– Не совсем так, – ответил Энди, слегка улыбаясь.

– Хороший адвокат вытащит Томми Вильямса из Кешмана и заставит его говорить, хочет он того или нет. Твое дело возобновят, ты наймешь частных сыщиков для поисков Элвуда Блейча и смешаешь эту суку Нортон с дерьмом. Почему бы нет, Энди?

– Потому, что я сам себя перехитрил. Если я когда-нибудь попробую наложить лапу на деньги Питера Стивенса, находясь здесь, то потеряю все до цента. Это мог сделать Джим, однако он мертв. Видишь, в чем проблема?

Я видел: эти деньги так много могли дать Энди, но получалось так, будто они принадлежат другому лицу. И если отрасль, в которую они вложены, придет в убыток... Все, что останется Энди, – наблюдать за курсом акций на страницах «Пресс геральд», будучи не в силах сделать хоть что-нибудь. Хреновое положение, скажу я вам.

– И еще тебе кое-что скажу, Рэд. В городке Бакстоне есть сенокосный луг. Ты же знаешь, где находится Бакстон?

Я знал.

– Вот и хорошо. С севера луг огражден каменной стеной, совсем как в стихотворении Роберта Фроста³. И возле этой стены лежит камень, который не имеет никакого отношения ни к этому лугу, ни к штату Мэн. Это кусок вулканического стекла, который до сорок седьмого года был моим пресс-папье. Джим положил этот камешек у основания стены. Под ним лежит ключ от депозитного ящика в Портлендском банке.

– Ну и попал же ты в переделку, – сказал я. – Когда умер твой друг, налоговое управление вместе с исполнителем его завещания вскрыло все депозитные ящики.

Энди улыбнулся:

– Все не так плохо. Мы позаботились о такой возможности. Ящик зарегистрирован на имя Питера Стивенса, и каждый год компания юристов, являющаяся исполнителем завещания Джима, посылает в банк чек. Рента вносится исправно.

Питер Стивенс находится в этой коробке и рано или поздно выйдет наружу. Водительские права просрочены на шесть лет, потому что Джим умер шесть лет назад, но ничего не стоит восстановить их за пять долларов. В коробочке также находятся биржевые сертификаты и два десятка тысячедолларовых облигаций.

Я присвистнул.

– Питер Стивенс надежно заперт в ящике Портлендского банка, а Энди Дюфресн еще более надежно заперт в Шоушенке. Вот ведь в чем проблема. А ключ, которым можно открыть ящик с документами, деньгами и новой жизнью, находится под куском черного стекла на бакстонском лугу. Скажу больше, Рэд, последние двадцать лет я с необычайным интересом проглядывал газеты, выискивая в них все новости, касающиеся новых строительных проектов в Бакстоне. И в один прекрасный день, подозреваю, мне придется прочитать, что через луг про-

³ Роберт Фрост (1874–1963) – патриарх американской поэзии, «певец Новой Англии», умевший увидеть необычное и значительное в обыденном. – *Примеч. ред.*

ложили магистраль или начали строить там новый госпиталь или универмаг, похоронив мою новую жизнь под десятью футами бетона.

– О Боже, Энди, если все это так, как ты еще не сошел с ума?

Он улыбнулся:

– Все спокойно на западном фронте.

– Но возможно, через годы...

– Да, возможно. Но есть вероятность, что я окажусь на свободе чуть раньше, чем этого хотят государство и Нортон. Не могу позволить себе ждать долго. Я думаю о Зихуатанехо и своем отеле. Это все, чего я теперь хочу от жизни. Я не убивал Глена Квентина, и жену свою тоже не убивал, и этот отель... не так уж многое из всего, что может хотеть человек. Купаться, загорать и спать в комнате с открытыми окнами... не столь уж это и много. Естественное человеческое желание.

Он отбросил свои камешки и продолжил, довольно бесцеремонно глядя мне в глаза:

– А знаешь, Рэд, мне там непременно понадобится человек, умеющий крутиться и доставать вещи.

Я довольно долго думал об этом разговоре. И почему-то мне даже не казалось абсурдным, что мы обсуждали такие проекты на вонючем тюремном дворе под пристальными взглядами вооруженных до зубов ребят на вышках.

– Не могу, – ответил я. – Там я ничего не могу. Я привык к своей несвободе. Здесь я человек, который может все – по крайней мере многое. Но там, на свободе, мои способности не будут нужны никому. И если ты захочешь купить плакаты или полировальные подушечки, у тебя всегда под рукой каталоги любого крупного универмага. Здесь я выступаю в роли этого чертова каталога. А там... просто непонятно, с чего начать. И непонятно, как.

– Не преуменьшай своих достоинств. Ты самоучка, человек, который всего в жизни добился сам. Совершенно замечательный человек, на мой взгляд.

– О дьявол, у меня нет даже диплома высшей школы.

– Я знаю, – ответил Энди. – Но не бумажка создает человека. И не тюрьма его уничтожает.

– За пределами этих стен я буду ничем, Энди. Это точно.

Он встал.

– Обдумай мои слова, – негромко произнес он и пошел прочь, как если бы один деловой человек на свободе сделал конкретное предложение другому деловому человеку. И на какое-то мгновение я действительно почувствовал себя свободным. Да, Энди мог творить чудеса. Благодаря ему я на время забыл о том, что оба мы осуждены пожизненно, забыл о ребятах на вышках и коменданте-баптисте, которому нравится Энди Дюфрессн, находящийся в Шоушенке, и нигде больше. Ведь Энди для него – как домашняя зверушка, обученная заполнять ведомости и проводить счета. Совершенно замечательное создание!

Но ночью в камере я вновь стал заключенным. Идея была совершенно абсурдной, но она зацепила мое воображение, как крючок. Видение голубой воды и белого песчаного пляжа теперь было скорее жестоким, чем идиотским. Я не умел носить тот невидимый пиджак, что отличал Энди от всех нас. Я провалился в мучительный скверный сон. Я видел огромный черный камень в форме гигантской наковальни посреди луга. Я пытался поднять его, чтобы вытащить ключ, но чертов валун был необыкновенно тяжел, и мне не удалось даже сдвинуть его с места. И где-то вдали слышался лай ищеек...

Теперь, думаю, стоит немного рассказать о побегах. Конечно, они случаются время от времени в нашей милой семейке. Через стену, конечно, вы не перепрыгнете при всем своем старании. Прожектора освещают пространство всю ночь, протягивая длинные белые пальцы через поля, которые окружают тюрьму с трех сторон, и зловонное болото с четвертой стороны. Заключенные иногда перебираются через стену и всегда попадают под луч прожектора. Даже

если этого не происходит, копы подбирают беднягу, пытающегося голосовать на Шестой или Девяносто девятой магистрали. Если они пытаются пробираться сквозь фермерские угодья, кто-нибудь непременно позвонит в тюрьму и сообщит местонахождение беглеца. Те ребята, которые пытаются бежать через стены, просто кретины. В сельской местности человек, бегущий по полям в сером тюремном костюме, находится в худшем положении, чем таракан, забравшийся на блюдо с пирогом посреди стола.

Ребята, которые действуют оптимально, всегда согласуются с требованиями момента. Они просто ловят счастливый случай и применяют всю свою сообразительность, чтобы его не упустить. Многие бежали в грудах белья, которое машина вывозит из прачечной за ворота тюрьмы. Когда я еще только попал в Шоушенк, таких случаев было много, и поэтому теперь администрация стала более бдительно следить за этой лазейкой.

Знаменитая программа Нортон «Путь к искуплению» породила новые варианты побега. Нет ничего проще, чем аккуратно прихватить грабли и пойти прогуляться в кустах, пока охранник отходит за стаканчиком воды или двое охранников увлечены перебранкой так, что вокруг себя почти ничего не замечают.

В тысяча девятьсот шестьдесят девятом заключенных отправили на картошку. Было уже третье ноября, и вся работа была выполнена почти до конца. Один из охранников по имени Генри Пух – теперь он уже выбыл из нашей счастливой семейки – сидел на бампере комбайна и спокойно завтракал, положив карабин на колени. И тут из осеннего легкого тумана реализовалась десятидолларовая купюра. Она медленно кружилась в морозном воздухе, и Пух решил, что в его бумажнике эта штука будет смотреться куда лучше. Пока он сосредоточивал свое внимание на том, чтобы поймать бумажку, улетающую от него в слабом осеннем ветерке, трое заключенных тихо смылись. Двоих из них вернули. Третий не найден по сей день.

Но самый знаменитый случай, наверное, это побег, который совершил Сид Недью. Дело было в 1958 году. Сид линовал бейсбольное поле для предстоящего в субботу матча, когда послышался свисток, извещающий охрану о том, что уже три часа и пришла новая смена. Ворота открылись, отдежуривший патруль направился к выходу, а охранники, заступающие на смену, пошли на тюремный двор. Как всегда, смена охраны сопровождалась громкими приветствиями, похлопываниями по спине, бородатыми шутками... Сид просто развернул линовочную машину в направлении ворот и поехал, оставляя за собой белую полосу на протяжении всего пути до ямы, находящейся уже далеко за пределами тюремной территории, где перевернутая машина была обнаружена в груде известки. Понятия не имею, как ему это удалось. Он просто ехал на этой штуковине, оставляя за собой клубы известковой пыли. Был ясный денек, охранники, покидающие тюрьму, радовались тому, что наконец уходят, а их сменщики были слишком огорчены тем, что заступают на работу, и никто из них не дернулся вовремя, чтобы остановить линовочную машину, к тому же совершенно не видную в клубах пыли. И пока все эти парни отряхивались и чихали, Сида и след простыл.

Насколько мне известно, он и теперь на свободе. Мы с Энди часто смеялись над этим грандиозным побегом, и когда услышали об угоне аэроплана, из которого один парень ухитрился выпрыгнуть с парашютом, Энди готов был биться об заклад, что настоящее имя этого малого Сид Недью.

– И наверняка он прихватил с собой пригоршню известковой пыли на счастье, – говорил Энди. – Везучий, сукин сын!

* * *

Но вы понимаете, что такие случаи, как Сид Недью с тем приятелем, который спокойно ушел с картофельного поля, очень редки. Столько счастливых совпадений должны предше-

ствовать такой удачной попытке, а такой человек, как Энди, не может ждать десятки лет, пока представится шанс.

Возможно, вы помните, я упоминал парня по имени Хенли Бакас, бригадира в прачечной. Он пришел в Шоушенк в 1922 году и умер в тюремном лазарете тридцать один год спустя. Побег и попытки к побегу были его хобби. Возможно потому, что он никогда не пытался проделать это сам. Он вываливал перед вами сотню различных схем, все совершенно сумасшедшие, и все рано или поздно были кем-то испробованы в Шоушенке. Мне больше всего нравилась байка о Бивере Моррисоне, который в подвале фабрики попробовал из каких-то отходов смастерить глайдер. Эта штука действительно должна была летать: он пользовался чертежами из старой книжки под названием «Занимательные технические опыты для юношества». В соответствии с рассказом, Моррисон построил глайдер, и его не засекли. Только он, к сожалению, обнаружил, что в подвале нет дверей таких размеров, через которые можно вывести проклятую штуковину наружу.

И таких историй Хенли знал дюжины две, не меньше. Как-то он сказал мне, что за время его пребывания в Шоушенке слышал более чем о четырехстах попытках бежать из тюрьмы. Только подумайте об этой цифре – четыреста попыток! Это выходит по двенадцать целых девять десятых на каждый год, который провел в нашей тюрьме Хенли Бакас. Можно основывать клуб «лучший побег месяца». Конечно, большинство из них были совершенно непродуманными и идиотскими и заканчивались примерно так: охранник хватает за руку какого-нибудь беднягу и вопрошает: «Куда это ты собрался, кретин?»

Хенли сказал, что классифицирует как серьезные чуть более шестидесяти попыток. И включил сюда знаменитое дело тридцать седьмого года, когда строился новый административный корпус и четырнадцать заключенных сбежали, воспользовавшись плохо запертым оборудованием. Весь южный Мэн впал в панику по поводу четырнадцати «жутких уголовников», большинство из которых были до смерти напуганы и имели какие-то соображения, куда им теперь податься, не более чем кролик, выскочивший вдруг на оживленную трассу под свет фар бешено несущихся машин. Никто из четырнадцати не смог уйти. Двое были застрелены – жителями, а не полицией и не персоналом тюрьмы, – и ни один не ушел.

Сколько побегов произошло между 1937 годом, когда я попал в Шоушенк, и тем октябрьским днем, когда мы говорили о Зихуатанехо? Складывая свою информацию с информацией Хенли, я полагаю, что десять. Десять вполне успешных. Но я предполагаю, что не меньше половины из этих десяти теперь сидят в других заведениях типа Шенка. Потому что к неволе привыкаешь. Когда у человека отнимают свободу и приучают его жить в клетке, он теряет способность мыслить как прежде. Он как тот самый кролик, испуганно вжимающийся в асфальт, по которому несутся машины. Чаще всего эти ребята заваливаются на каком-нибудь небрежно сработанном деле, у которого не было ни шанса на успех... И все почему? Потому что они просто хотят за решетку, туда, где надежнее и спокойнее.

Энди таким не был, а вот я был. Идея увидеть Тихий океан звучала прекрасно, но оказаться там на самом деле... Эта мысль меня до смерти пугала.

В любом случае в день того разговора о Мехико и Питере Стивенсе я поверил, что у Энди есть план побега. Я молил Бога, чтобы он был осторожен, если это так. И все равно не стал бы биться об заклад, что шансы на успех у него велики. Нортон пристально следил за Энди, не спуская с него глаз. Энди не был для него обыкновенным двуногим существом с номером на спине, как другие заключенные. У Энди были мозги, которые Нортон хотел использовать, и дух, который он хотел сломить.

Если за тюремными стенами в свободном мире где-то есть честные политики, то наверняка есть и честные охранники в тюрьме. И они не покупаются. Но ведь встречаются среди охраны и ребята с другими взглядами на жизнь, и если у вас достаточно здравого смысла и денег, кто-нибудь вовремя закроет глаза – и успех вашего побега обеспечен. Не стану говорить,

что никто никогда не пользовался таким способом. Но он явно не годился Энди: бдительность Нортонна была известна всем охранникам, и собственная шкура и работа были им все же дороги.

Никто не собирался посылать Энди в группе, задействованной в программе «Путь к искуплению», куда-либо за ограду Шоушенка. По крайней мере пока списки групп подписывал Нортон. И Энди был не тем человеком, который мог бы воспользоваться способом Сида Недью.

Был бы на его месте я, мысль о ключе бесконечно угнетала бы меня. Каждую ночь я едва ли мог бы сомкнуть глаза и видел бы кошмарные сны. Бакстон менее чем в тридцати милях от Шоушенка. Так близко и в то же время так далеко!

Я оставался при своем мнении, что лучше всего пригласить адвоката и потребовать пересмотра дела. Хоть как-то вырваться из-под контроля Нортонна. Возможно, Томми Вильямсу действительно заткнули рот этой чертовой отпускной программой. Но я не уверен. Скорее всего крутой парень из адвокатуры Миссисипи, поработав немного, сумеет Томми расколоть. И вряд ли ему придется слишком долго трудиться: мальчик был искренне привязан к Энди. Неоднократно я приводил все доводы, снова и снова повторял, что это лучший шанс на успех, а Энди только улыбался, говоря, что он над этим подумает.

Как выяснилось, он много над чем думал в те дни...

В 1975 году Энди Дюфресн сбежал из Шоушенка. Его не вернули, и я уверен, этого никогда не произойдет. Да и вряд ли сейчас где-нибудь существует такой Энди Дюфресн. Но я более чем уверен, что в Зихуатанехо живет человек по имени Питер Стивенс. Владелец небольшого отеля на тихоокеанском побережье.

Двенадцатого марта 1975 года двери камер в пятом блоке открылись в шесть часов тридцать минут утра, как каждое утро, кроме воскресенья. Как обычно, заключенные вышли в коридор, двери камер гулко захлопнулись за их спинами, а затем, выстроившись по двое, заключенные пошли к дверям блока. Там два охранника должны были сосчитать своих подопечных, прежде чем отправить их в столовую на скромный завтрак, состоящий из овсянки, яичницы-болтуньи и жирного бекона.

Все шло как обычно, пока охранники не окончили счет. Двадцать шесть человек вместо двадцати семи. Заключенные пятого блока были отправлены на завтрак, а о случившемся сообщили капитану охраны.

Капитан, в общем-то неглупый и славный малый по имени Ричард Гоньяр, и его ублюдский ассистент Дейв Беркс зашли в пятый блок, открыли двери камер и медленно пошли по коридору, держа наготове дубинки и пистолеты. В таких случаях, когда кого-то недосчитывались, обычно обнаруживался какой-нибудь бедняга, заболевший так тяжело, что не мог подняться на ноги. Реже оказывалось, что кто-нибудь умер или покончил жизнь самоубийством.

Но на этот раз случилось нечто совершенно неожиданное: ни больного, ни мертвого человека охранники не нашли. Вообще никого. В пятом блоке четырнадцать камер, семь по одну сторону коридора и семь по другую, и все совершенно пустые.

Первое предположение Гоньяра, и вполне разумное: произошла ошибка при счете. Поэтому вместо того, чтобы пойти на работу после завтрака, заключенные пятого блока были приведены обратно в камеры, совершенно довольные происходящим. Любое нарушение надоевшего распорядка всегда желанно. Двери камер открылись, заключенные вошли, двери захлопнулись. Какой-то клоун крикнул:

– Эй, ребята, сегодня вместо работы по распорядку онанизм?

Беркс:

– Заткнись немедленно, или я тебе сейчас вставлю ума.

Клоун:

– Жене твоей я вставлял, Беркс.

Гоньяр:

– Заткнитесь все немедленно, очень вам рекомендую.

Они с Берксом пошли вдоль коридора, считая всех по головам. Далеко идти не пришлось.

– Это чья камера? – спросил Гоньяр ночного охранника.

– Энди Дюфресна, – пробормотал охранник, и эти два слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Надоевший порядок рухнул окончательно.

Во всех фильмах я видел, что, как только обнаруживают побег, начинаются завывания сирен и прочие шумовые эффекты. В Шоушенке никогда такого не происходило. Первое, что сделал Гоньяр, это связался с комендантом. Во-вторых, приказал обыскать тюрьму. В-третьих, предупредил полицию о возможности побега заключенного.

Все это было простое следование инструкции. Никогда не было никакой необходимости обыскивать камеру беглеца, да никто этого и не делал. Зачем попусту тратить время? Вы увидите все ту же надоевшую картину: маленькая комнатуха с решетками на двери и окне, койкой, ну еще блестящие камешки на подоконнике.

И, конечно, плакат. На этот раз Линда Рондстадт. Картинка, привешенная прямо над койкой, на том же самом месте, где одна красавица сменяла другую на протяжении 26 лет. И если бы кто-нибудь заглянул за картинку, его хватил бы удар.

Но это произошло только ночью, спустя двенадцать часов после того, как обнаружилось отсутствие Энди, и не менее двадцати часов после того, как он совершил побег.

Нортон просто взбесился.

Информацию о происходящем в его кабинете я получал все из того же надежного источника: от старшины Честера, натирающего полы в административном корпусе. Только в тот день ему не пришлось полировать ухом замочную скважину: крики коменданта были слышны по всей тюрьме.

– Вы с ума сошли, Гоньяр! Что вы подразумеваете, когда говорите, что он «не обнаружен на территории тюрьмы»? Что это значит? Это значит, что вы не нашли его! Лучше найдите! Ей-богу, это будет лучше для вас! Я этого хочу, слышите?!

Гоньяр что-то ответил.

– Что значит «не в вашу смену»? Никто не знает, когда это случилось. И как. И случилось ли вообще. Так вот, в 15.00 он должен быть у меня в кабинете, или полетят головы. Уж это я обещаю! А я всегда выполняю свои обещания!

Какая-то реплика Гоньяра спровоцировала Нортона на настоящий взрыв.

– Что?! Да вы посмотрите сюда! Сюда, я говорю! Узнаете?! Рапорт ночной смены пятого блока. Все заключенные на месте! Дюфресна был закрыт в камере в девять вечера, и то, что сейчас его там нет, – невозможно! Невозможно, понимаете? Немедленно его найдите!

Но в 15.00 Энди в кабинете Нортона не было. Комендант самолично ворвался в пятый блок, где все мы были заперты на целый день несколько часов спустя. Задавали ли нам вопросы? Мягко сказано. Мы только тем и занимались в этот день, что отвечали на бесконечные вопросы нервничающих озлобленных охранников, которые чувствовали, что им скоро не поздоровится. Все мы говорили одно и то же: ничего не видели, ничего не слышали. И насколько я знаю, все мы говорили правду. Я в том числе. Все мы сказали слово в слово одно: Энди был на месте, когда запирали камеры и гасили огни.

Один парень с невинным видом заявил, что видел, как Энди пролезает в замочную скважину, и фраза эта стоила ему четырех дней карцера. Нервы у всех были на пределе.

Итак, к нам спустился сам Нортон. Его голубые глазки побелели от ярости и, казалось, могли бы высекать искры из прутьев решетки. Он смотрел на нас так, как будто думал, что мы все заодно. Могу спорить, он был в этом уверен.

Он вошел в камеру Энди и огляделся. Камера была все в том же состоянии, в каком ее оставил Энди: кровать расстелена, но не похоже, чтобы на ней сегодня спали. Камни на подоконнике... но не все. Один, самый любимый, Энди забрал с собой.

– Камни, – прорычал Нортон, сгреб их в ладонь и выбросил в окно. Гоньяр вздрогнул, но ничего не сказал. Взгляд Нортон остановился на плакате. Линда оглядывалась через плечо, держа руки в задних карманах облегающих бежевых слаксов. Майка-топ подчеркивала великолепный бюст и нежную гладкую кожу с темным калифорнийским загаром. Для Нортон такая девица была исчадием ада. Глядя на него в эту минуту, я вспомнил, как Энди когда-то сказал, что может пройти сквозь картинку и встать рядом с девушкой.

В точности так он и поступил, как обнаружил Нортон парой секунд позже.

– Какая пакость! – прошипел комендант, сорвав картинку со стены резким жестом.

И обнажил довольно большую зияющую дыру в бетоне, которая была скрыта за плакатом.

Гоньяр отказался лезть в эту дыру.

Нортон приказывал ему – Боже, это надо было слышать, как Нортон во весь голос орал на капитана, – а Гоньяр просто отказывался, да и все тут.

– Уволю! – вопил Нортон. Более всего он напоминал в этот момент истеричную бабу. Все спокойствие было окончательно утеряно. Шея покраснела, на лбу вздулись и пульсировали две вены. – Вы ответите за это, вы... вы, француз! Лишитесь работы, и я уж прослежу за тем, чтобы ни одна тюрьма в окрестности не приняла такого кретина!

Гоньяр молча протянул коменданту служебный пистолет. С него было достаточно. Уже два часа как закончилась его смена, шел третий час, и все это ему порядком надоело. События развивались таким образом, будто исчезновение Энди из нашей маленькой семьи толкнуло Нортон на грань помешательства... Он был просто сумасшедшим в ту ночь. Двадцать шесть заключенных прислушивались к грызне Нортон и Гоньяра, пока последний свет падал с тусклого неба, какое бывает поздней зимой. И все мы, долгосрочники, которые не раз видели смену администрации и перепробовали на своей шкуре все новые веяния, все мы сейчас знали, что с Уорденом Сэмюэлом Нортон случился то, что инженеры называют критическим напряжением.

И мне казалось, что я слышу далекий смех Энди Дюфресна.

Нортон наконец получил добровольца из ночной смены, который согласился лезть в дыру, открывшуюся за плакатом. Это был охранник Рори Тремонт, бедняга, который явно не стоял в очереди, когда Господь раздавал мозги. Возможно, ему пригрезилось, что он получит бронзовую звезду или нечто в этом роде. Как выяснилось, это оказалось большой удачей, что в лаз проник человек примерно того же роста и комплекции, что и Энди. Если бы туда полез охранник с толстой задницей, каковых большинство, могу биться об заклад, что он торчал бы там и поныне.

Тремонт полез внутрь, держась за конец нейлонового шнура, который кто-то нашел в багажнике своего автомобиля. Шнур для надежности обмотали вокруг талии охранника, в руку сунули мощный фонарь. Затем Гоньяр, который передумал уходить в отставку и который был единственным мыслящим человеком из присутствующих, откопал кипу распечаток, являющих собой план тюрьмы. Я прекрасно себе представляю, что он там увидел. Тюремная стена в разрезе смотрелась как сэндвич: вся она была толщиной в десять футов, внешняя и внутренняя секции – по четыре фута каждая, между ними оставалось свободное пространство в два фута. В этом и заключался весь фокус.

Из дыры донесся приглушенный голос Тремонта:

– Здесь что-то скверно пахнет, комендант.

– Не обращайтесь внимания! Продвигайтесь вперед.

Ноги Тремонта исчезли в дыре.

– Комендант, здесь жутко воняет.

– Вперед, я сказал! – заорал Нортон.

Едва слышный печальный голос Тремонта:

– Пахнет дерьмом. О Боже, это оно, дерьмо, это же дерьмо! О Господи Иисусе. Сейчас меня стошнит. Дерьмо. Ведь это дерьмо. Боже...

После чего последовал характерный звук, свидетельствующий о том, что желудок бедняги выворачивается наизнанку.

Я ничего не мог с собой поделаться. Весь последний день – нет, все последние тридцать лет с их событиями – все стало вдруг на свои места, ясно как Божий день, и я расхохотался. У меня никогда не было такого смеха с тех пор, как я переступил порог этого чертова места. И Боже, как мне было хорошо!

– Уберите этого человека! – орал Нортон, а я смеялся так, что совершенно не мог понять, имеет ли он в виду меня или Тремонта. Я свалился с ног и корчился на полу камеры, не в силах остановиться. Я не смог бы прекратить смеяться, даже если бы Нортон приказал пристрелить меня на месте.

– УБЕРИТЕ ЕГО!

Да, друзья, это было про меня. Убрали меня непосредственно в карцер, где я и провел последующие пятнадцать дней. Срок довольно долгий. Но как только я вспоминал о стенаниях бедняги Тремонта – дерьмо, Боже мой, это дерьмо – и представлял Энди Дюфресна, направляющегося к югу в собственной машине, в костюме и при галстукке, я начинал хохотать. Все пятнадцать дней я просто стоял на голове. Возможно, потому, что какая-то часть моего существа была сейчас с Энди Дюфресном. С Энди, который прошел через дерьмо и вышел чистым, с Энди, едущим к Тихому океану.

Я услышал о том, что происходило в остаток той ночи, из полдюжины различных источников. Дело на этом не закончилось. Очевидно, Тремонт рассудил, что ему нечего терять после того, как он потерял недопереваренный ужин, потому что решил продолжить. Он не рисковал провалиться между внутренними и внешними секциями стены. Пространство было настолько узким, что Тремонту приходилось силой пропихивать себя вниз. Позже он говорил, что едва мог переводить дыхание и что это напоминало погребение заживо.

Внизу он обнаружил канализационную трубу, которая обслуживала четырнадцать туалетов пятого блока, керамическую трубу, установленную тридцать три года назад. В ней была пробита дыра, внутри которой Тремонт нашел молоток Энди.

Энди вышел на свободу, но это оказалось нелегко.

Труба была даже уже, чем промежуток между стенами. Тремонт внутрь не полез, и, насколько я знаю, на это не отважился никто. Пока Тремонт обследовал дыру в трубе, из нее выскочила крыса, и охранник позже клялся: зверюга была размером со щенка спаниеля. Тремонт в два счета взобрался по шнуру обратно в камеру, ловко, как обезьяна.

Энди вышел через трубу. Возможно, он знал, что она оканчивается на западной стороне тюрьмы в пяти сотнях ярдов от ее стен. Думаю, знал. Существовали эти карты, и Энди наверняка мог найти способ взглянуть на них. Он был методичен. Он узнал, что сточная труба, обслуживающая пятый блок, – единственная в Шоушенке не реконструированная по новому образцу, и он знал, что в августе 1975 года будет установлена новая канализационная система. Поэтому бежать надо было сейчас или никогда.

Пять сотен ярдов. Длина пяти футбольных полей. Он полз, сжимая в руке свой любимый камешек, а возможно, еще пару книг и спички. Полз сквозь зловоние, которое я боюсь себе даже представить. Крысы выскакивали перед его носом и следовали за ним, а в темноте они

всегда наглеют. Возможно, где-то ему приходилось протискиваться сквозь сужающуюся трубу, опасаясь, что он останется здесь навсегда. Если бы я был на его месте, клаустрофобия довела бы меня до сумасшествия. Но он все прошел до конца.

Через две мили от тюрьмы была найдена его униформа, и было это только днем позже.

Газетчики, как вы можете предположить, тут же принялись раздувать историю. Но ни один человек в радиусе пятнадцати миль от тюрьмы не пожаловался на угон автомобиля, кражу одежды. Никто не сообщил о том, что видел голого человека, бегущего в лунном свете. Даже собаки не лаяли во дворах. Энди вышел из канализационной трубы и таинственным образом исчез, словно растворился в воздухе.

Но я могу спорить, что растворился он в направлении Бакстона.

Три месяца прошло с того памятного дня, и комендант Нортон получил отставку. Но без радости могу добавить, что он к этому времени был совершенно раздавленным человеком. В последний раз он выходил из тюремных ворот ссутулившись, ковыляющей походкой, как старый больной заключенный ковыляет в лазарет за своими каплями. Комендантом стал Гоньяр, и для Нортон это было худшее, чего только можно было ожидать. Насколько я знаю, Сэм Нортон и теперь живет в Элиоте, исправно посещает воскресные церковные службы. Его не покидают тягостные мысли об Энди Дюфресне, какого-то черта взявшем над ним верх. Все просто, Сэм: это должно было произойти. Имея дело с таким человеком, как Энди, следовало знать, что это должно произойти.

Вот все, что я знаю. Теперь попробую изложить свои предположения. Не знаю, насколько они окажутся близки к истине в деталях. Но могу спорить, что общую линию я уловил верно. И когда я теперь думаю об этом, то вспоминаю Нормадена, придурочного индейца.

– Славный малый, – говорил Нормаден после восьми месяцев проживания с Энди. – Но я был рад оттуда съехать. Такие сквозняки в камере. Все время холодно. Он не позволяет никому трогать свои вещи. Хороший человек. Но такие сквозняки...

Бедняга Нормаден знал больше, чем все мы. Прошло восемь долгих месяцев, прежде чем Энди смог снова остаться один в своей камере. Если бы не эти восемь месяцев, которые Нормаден провел с ним, Энди был бы на свободе еще до того, как Никсон стал президентом.

* * *

Я полагаю, все началось в 1949-м – не с молотка даже, а с Риты Хейуорт. Я уже описывал, каким нервным показался мне Энди, когда разговаривал со мной в кинотеатре. Тогда я подумал, что это просто смущение, что Энди из тех людей, которые не хотят, чтобы окружающие знали, что они тоже из плоти и крови и тоже могут хотеть женщину. Но теперь я знаю, что ошибался, возбуждение Энди имело совсем другую причину.

Что привело к появлению того лаза, который Уорден Нортон обнаружил за фотографией девочки, которая даже не родилась в те далекие дни, когда Энди принес в камеру Риту Хейуорт? Долгий труд и тщательный расчет Энди Дюфресна, этого у него не отнимешь. Но было еще кое-что: удача и те свойства, которыми обладает бетон. Что такое удача, объяснить не нужно. Насчет бетона я писал даже в Мэнский университет и получил адрес человека, который мог ответить на интересующие меня вопросы. Он был автором проекта строительства Шоушенкской тюрьмы.

Корпус, содержащий третий, четвертый, пятый блоки, строился с 1934 по 1937 год. Теперь не принято считать цемент и бетон «техническим достижением», как автомобили и ракеты, но это неверно. До 1870 года не было современного цемента, и до начала нашего столетия не существовало современного бетона. Смешивать компоненты для бетона – такая же

непростая задача, как выпекать хлеб. Вы можете взять слишком много или слишком мало воды, передозировать песок или выбрать его неподходящего качества. И в 1934 году в этой области не было накоплено достаточно опыта, чтобы бетон всегда выходил качественно.

Стены пятого блока достаточно твердые, но недостаточно сухие. Точнее говоря, чертовски отсыревшие. Время от времени в них появлялись трещины, некоторые очень глубокие, к этому мы давно уже привыкли, и трещины регулярно замазывались. И вот в блоке появился Энди Дюфреш. Человек, который окончил Мэнский университет по экономическому профилю и был бизнесменом, но заодно окончил два или три геологических курса. Геология была его главным хобби. Это вполне соответствовало его скрупулезной, педантичной натуре. Тысячелетние ледники. Миллионы лет горообразования. Движущиеся глубоко под земной корой тектонические плиты, которые на протяжении тысячелетий перемещались, наталкивались друг на друга, образуя кору. Давление. Энди как-то сказал мне, что геология заключается в изучении давлений.

И, конечно, время.

У него оказалось много времени на изучение этих стен. Когда захлопывалась дверь камеры и гасли огни, просто не на что было смотреть.

Новички всегда трудно адаптируются к тюремной жизни. У них начинается нечто вроде горячки. Особо нервных приходится даже пичкать успокоительными в лазарете, чтобы они пришли в норму. Довольно обычное занятие для нас, стариков, слушать крики какого-нибудь бедняги, только вчера попавшего в нашу милую семейку. Он бьется о прутья решетки и кричит, чтобы его выпустили, и до тех пор, пока крики не утихнут, заключенные начинают напевать: «Свежая рыба, эй, маленькая рыбка, свежая рыба, сегодня нам попалась свежая рыба».

Энди не выкидывал никаких штучек, когда попал в Шоушенк в 1948-м, но это не значит, что он не испытывал тех же переживаний. Он, возможно, находился на грани сумасшествия и сумел удержаться на этой грани, не потерять рассудок. Хотя это так тяжело, когда старая жизнь рушится в одно мгновение и начинается долгий кошмар, жизнь в аду.

И что же он сделал? Он стал искать какое-нибудь занятие, что-нибудь, что помогало бы убить время и дать пищу для умственной деятельности. В тюрьме можно найти множество разнообразных способов развлечься; похоже, что человеческий мозг бесконечно изобретателен и имеет неограниченные возможности, когда дело касается развлечений. Я уже рассказывал о скульпторе, создавшем «Три возраста Иисуса». Многие собирают коллекцию монет, и их всегда крадут. Кто-то коллекционирует марки, и я знаю одного парня, у которого были почтовые открытки из тридцати пяти стран мира. И он отвернул бы голову тому, кто посмел бы тронуть его коллекцию.

Энди интересовался камнями. И стенами своей камеры.

Я думаю, первоначально его намерения заходили не слишком далеко. Разве что выбить на стене свои инициалы. Или, может быть, несколько строчек стихотворения. Вместо того он обнаружил удивительно мягкий бетон. Возможно, с первого же удара молотка от стены откололся хороший кусок. Я представляю себе, как Энди лежит на своей койке, вертит в руках кусок бетона и задумчиво его разглядывает. На секунду стоит забыть о том, что вы находитесь в проклятой Богом дыре, что вся прошлая жизнь дала трещину и разлетелась на мелкие кусочки. Обо всем этом сейчас лучше не думать и внимательно посмотреть на этот кусок бетона.

Через несколько месяцев он решил, что будет забавно посмотреть, какое количество бетона он сможет вытащить, выбить из стены. Но нельзя ведь начать долбить стену вполне откровенно. И потом, когда придет недельная проверка (или одна из тех неожиданных проверок, которые вечно обнаруживают у заключенных «травку» и порнографию), просто сказать охраннику: «Это? Просто я ковырял маленькую дырочку в стене. Пустяки, не обращайтесь внимания».

Нет, так он поступить не мог. Поэтому пришел ко мне и спросил, нельзя ли достать плакат с Ритой Хейуорт. Большой экземпляр.

И, конечно, тот самый молоток. Помню, когда я доставал его в 1948 году, подумал, что уйдет шесть сотен лет на то, чтобы пробить такой штуковиной стену. Вполне резонно. Но Энди пришлось проходить только половину стены, да еще из довольно мягкого бетона, и на это ушло всего лишь двадцать семь лет и два истершихся молотка.

Большую часть одного из этих лет пришлось потратить на Нормадена. К тому же Энди приходилось работать ночью, когда все, включая охранников ночной смены, спят. Но я подозреваю, что более всего работу замедляла необходимость куда-то девать вынутые из стены куски. Приглушить звук молотка можно было с помощью полировальных подушечек, но что делать с раскрошившимся бетоном и попадающим гравием?

Помню одно воскресенье вскоре после того, как я принес Энди молоток. Помню, как я смотрел на Энди, идущего по двору. Вот он останавливается, подбирает камешек... и тот исчезает в рукаве тюремной куртки. Такой карман в рукаве – старый тюремный трюк. В рукаве или в штанинах брюк. Помню и другое свое наблюдение. Энди Дюфреш прогуливался по двору в жаркий летний день, вокруг ног Энди легкий ветерок, казалось, поднимал и кружил песчинки и пыль.

Стало быть, у него была пара потайных карманов. В них набивался раскрошенный цемент, и как только Энди оказывался в сравнительной безопасности и никто не наблюдал за ним довольно пристально, он выпускал цементную пыль. Старый трюк, который применяли пленники времен второй мировой войны, устраивающие подкопы.

Проходили годы, и Энди понемногу выносил свою разрушающуюся стену на тюремный двор. Он участвовал в махинациях каждой новой администрации, и все думали, что он это делает потому, что хочет расширить библиотеку. Несомненно, в этом была доля истины, и довольно большая. Но главное заключалось в том, что Энди хотел оставаться один в четырнадцатой камере пятого блока.

Не знаю, были ли у него реальные планы побега. Или по крайней мере надежда на побег. Возможно, он считал, что стена более чем твердая и длиной десять футов. И если даже он пройдет этот путь, то выйдет наружу в тридцати футах над прогулочным двором. Но как я уже сказал, не думаю, чтобы он как-то беспокоился и особо задумывался на этот счет. Его мысли могли течь по следующему руслу: я прохожу всего фут стены за семь лет, значит, наружу смог бы выйти только лет через семьдесят, в сто один год, но и черт с ним со всем, будь что будет.

Посмотрим, как развиваются события дальше. Энди знает, что, если его увлечение обнаружат, он получит изрядный срок карцера и черную отметку в карточке. А так как регулярные проверки происходят каждую неделю, а неожиданная может прийти в любой момент, и чаще всего это происходит ночью, то все это не может продолжаться слишком долго. Рано или поздно какой-нибудь охранник может заглянуть за картинку, чтобы проверить, не прячет ли там Энди остро наточенную ручку алюминиевой ложки или сигарету с «травкой».

И Энди сделал из этого игру: поймают или не поймают? Тюрьма – чертовски скучное место, и возможность нарваться на ночную проверку в то время, когда Рита Хейуорт снята со стены, как всякий риск, вносила некий интерес и разнообразие в жизнь заключенного на протяжении первых лет.

Думаю, что с помощью одного везения ему не удалось бы продержаться двадцать семь лет. Но первые два года – до мая 1950-го, когда произошел эпизод с Байроном Хедли, – надеяться приходилось только на везение.

Кроме того, конечно, у него имелись деньги. Можно было каждую неделю распространять между дежурными охранниками небольшую сумму, чтобы они не слишком тщательно обыскивали его камеру во время проверок. Охранники не особо усердствуют в таких случаях: деньги у них в кармане, и пусть себе заключенный спокойно курит свои сигареты или разве-

шивает картинки. К тому же Энди всегда был паинькой. Тихий, хладнокровный, корректный, он вовсе не напоминал тех дебоширов, к которым проверка приходит чаще, чем к остальным, переворачивая подушки и проверяя канализационную трубу.

Тогда, в 1950-м, Энди стал чем-то большим, чем просто примерным заключенным. Он стал заметной фигурой, человеком, который умеет обращаться с бухгалтерией. Он оформлял счета, давал советы по планированию вложений, заполнял бланки договоров по займу и аренде. Помню, как однажды Энди сидел в библиотеке, терпеливо, параграф за параграфом, прорабатывая с начальником охраны соглашение о прокате автомобиля. Он рассказывал во всех подробностях, что в договоре хорошо и что плохо, объясняя непонятные термины и предостерегая от операций с финансовыми компаниями, которые отличались от сидящих в Шенке грабителей только тем, что были официально зарегистрированы и признаны. Когда он закончил, начальник было протянул ему руку для пожатия... и быстро отдернул ее обратно. На секунду он забыл, что находится в тюрьме и имеет дело с заключенным.

Энди был в курсе всех изменений в законах о налогообложении и ситуаций на рынке акций, поэтому его деятельность как знающего специалиста не прекратилась после того, как его заперли в каменный мешок, а ведь это могло бы произойти. Он был полезен для администрации. Поэтому война с сестрами прекратилась, библиотека росла, и камера по-прежнему была в распоряжении Энди. Он был очень полезным ниггером. Им было выгодно видеть его счастливым.

Однажды в октябре 1967 года простое развлечение, долгое хобби превратилось в нечто иное. Ночью, когда Энди, просунувшись в дыру уже по пояс, продолжал крошить стену, молоток внезапно ушел в бетон по самую рукоятку.

Энди вытащил, возможно, несколько обломков, но он услышал, как другие провалились в пустоту, гулко ударившись о трубу внизу. Знал ли он к этому времени, что наткнется на пространство между стенами или же был удивлен? Понятия не имею. Не знаю, была ли у него возможность до этого дня ознакомиться с планом тюрьмы. Если нет, будьте уверены: на следующий же день он это сделал.

Тогда Энди понял, что играет уже не в детские игрушки. Что ставки слишком высоки: его свобода, его жизнь. Даже тогда он не был вполне уверен в успехе, но идея побега уже пришла ему в голову, потому что именно в это время мы впервые говорили о Зихуатанехо. Вместо того чтобы оставаться простым вечерним развлечением, этот лаз сделался его хозяином, если Энди к этому времени знал уже о канализационной трубе и о том, что она выведена за стены тюрьмы.

На протяжении многих лет он беспокоился о своем ключе, лежащем под камнем в Бакстоне. Волновался, что какой-нибудь крутой охранник из новеньких устроит у него тщательный обыск и заглянет за плакат или что придет новый сокамерник. Все эти вещи действовали ему на нервы на протяжении восьми лет. Все, что я могу сказать по этому поводу: он – самый хладнокровный человек из мне известных. Я бы просто свихнулся от такой неопределенности. Но Энди продолжал свою игру.

Он вынужден был мириться с тем, что в любой момент его тайна раскроется, но боги были добры к нему на протяжении всего этого долгого времени.

Самое забавное, что только можно себе представить, – это его амнистия. Ведь три дня после того, как решение об освобождении принято, заключенный проводит в менее охраняемом корпусе, проходя физические, психические, профессиональные тесты. Пока он находится там, его камеру полностью освобождают от вещей хозяина и готовят для нового жильца. Поэтому вместо освобождения Энди получил бы довольно долгий срок в карцере, а потом поднялся бы по все тем же ступеням, но уже в другую камеру.

Если он вышел на полость в 1967-м, почему же ничего не предпринимал до 1975-го?

Точно не знаю, могу лишь кое-что предполагать.

Во-первых, он должен был стать еще более осторожным. Он был слишком умен, чтобы сломя голову броситься осуществлять свои замыслы и попытаться выйти наружу за восемь месяцев или даже за восемнадцать. Он должен был расширять свой лаз понемногу. Отверстие размером с чашку, когда он заказал свою новогоднюю выпивку в тот год. Размером с тарелку к тому времени, когда он отмечал день рождения в 1968-м. И уже довольно большой ход в 1969-м, когда начался бейсбольный сезон.

К тому времени он стал продвигаться гораздо быстрее, чем раньше. Вместо того чтобы измельчать куски бетона и выносить пыль во двор в потайных карманах, можно было просто выбрасывать их в полость. Возможно, он так и делал, а может, и нет, ведь шум мог бы возбудить подозрения. Или, если он уже знал о трубе, то мог бояться, что падающий вниз обломок бетона пробьет ее раньше времени. Канализационная система блока выйдет из строя, что повлечет за собой расследование, и его ход будет непременно обнаружен.

Несмотря на все это, к тому времени как Никсон был избран во второй раз, ход сделался настолько большим, что Энди спокойно мог проникнуть в него.

Почему же он этого не сделал?

Здесь какие-либо обоснованные предположения заканчиваются, и остаются только смутные догадки. Конечно, лаз мог быть засорен внизу осколками стены, и его надо было расчистить. Но эта операция не могла занять много времени. Что же тогда?

Мне кажется, Энди испугался.

Я уже описывал, как привыкает человек к несвободе. Сперва вы не можете находиться среди этих четырех стен, затем понемногу к ним привыкаете, начинаете принимать их как нечто естественное... И наконец, тело ваше и сознание настолько приспосабливаются к клетке, что вы начинаете ее любить. Здесь вам указывают, когда надо есть, когда писать письма, когда курить. Когда вы работаете, то каждый час вам выделяется пять минут на то, чтобы справиться свою нужду. Мой перерыв приходился на двадцать пятую минуту каждого часа, и это было на протяжении тридцати пяти лет. Поэтому единственное время, когда я мог захотеть в туалет, приходилось на двадцать пятую минуту. А если я по каким-то причинам туда не шел, на тридцатой минуте нужда проходила... До двадцать пятой минуты следующего часа.

Возможно, Энди тяготил страх оказаться за пределами тюремных стен, этот обычный для всякого заключенного синдром.

Сколько ночей провел он, лежа на койке под своим плакатом, раздумывая о канализационной трубе и своих шансах благополучно сквозь нее пробраться? Распечатки указали ему местоположение и радиус трубы, но никак нельзя было узнать, что находится внутри – не задохнется ли он, не будут ли крысы настолько велики, чтобы нападать на него, а не убежать, а главное, что он найдет на дальнем конце трубы, когда до него доберется? Ведь могла бы выйти даже более забавная история, чем с амнистией: Энди пробивает отверстие в трубе, ползет пять сотен ярдов, задыхаясь в зловонной темноте, и видит крупную металлическую сетку или фильтр на другом конце трубы. Забавная ситуация, не правда ли?

Все эти вопросы постоянно волновали его. И даже если все закончится благополучно и Энди вылезет из трубы, сможет ли он найти гражданскую одежду и исчезнуть незамеченным ни полицией, ни фермерами? Даже если все это произойдет и он будет далеко от Шоушенка прежде, чем поднимут тревогу, доберется до Бакстона, найдет нужный луг, перевернет камень... а там ничего? Нет даже необходимости в таком драматическом развитии событий, как прийти на нужное место и увидеть вместо луга новый супермаркет. Все может оказаться еще проще: какой-нибудь ребенок, любитель камней, увидит вулканическое стекло, вытащит его, обнаружив ключ, и унесет то и другое в качестве сувениров... да все, что угодно, может произойти.

Итак, мне кажется, что Энди просто на некоторое время затих. Что он мог потерять, спросите вы? Во-первых, библиотеку, и потом, привычную подневольную жизнь. И любой будущий шанс воспользоваться своими документами и деньгами.

Но в результате он решился и преуспел.

Но действительно ли ему удалось убежать, спросите вы? Что произошло потом? Что случилось, когда он перевернул камень... Даже если предположить, что камень все еще был на месте?

Я не могу описать эту сцену, потому что все еще сижу в четырех стенах своей камеры и вряд ли скоро покину Шенк.

Но кое-что я знаю. Пятнадцатого сентября 1975 года я получил почтовую открытку из маленького городка Макнери, штат Техас. Город расположен на американской стороне границы. Та сторона открытки, где полагается писать, была абсолютно пуста. Но я все понял.

Именно там он переходил границу. Макнери. Штат Техас.

Вот и вся моя история. Я никогда не задумывался о том, сколь долгой она получится и сколько страниц займет. Я начал писать сразу после того, как получил открытку, и закончил сегодня, 14 января 1976 года. Я использовал уже три карандаша и полную упаковку бумаги. Рукопись я тщательно прячу... Да и вряд ли кто-нибудь сможет прочитать эти каракули.

Ты пишешь не о себе, говорю себе я. Ты пишешь об Энди, а сам являешься лишь второстепенным персонажем своего рассказа. Но знаете, каждое слово, каждое чертовое слово этого рассказа все-таки обо мне. Энди – это часть меня, лучшая часть, которая обрадуется, когда тюремные ворота откроются наконец и я выйду на свободу. В дешевом костюме, с двадцатью долларами в кармане. Эта часть моей личности будет радоваться независимо от того, насколько старой, разбитой и напуганной окажется оставшаяся половина.

Здесь есть и другие заключенные, которые, подобно мне, помнят Энди. Мы счастливы, что он ушел, но и опечалены. Некоторые птицы не предназначены для того, чтобы держать их в клетке. Их оперение блистает сказочными красками, песни их дики и сладкозвучны. Лучше дать им свободу, иначе однажды, когда вы откроете клетку, чтобы покормить птицу, она просто выпорхнет. И какая-то часть вашего существа будет знать, что все происходит так, как и должно, и радоваться. Но дом ваш опустеет без этого чудного создания, жизнь станет более скучной и серой.

Вот и все, что я хотел вам рассказать. И я рад, что мне это удалось, даже если мой рассказ где-то оказался непоследовательным и бессвязным, и если эти воспоминания сделали меня чуть печальнее и даже старее. Благодарю за внимание. И Энди, если ты действительно сейчас на свободе – а я верю, что это так, – погляди за меня на звезды после заката, набери полную пригоршню песка, брось ее в прозрачную чистую воду и вдохни за меня полной грудью воздух свободы.

Я никогда не подозревал, что снова возьмусь за свою рукопись, но вот передо мной лежат разбросанные по столу страницы, и я хочу к ним добавить еще несколько. Я буду писать их на новой бумаге, которую купил в магазине. Просто пошел в магазин на портлендской Конгресс-стрит и купил.

Я думал, что закончил свой рассказ в Шоушенкской тюрьме январским днем 1976 года. Сейчас май 1977-го, и я сижу в маленькой дешевой комнатухе отеля «Брюстер» в Портленде.

Окно распахнуто настежь, и доносящийся с улицы гул машин кажется мне очень громким, волнующим, будоражающим сознание. Я постоянно выглядываю в окно, чтобы убедиться, что на нем действительно нет решетки. Ночью я плохо сплю, потому что кровать в моем дешевом номере кажется слишком большой и непривычно роскошной. Я вскакиваю в шесть трид-

пать каждое утро совершенно растерянный и испуганный. Мне снятся дурные сны, и постоянно возникает чувство, что свобода моя вот-вот исчезнет, и это ужасно.

Что со мной случилось? Я был выпущен из тюрьмы. После тридцати восьми лет подъемов и отбоев по звонку я оказался свободным человеком. Они решили, что в возрасте пятидесяти восьми лет после долгого заключения я слишком стар, разбит и совершенно безопасен для общества.

Я едва не сжег рукопись. Выходящих на свободу заключенных обыскивают так же тщательно, как новичков, попадающих в тюрьму. А моя рукопись содержит в себе достаточно взрывоопасных вещей, чтобы стоить мне еще шести или восьми лет заключения. И главное – название города, где находится сейчас Энди Дюфреш. Мексиканская полиция с удовольствием объединит свои усилия с американской, и я не хочу, чтобы мое нежелание расставаться с записями, которым я отдал столько времени и энергии, стоило Энди его свободы.

И вот я вспомнил, каким способом Энди в 1948-м пронес в тюрьму пятьсот долларов, и вынес свои исписанные листки точно так же. Для перестраховки я тщательно вымарал название Зихуатанехо. Если бы даже записи обнаружили, я вернулся бы в Шенк еще на некоторое время, но Энди бы никто найти не смог. Комитет по освобождению дал мне работу в большом продовольственном магазине на Спрус-Мэлл в Портленде. Я стал посыльным. Есть только два типа мальчиков на побегушках, насколько известно: мальчишки и старики. Если вы делали закупки на Спрус-Мэлл, возможно, я даже относил вашу корзинку к автомобилю. Но только если это происходило между мартом и апрелем 1977 года, поскольку именно в этот период я там и работал.

Сперва я думал, что никогда не приспособлюсь к жизни за стенами Шенка. Я описывал тюрьму как уменьшенную модель общества, но никогда не представлял себе, как интенсивно развиваются события и как быстро движутся люди в большом мире. Они даже говорят быстрее. И громче.

Теперь мне приходится проходить период адаптации, и он еще не закончился. Например, меня смущают женщины. На протяжении сорока лет я успел забыть, что они тоже являют собой половину рода человеческого. И вот внезапно я оказался в магазине, переполненном женщинами. Старые леди, беременные женщины в майках со стрелочками, указывающими на живот и надписью БЕБИ ЗДЕСЬ... Женщины всех возрастов и форм. Я большую часть времени находился в легком смущении и ругал себя за это: «Прекрати глазеть по сторонам, грязный старикашка!»

Другой пример – необходимость отлучиться в туалет или ванную. Когда мне приходило такое желание (обычно это случалось на двадцать пятой минуте часа по старой привычке), мне приходилось бороться с непреодолимым желанием спросить разрешения у босса. Одно дело знать, что я могу обойтись без чьего-либо разрешения на эти вещи в свободном мире. Другое дело – выработавшаяся за долгие годы привычка доложить о своем уходе ближайшему охраннику: уклонение от этого правила могло стоить двух дней карцера.

Мой босс меня не любил. Он был молод, лет двадцати шести или двадцати семи. Я видел, что вызываю у него отвращение, какое может вызывать подползающий к вам на брюхе, чтобы его погладили, старый пес. Боже, я и сам себе был отвратителен. Но ничего не мог с собой поделать. Я хотел сказать ему: Вот что делает с человеком жизнь, проведенная в тюрьме. Она превращает каждого вышестоящего в хозяина, а тебя делает псом. Но там, за решеткой, когда все вокруг тебя находится в том же положении, это не имеет большого значения. А здесь становится заметным. Но я не мог сказать ему этих слов, да и зачем? Все равно он никогда не поймет меня, как и мой инспектор, огромный тип с густой рыжей бородой и богатым набором шуток о поляках. Он встречался со мной минут на пять каждую неделю.

– Остаешься по эту сторону решетки, Рэд? – спрашивал он, когда запас шуток иссякал. Я отвечал утвердительно, и мы расставались до следующей недели.

Музыка по радио. Когда я попал в Шенк, музыкальный бум только начинался. Теперь же вокруг было множество групп самых разнообразных направлений. Казалось, все только и поют, что о страхе. Возможно, это мне только казалось... Много машин и очень оживленное движение на улицах. Первое время когда я переходил улицу, то чувствовал себя так, будто жизнь моя висит на волоске.

Было много всего, чего и не опишешь, но, думаю, суть вы уловили. Я начал подумывать о возвращении в старый добрый Шенк. Когда вас только освободили, нет ничего проще. Стыдно признаться, но я намеревался даже украсть выручку в своем магазине... В общем, что угодно, чтобы попасть обратно туда, где день регламентирован и все предписано и известно заранее.

Если бы я не был знаком с Энди, то так бы и поступил. Но я вспоминал о том, как долгие годы этот человек терпеливо пробивал стену тюрьмы, чтобы выйти на свободу. И мне становилось стыдно. Да, вы можете сказать, что у него было больше причин, чем у меня, желать освобождения. У него были новые документы и уйма денег. Но это не совсем так. Он не мог быть уверен, что документы все еще на месте, а без документов и деньги находились за пределами досягаемости. Нет, он просто хотел на свободу. И поэтому мое трусливое желание вернуться в клетку было просто предательством.

Тогда в свободное от работы время я начал ездить в маленький городок Бакстон. Было начало апреля 1977 года, уже теплело, снег сходил с полей, бейсбольные команды уехали на север, чтобы открыть новый сезон единственной богоугодной, по-моему, игры. Когда я отправлялся в эти поездки, в правом кармане у меня всегда лежал компас.

В Бакстоне есть большой луг. С севера он огражден каменной стеной, как в стихотворении Роберта Фроста. И возле этой стены лежит камень, который не имеет отношения к этому лугу в Мэне.

Идиотская идея, скажете вы. Сколько лужаек в маленьком провинциальном городишке? Сотня? По моему собственному опыту могу сказать, что даже больше. Стоит еще посчитать те, которые были обработаны после того, как Энди попал в тюрьму. И если даже я найду нужное место, то не факт, что узнаю его. Потому что кусочек вулканического стекла можно проглядеть. Или Энди мог забрать его с собой.

Да, я с вами согласен. Затея глупая и даже опасная для бывшего заключенного, потому что некоторые из этих лужков обнесены теперь оградой с табличкой ВХОД ВОСПРЕЩЕН. А как я уже говорил, вас всегда рады упрятать обратно за решетку по любому пустячному поводу. Дурацкая идея... Впрочем, не более, чем пробивать дырку в стене на протяжении двадцати семи лет. И если вы перестали быть значимой персоной, человеком, который может все достать, и стали просто старым мальчиком на побегушках, то замечательно будет завести себе какое-нибудь хобби. Моим хобби стали поиски камня Энди.

Итак, я ездил в Бакстон и прогуливался по дорогам. Я слушал пение птиц, наблюдал, как с полей сходит снег, обнажая прошлогоднюю траву и валяющиеся тут и там обрывки газет, консервные банки, бутылки. Все бутылки непригодны к возвращению; удивительно расточительным стал этот мир... И конечно, я искал лужайки. Большинство из них отпадало сразу. Никаких каменных оград. Или же компас указывал мне, что они расположены не на том краю. Я проходил мимо. Эти прогулки были довольно приятны, я действительно ощущал спокойствие, умиротворенность, свободу. В одну субботу меня сопровождала какая-то дворняжка, а однажды я увидел вышедшего из-за деревьев оленя.

Затем наступило двадцать третье апреля, день, который останется в моей памяти, даже если я проживу еще пятьдесят восемь лет. Была суббота, и я шел по направлению Олд-Смит-роуд, следуя совету мальчишки, рыбачившего на мосту. Я взял с собой несколько бутербродов в коричневом пакете нашего магазина и позавтракал, сидя на обочине дороги. Потом встал, аккуратно закопал пакет, как учил меня папенька, когда я был не старше этого рыбака, и пошел дальше.

Часа в два дня я увидел слева от себя большой луг. Каменная стена ограждала его в точности с северной стороны. Я пошел к ней, хлюпая по весенней грязи. Белка внимательно глядела на меня с ветки дуба.

Пройдя три четверти пути вдоль ограды, я увидел камень. Тот самый, ошибки быть не могло. Черное стекло, гладкое как шелк. Камень, не имеющий никакого отношения к этому лугу. Долгое время я стоял и просто смотрел на него, чувствуя, что сейчас могу заплакать. Сердце мое бешено билось.

Когда я почувствовал, что немного взял себя в руки, то приблизился к камню и дотронулся до него. Он был реальный. У меня и в мыслях не было брать его: я был уверен, что в тайнике уже ничего нет, и спокойно мог бы пойти домой, так ничего и не обнаружив. И ни в коем случае не стал бы я уносить его с собой – это было бы хуже воровства. Нет, я просто взял камень в руки, чтобы лучше ощутить его реальность, чтобы окончательно понять, что это не галлюцинация. Долгое время я не двигаясь смотрел на то, что лежало под камнем. Глаза мои все видели, но мозг был не в состоянии что-либо понять. Там лежало послание, аккуратно запечатанное в пластиковый пакет для предохранения от сырости. На нем каллиграфическим почерком было выведено мое имя. Я взял письмо и вернул на место камень.

Дорогой Рэд!

Когда ты читаешь эти строки, ты уже дышишь вольным воздухом. Так или иначе, ты вышел на свободу. Теперь, возможно, ты запомнил название города? Мне очень нужен такой человек, как ты, чтобы помочь наладить мое дело.

Пропусти теперь стаканчик виски и обдумай это предложение. Помни, что надежда – хорошая вещь, возможно, даже лучшая из всех. Она не умирает. Я буду надеяться, что это письмо найдет тебя, и все будет хорошо.

Твой друг

Питер Стивенс

Я не стал читать письмо прямо на лугу. Меня охватил ужас, и захотелось немедленно убежать отсюда, пока меня никто не увидел.

Я вернулся в свою комнату и прочитал его там. С кухни доносился запах дешевых обедов – Бифарони, Рис-а-рони, Нудл-рони... Могу спорить, что все, что сейчас едят в Америке пожилые люди с ограниченным доходом, оканчивается на рони.

Я вскрыл пакет и прочитал письмо. Потом уронил голову на руки и заплакал. К письму были приложены двадцать новеньких пятидесятидолларовых банкнот.

И вот я сижу за столом в своей дешевой комнатухе отеля «Брюстер» и думаю, что делать дальше. Кажется, я слегка обойду закон. Нарушение условия освобождения. Преступление не слишком тяжкое: инспектор будет недоволен, но засад на дорогах никто выставлять не станет.

Передо мной эта рукопись. На кровати валяется весь мой багаж, уместающийся в чемоданчике размером с докторский. В кармане девятнадцать пятидесятидолларовых бумажек, четыре десятки, пятерка, три доллара и всякая мелочь. Я разменял одну из пятидесяток, чтобы купить упаковку бумаги и курево.

Я раздумывал, как быть дальше. Но на самом деле никаких сомнений не было. Всякий выбор сводится к одному простому вопросу: быть или не быть, жить или существовать.

Сперва я положу рукопись в чемоданчик. Затем закрою его, возьму пальто, спущусь по ступенькам и покину этот клоповник. Я пойду в бар, положу перед барменом пять долларов и закажу две порции «Джек Дэниэлс» – одну для меня и другую для Энди Дюфресна. Если не считать того пива на крыше фабрики, это будет первая моя выпивка с 1938 года. Затем я поблагодарю бармена и оставлю ему доллар на чай. Я пойду к станции Грейхаунд, где куплю

билет до Эль-Пасо. Там я пересяду на автобус до Макнери. Когда я приеду в этот городишко, там уже будет видно, сможет ли такой старый плут, как я, пересечь мексиканскую границу.

Я запомнил это название: Зихуатанехо. Такое название трудно забыть.

Я чувствую прилив энергии и настолько возбужден, что едва могу держать карандаш в дрожащей руке. Думаю, такое возбуждение может испытывать только свободный человек, отправляющийся к океану.

Я надеюсь, Энди сейчас там.

Надеюсь, что смогу пересечь границу.

Надеюсь увидеть моего друга и пожать ему руку.

Надеюсь, что Тихий океан такой же голубой, как в моих снах...

Я надеюсь.

Лето распада Способный ученик

4

1

Парнишка, мчавшийся по тихой пригородной улочке на отличном велосипеде фирмы «Швинн» с изогнутым рулем, был похож на типичного американского подростка, каким он, собственно, и являлся. Тодду Боудену исполнилось тринадцать лет, рост и вес нормальные, волосы светло-соломенные, глаза голубые, зубы ровные и белые, а чистое и загорелое лицо лишено даже намека на обычные для этого возраста угри.

Он крутил педали, мчась по залитой солнцем улице за три квартала от дома, и на его лице играла та особенная улыбка, что бывает на лицах ребят только в летние каникулы. Его вполне можно было принять и за разносчика газет – и он действительно подрабатывал доставкой «Клэрион» подписчикам Санта-Донато. Еще его можно было принять за торговца поздравительными открытками, что, кстати, тоже соответствовало действительности. На таких открытках обычно печатали имена отправителей, например «Джек и Мэри Бёрк», или «Дон и Салли», или просто «Мерчинсоны». Такие парнишки часто насвистывают во время работы, и Тодд тоже иногда насвистывал, причем очень даже неплохо. Отец Тодда – архитектор – получал сорок тысяч в год, мать была домохозяйкой с дипломом секретаря и подрабатывала машинописными работами на дому, если позволяло время. Она и с отцом-то познакомилась, когда тот искал себе секретаршу в машинописном бюро. Мать аккуратно хранила в отдельной папке все таблицы успеваемости Тодда. Самый лучший был за четвертый класс, на котором миссис Апшоу даже написала: «Тодд – на редкость способный ученик». И это была чистая правда. Одни отличные и хорошие отметки. Учись

он только на «отлично», друзья бы запросто могли решить, что с ним не все в порядке.

Добравшись до строения 963 по Клермон-стрит, Тодд затормозил и слез с велосипеда. Небольшой белый домик с верандой, зелеными ставнями и такого же цвета наличниками прятался в глубине участка, опоясанного ровной и ухоженной живой изгородью.

Тодд откинул со лба прядь светлых волос и покатил велосипед по бетонной дорожке к ступенькам крыльца. Он по-прежнему улыбался, и в его открытой улыбке – настоящем шедевре современной стоматологической индустрии и фторированной воды – появилось предвкушение. Установив велосипед на выдвижную подставку, Тодд подобрал газету, валявшуюся на нижней ступеньке, правда, не «Клэрион», а «Лос-Анджелес таймс», сунул ее под мышку и поднялся по ступенькам. Справа от двери к деревянной стене был привинчен звонок и две маленькие таблички, закрытые прозрачной пленкой, защищающей от солнца и дождя.

«Немецкая обстоятельность», – подумал Тодд, и улыбка стала еще шире. К такому заключению мог прийти только взрослый, и он мысленно поздравил себя, как делал каждый раз, когда удавалось проявить несвойственную мальчишке его возраста сообразительность.

На верхней табличке значилось: «АРТУР ДЕНКЕР».

На нижней – «ТОВАРОВ И УСЛУГ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ».

Продолжая улыбаться, Тодд нажал кнопку звонка.

В маленьком домике послышалось приглушенное треньканье. Тодд убрал палец с кнопки и, наклонив голову, прислушался: теперь в доме царил тишина. Мальчик взглянул на наручные часы, полученные в качестве награды за распространение поздравительных открыток: двенадцать минут одиннадцатого. Хозяину уже давно пора проснуться. Сам Тодд даже во время каникул вставал не позднее половины восьмого. Кто рано встает, того удача ждет.

Он подождал еще с полминуты и снова нажал на кнопку, следя за секундной стрелкой на часах. Через семьдесят одну секунду послышалось шарканье. По звуку шагов Тодд определил, что хозяин наверняка в шлепанцах. Он увлеклся дедукцией и мечтал стать частным детективом, когда вырастет.

– Иду, иду! – послышался недовольный голос человека, выдававшего себя за Артура Денкера. – Хватит трезвонить! Иду!

Тодд отпустил кнопку звонка и взглянул на подушечку пальца – на ней отпечатался след в виде маленького красного пятнышка.

За глухой внутренней дверью звякнула цепочка, лязгнул отодвигаемый засов, и на пороге за противомоскитной сеткой показался старик, облаченный в халат. Тодд решил, что он одновременно похож и на Альберта Эйнштейна, и на Бориса Карлоффа, сыгравшего Чудовище в фильме «Франкенштейн». Длинные седые волосы некрасивого желтого оттенка наводили на мысль не о слоновой кости, а о никотине. На одутловатом со сна морщинистом лице неприятная двухдневная щетина. Отец Тодда брился каждый день, даже в выходные, и любил повторять, что «бритье наводит на лицо утренний лоск». Старик и в самом деле немного походил на Альберта Эйнштейна и Бориса Карлоффа, но еще больше – на опустившегося пьяницу, вроде тех, что ошиваются возле вокзала.

Однако Тодд напомнил себе, что старик только что проснулся. Он много раз его видел раньше (и принимал все меры предосторожности, чтобы тот не заметил слежки), и на людях старик всегда выглядел очень опрятно и подтянуто – сразу понятно, что отставной военный, хотя ему и стукнуло уже семьдесят три года, если верить статьям в газетах, которые Тодд разыскал в библиотеке. При посещении магазина или кино, куда Денкер ездил на автобусе, поскольку машины у него не было, он всегда облачался в один из четырех добротных костюмов, какая бы жаркая погода на улице ни стояла. Иногда он даже надевал мягкую фетровую шляпу. В пасмурные дни Денкер захватывал перетянутый резинкой зонт, который держал под локтем, будто офицерскую трость. На людях Денкер был всегда тщательно выбрит, а его седые усы, которые он отпустил, чтобы прикрыть неудачно прооперированную заячью губу, тщательно и аккуратно подстрижены.

– Мальчик... – обратился к нему старик глухим и зашпанным голосом. Тодд с неудовольствием обратил внимание, что

халат у него заношенный и грязный. Круглый ворот смялся и уперся в морщинистую шею. На левом отвороте виднелось бурое пятно от какого-то соуса. От старика пахло табаком и перегаром. – Мальчик, – повторил он, – мне ничего не нужно. Прочитай, что здесь написано. Ты же умеешь читать? Наверняка умеешь! Все американские мальчики умеют читать. Так что ступай своей дорогой. До свидания.

Дверь начала закрываться.

Позднее, размышляя о случившемся в одну из бессонных ночей, Тодд пришел к выводу, что на этом все могло бы и закончиться. Впервые увидев старика так близко и без маски на лице, которую тот надевал «на выход», а сейчас спрятал в шкаф вместе с зонтиком и фетровой шляпой, Тодд мог запросто передумать. И тогда дверь просто закрылась бы, задвижка вернулась на место, и не произошло бы ничего из дальнейших событий. Но Тодда воспитывали как настоящего американца, для которого упорство и настойчивость являлись высшими и бесспорными добродетелями.

– Тут ваша газета, мистер Дюссандер, – вежливо произнес Тодд, протягивая «Таймс».

Закрывающаяся дверь замерла, осталась широкая щель. По лицу Курта Дюссандера пробежала тень, но лицо тут же снова обрело бесстрастность. Наверное, от неожиданности он не смог скрыть невольный испуг, но сумел быстро овладеть собой. Тодд испытал разочарование в третий раз: он-то рассчитывал, что Дюссандер не просто хорош, а практически совершенен.

Ну и ну, подумал Тодд с презрением. А я-то думал!

Дверь снова распахнулась. Скрюченная артритом рука, похожая на паучью лапу, отодвинула задвижку на двери с противомоскитной сеткой, чуть приоткрыла ее и ухватилась за край газеты, которую протягивал Тодд. Мальчик с отвращением посмотрел на длинные, неухоженные и пожелтевшие от никотина ногти. Такая желтизна на пальцах бывает только оттого, что

в руках постоянно дымится сигарета. Тодд считал курение отвратительной и вредной для здоровья привычкой и сам курить не собирался. Просто удивительно, как Дюссандер дожил до преклонных лет.

– Отпусти мою газету! – Старик потянул ее на себя.

– Конечно, мистер Дюссандер. – Тодд разжал пальцы. Паучья лапа втянула газету за сетчатую дверь, и она захлопнулась.

– Моя фамилия Денкер, – сказал старик, – а вовсе не какой-то Дузандер. А ты, выходит, даже читать не умеешь. Очень жаль. Всего хорошего!

Тодд торопливо произнес:

– Концлагерь Берген-Бельзен – с января по июнь сорок третьего, Аушвиц – с июня сорок третьего по июнь сорок четвертого. *Unterkommandant*⁵. Патэн...

Дверь снова замерла на месте. Мертвенно-бледное лицо с мешками под глазами походило на застрявший в проеме полусдутый воздушный шар. Тодд улыбнулся:

– Перед приходом русских вы бежали из Патэна и перебрались в Буэнос-Айрес. По слухам, вы там разбогатели, вкладывая золото, вывезенное из Германии, в наркоторговлю. Как бы то ни было, с пятидесятого года по пятьдесят второй вы жили в Мехико, а потом...

– Да ты с ума сошел, мальчик! – Старик покрутил скрюченным пальцем возле виска над уродливым ухом, но его губы, закрывавшие беззубый рот, предательски задрожали...

– Что вы делали с пятьдесят второго до пятьдесят восьмого, я не знаю. – Улыбка Тодда стала еще шире. – Этого, похоже, никто не знает, во всяком случае, никаких сведений я не нашел. Но на Кубе, накануне прихода Кастро к власти, вас опознал один израильский агент – вы были консьержем большого отеля. Когда повстанцы вошли в Гавану, ваш след потерялся. В шестьдесят пятом вас снова разыскали, но уже в Западном Берлине, и чуть было не сдапали. – Говоря все это, Тодд загибал по очереди пальцы, пока они не сжались в кулак. Глаза Дюссандера неотрывно следили за сноровистыми руками типичного американского подростка, обожающего превращать старые мыльницы в гоночные машинки и собирать модели кораблей. Конечно, этим занимался и Тодд – в прошлом году они с отцом четыре месяца собирали модель «Титаника», которая и сейчас украшает кабинет отца.

– Я понятия не имею, о чем ты, – произнес Дюссандер.

Без вставных зубов он шамкал, и Тодду это не понравилось. Его манера говорить была какой-то... ненастоящей. В комедийном сериале «Герои Хогана» полковник Клинк и то звучал убедительнее. Но в свое время с этим стариком наверняка были шутки плохи. Недаром в статье о концлагерях в журнале «Менз экшн» автор назвал его Кровавым Мясником из Патэна.

– Уходи, мальчик, иначе я вызову полицию.

– Вызывайте, мистер Дюссандер. Или герр Дюссандер, если вам так больше нравится. – Тодд продолжал улыбаться, демонстрируя великолепные зубы – результат действия фторированной воды, которой он всегда полоскал рот, и пасты «Крест», которой чистил зубы три раза в день. – После шестьдесят пятого года вы снова исчезли из виду... И вот я встретил вас на автобусной остановке в центре города пару месяцев назад.

– Ты спятил!

– Конечно, если хотите, можете вызвать полицию, – опять улыбнулся Тодд, – а я подожду на крыльчке. Но если решите не вызывать, может, пригласите меня в дом? И мы поговорим.

Старик молча разглядывал ухмыляющегося подростка. В кронах деревьев щебетали птицы, где-то тарахтела газонокосилка, вдалеке слышались гудки спешивших куда-то машин.

Тодд вдруг почувствовал, что начинает терять уверенность. Неужели он ошибся? Вряд ли, но речь шла не о задачке в учебнике, а все было взаправду. Вот почему он так обрадовался (слегка обрадовался, как он позднее уверял себя), когда Дюссандер произнес:

⁵ Заместитель коменданта (нем.).

– Если желаешь, можешь ненадолго войти. Но помни: я просто не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Это понятно?

– Конечно, мистер Дюссандер, – отозвался Тодд. Он открыл дверь и прошел в прихожую. Дюссандер закрыл за ними дверь, и они оказались в полумраке.

В помещении стоял затхлый запах, в котором ощущался солод. У них дома иногда тоже так пахло после визита гостей, пока мать не успевала проветрить. Но здесь запах был сильнее. Казалось, он пропитал буквально все. Пахло спиртным, подгоревшим маслом, потом, старой одеждой и какими-то лекарствами вроде мятного полоскания для горла и болеутоляющей

мази. В полумраке прихожей Дюссандер стоял совсем близко, и его голова, торчавшая из отворотов халата, напоминала голову хищного грифа, терпеливо ждавшего, когда его жертва испустит дух. Несмотря на щетину и дряблую обвисшую кожу старика, Тодд вдруг ясно представил себе его в черной форме офицера СС, на которого он сейчас походил куда больше, чем во время прогулок по городу. И мальчик вдруг ощутил острый укол страха. Легкого приступа страха, как он позднее объяснял себе.

– Должен вас предупредить, если со мной что-нибудь случится... – начал он, когда Дюссандер, шаркая шлепанцами, проходил мимо него в гостиную. Тот успокаивающе похлопал Тодда по спине, и от этого прикосновения его бросило в жар.

Мальчик проследовал в гостиную, но улыбки на его лице больше не было. Он представлял себе встречу совсем иначе. Все еще образуется и наверняка выйдет, как он рассчитывал. Прочь сомнения! Ведь до сих пор у него все всегда получалось! В гостиной Тодд уже снова улыбался.

Там его ждало очередное разочарование, правда, на этот раз вполне ожидаемое. Разумеется, в комнате не оказалось портрета Гитлера с упавшей челкой и неотступным завораживающим взглядом. И никаких боевых наград в рамках, никакого культового меча на стене, никакого «люгера» или «вальтера» на каминной полке (по правде сказать, и самой-то каминной полки не было). Тодд напомнил себе, что держать подобные атрибуты на виду, чтобы их все видели, было бы непростительной глупостью, однако отказаться от представлений, навязанных кино и телевизором, было очень непросто. Самая обычная гостиная – такую и ожидаешь увидеть в домах одиноких стариков, с трудом сводящих концы с концами на скудную пенсию. Над декоративным камином, облицованным декоративным кирпичом, висят часы. На тумбочке черно-белый телевизор – концы усов комнатной антенны обмотаны фольгой для улучшения приема. На полу – истертый серый коврик. Возле дивана этажерка с прессой: «Нэшнл джиографик», «Ридерз дайджест» и «Лос-Андж елес таймс». Вместо портрета Гитлера или наградного оружия на стене в рамках под стеклом висели свидетельство о гражданстве и фотография женщины в смешной шляпке. Позднее

Дюссандер рассказывал, что такие дамские шляпки назывались «колокол» и были в моде в двадцатых и тридцатых годах.

– Моя жена, – пояснил Дюссандер, и его голос дрогнул. – Она умерла в пятьдесят пятом. Слабые легкие... В то время я работал чертежником на автомобильном заводе «Меншлер» в Эссене. Даже не знаю, как сумел пережить ее смерть.

Тодд продолжал улыбаться. Он прошел через комнату, будто хотел получше рассмотреть фотографию, но вдруг остановился и провел пальцем по абажуру маленькой настольной лампы.

– Не смей! – рявкнул Дюссандер так властно, что Тодд невольно отпрянул.

– Здорово! – искренне восхитился подросток. – Вот это команда! Если не ошибаюсь, делать абажуры из человеческой кожи придумала Ильза Кох, верно? И ведь это она проделывала штуку с маленькими стеклянными трубочками, которые вставлялись мужчинам...

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь, – прервал его Дюссандер. На телевизоре лежала открытая пачка сигарет без фильтра. Он кивком показал на нее и предложил Тодду: – Закуришь?

– Нет. От них развивается рак легких. Мой отец раньше курил, но сейчас бросил. Даже посещал специальные курсы, чтобы бросить.

– Правда? – Дюссандер вытащил из кармана халата спичку и с безучастным видом чиркнул ею по пластику телевизора. Спичка вспыхнула, и он закурил. – Назови мне хотя бы одну причину не звонить в полицию и не рассказывать им о твоей наглой выходке с ужасными обвинениями? Хотя бы одну? И побыстрее! Телефон рядом. Думаю, отец тебя обязательно выпорет и ты неделю не сможешь нормально сидеть.

– Мои родители никогда меня не бьют. От телесных наказаний больше вреда, чем пользы. – Неожиданно глаза Тодда загорелись. – А вы их пороли? Женщин, к примеру? Заставляли раздеваться и...

Дюссандер, издав нечленораздельный звук, напоминающий мычание, направился к телефону.

– На вашем месте я бы этого не делал, – предостерег Тодд ледяным тоном.

Дюссандер обернулся и размеренно произнес:

– Я скажу это только один раз и больше повторять не буду. – Даже отсутствие вставной челюсти не мешало ему говорить достаточно четко. – Меня зовут Артур Денкер. Меня так звали всегда, даже до получения американского гражданства. Имя мне дал отец в честь Конан Дойла, почитателем которого он являлся. Меня никогда не звали ни Дюзандером, ни Гиммлером, ни Санта-Клаусом. Во время войны я был лейтенантом запаса и никогда не состоял в нацистской партии. Мое участие в боевых действиях ограничивалось обороной Берлина. Должен признать, в конце тридцатых, еще во время своего первого брака, я был сторонником Гитлера. Он положил конец Депрессии и вернул немцам чувство национальной гордости, растоптанное несправедливым Версальским договором. Думаю, что во многом мои симпатии были вызваны наличием работы и тем, что в магазинах снова стал продаваться табак и больше не требовалось копать в грязи, выискивая окурки, если хотелось курить. В конце тридцатых я считал Гитлера великим человеком. Может, так сначала и было. Но потом он явно лишился рассудка и командовал несуществующими армиями по указке астролога. Он отравил даже любимую собаку! Настоящее безумие! К концу войны они все посходили с ума и, распевая гимн национал-социалистов «Знамена ввысь!», давали смертельный яд своим детям. Второго мая сорок пятого года мой полк сдался американцам. Помню, как я заплакал, когда солдат по имени Хакермейер угостил меня плиткой шоколада. В Эссене меня интернировали, и обращались с нами очень хорошо. Мы слушали по радио, как идет суд в Нюрнберге, а когда Геринг совершил в тюрьме самоубийство, я выменял на четырнадцать американских сигарет полбутылки шнапса и напился. Меня освободили в январе сорок шестого. На автомобильном заводе в Эссене я устанавливал на машины колеса, а в шестьдесят третьем вышел на пенсию и эмигрировал в Штаты. Поселиться здесь было мечтой моей жизни. В шестьдесят седьмом году я получил гражданство США и стал американцем. Я хожу на выборы. Никакого Буэнос-Айреса и никакой наркоторговли не было. Не

было ни Берлина, ни Кубы. А теперь, если ты немедленно не уйдешь, я позвоню в полицию.

Тодд не сдвинулся с места. Старик подошел к телефону и взял трубку. Тодд продолжал стоять возле стола с маленькой лампой.

Дюссандер начал набирать номер. Тодд следил за ним, чувствуя, как бешено бьется сердце. Набрав четвертую цифру, старик бросил взгляд на подростка. Тот не шевелился. Старик вдруг обмяк и положил трубку на рычаг.

– Мальчишка, – прошептал он. – Какой-то мальчишка!

Тодд скромно улыбнулся.

– Как ты узнал?

– Немного везения плюс трудолюбие, – ответил Тодд. – У меня есть друг по имени Гарольд Пеглер, правда, все зовут его Лис. Играет в нашей бейсбольной команде на второй базе. А у его отца в гараже полно всяких журналов. Целые пачки, и все про войну. Но они старые. Я хотел достать новые, но продавец из киоска напротив школы сказал, что такие больше не выпускаются. Так вот, в тех журналах полно фоток фрицев, в смысле немецких солдат, и еще япошек, пытающих женщин. И много статей про концлагеря. А я от этого просто тащусь!

– «Просто тащишься...» – будто не веря своим ушам, повторил Дюссандер, потирая щеку. Было слышно, как жесткую щетину скребли ногти.

– Ну... балдею, кайфую. Короче, мне нравится!

Тот день в гараже Лиса врезался Тодду в память в мельчайших подробностях. Он помнил, как в четвертом классе накануне Дня выбора профессии миссис Андерсон (ребята звали ее Зайчиха из-за больших передних зубов) рассказывала, как узнать, в чем твой ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС.

– Вы поймете это сразу! – с чувством восклицала Зайчиха Андерсон. – Это все равно что повернуть ключ в замке и распахнуть дверь. Или влюбиться с первого взгляда. Вот почему День выбора профессии так важен, ребята. Как знать, а вдруг вам откроется ваш ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС? – А потом она рассказала, что ее ГЛАВНЫМ ИНТЕРЕСОМ было вовсе не преподавание в четвертом классе, а коллекционирование почтовых открыток XIX века.

Тогда Тодд посчитал, что училка несет полную чушь, но в тот знаменательный день в гараже Лиса ему вдруг вспомнились ее слова: похоже, она знала, о чем говорила.

Дул Санта-Ана, сильный северо-восточный ветер, и воздух был насыщен жаркой и липкой гарью лесных пожаров. Тодд помнил «матросский ежик» Лиса со следами специального воска, чтобы прическа держалась. Он помнил все мельчайшие детали того дня.

– Тут где-то есть старые комиксы, – сказал Лис. У его матери разболелась голова, и она выставила их из дома, желая побыть в тишине. – Классные! В основном вестерны, но есть и с космическим десантом, и с...

– А здесь что? – спросил Тодд, указывая на большие, доверху набитые картонные коробки под лестницей.

– Ерунда всякая, – ответил Лис. – Разные военные истории. Скукотища!

– А посмотреть можно?

– Конечно. А я пока поищу комиксы.

Когда толстый Лис Пеглер отыскал наконец комиксы, Тодда они уже не интересовали. Он совершенно потерял голову от того, что увидел в журналах.

Это все равно что повернуть ключ в замке и распахнуть дверь. Или влюбиться с первого взгляда.

Так оно и было. Конечно, он знал о войне – не о той, где американцам надирали задницу азиаты в черных пижамах, а о Второй мировой войне. Он знал, что американцы носили круглые, обтянутые сеткой каски, а фрицы – скорее квадратные. Он знал, что американцы выиграли большинство сражений и что немцы к концу войны изобрели ракеты, которыми обстреливали Лондон. Он слышал и о концентрационных лагерях.

Разница между тем, что Тодд слышал, и тем, о чем говорилось в журналах, найденных под лестницей в гараже Лиса, была такой же, как между тем, чтобы просто слушать рассказ о микробах и видеть их живыми под микроскопом.

Здесь имелась статья об Ильзе Кох. Здесь были снимки крематориев с распахнутыми дверцами на покрытых копотью петлях. Здесь оказались фотографии офицеров в форме СС и узников в полосатых робах. Запах старых журналов, отпечатанных

на дешевой газетной бумаге, был похож на запах гари от лесных пожаров, и шуршание переворачиваемых страниц уносило Тодда в прошлое, заставляя поверить в реальность описанных ужасов. Они действительно это делали, и им позволялось это делать. Голова начала

раскалываться, не в силах совместить нахлынувшие отвращение и возбуждение, глаза покраснели и заслезались, но он продолжал жадно читать, пока не наткнулся на цифру под статьей с фотографией сваленных в кучу трупов в каком-то месте под названием Дахау:

6 000 000.

И тогда он подумал, что здесь наверняка какая-то ошибка, что кто-то по оплошности добавил пару лишних нулей, ведь это в три раза больше населения Лос-Анджелеса! Но в другом журнале (на обложке – прикованная к стене женщина, к которой приближался ухмыляющийся мужчина в нацистской форме и с кочергой в руке) он снова натолкнулся на ту же цифру:

6 000 000.

Головная боль усилилась, а во рту пересохло. Будто издалека послышался голос Лиса, говорившего, что ему пора на ужин. Тодд спросил, можно ли остаться и почитать еще, пока Лис будет ужинать. Приятель удивленно на него посмотрел и, пожав плечами, ответил: «Само собой!» И Тодд продолжил чтение, погружившись в мир военных журналов, пока за ним не явилась мать и не увела домой.

Это все равно что повернуть ключ в замке и распахнуть дверь.

Во всех журналах говорилось, как ужасно было все, что тогда творили фашисты, но слова осуждения терялись в обилии рекламных объявлений, предлагавших немецкие ножи, ремни и каски, а также чудодейственные травы и лосьоны для укрепления волос. В объявлениях предлагали купить флаги со свастикой, нацистские «люгеры» и игру «Атака» с участием немецкой бронетанковой техники, а также записаться на заочные курсы или стать богатым, особые туфли с внутренним каблуком и толстой стелькой низкорослым людям. Хотя в статьях и говорилось об ужасах, но, похоже, это мало кого трогало.

Или влюбиться с первого взгляда.

Да, он отлично помнил тот день. Буквально все: и пожелтевший календарь давно минувшего года на задней стене, и масляное пятно на цементном полу, и оранжевую бечевку, которой были перевязаны пачки журналов. И еще он помнил, как каждый раз голова болела все сильнее, стоило подумать о невероятной цифре:

6 000 000.

Он тогда подумал: Я хочу знать обо всем, что там происходило. Обо всем! И хочу знать, где больше правды: в статьях или объявлениях, которые в них вставлены.

И еще, задвигая коробки с журналами обратно под лестницу, он вспомнил о Зайчихе Андерсон: Она была права. Я нашел свой ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС.

Дюссандер долго не сводил взгляд с Тодда. Затем прошел через гостиную и, тяжело опустившись в кресло-качалку, снова посмотрел на подростка, не в силах объяснить мечтательное и даже ностальгическое выражение его лица.

– Да, журналы меня заинтересовали, но я решил, что в них немало вранья. Тогда я пошел в библиотеку, чтобы выяснить наверняка. Оказалось, что не все вранье. Сначала замшелая библиотекаря не хотела давать мне нужные книги, поскольку они не для детей, но я сказал, что они нужны для домашней работы. Библиотекаря позвонила отцу. – Тодд презрительно хмыкнул. – Типа она не поверила, что отец в курсе, какие книги я читаю, представляете?

– А он был в курсе?

– Конечно! Отец считает, что дети должны узнавать жизнь как можно раньше. И плохое, и хорошее. Чтобы быть во всеоружии. Он говорит, что жизнь – это тигр, которого надо схватить за хвост, но если не знать его повадок, можно запросто стать его добычей.

– Хм-м... – с сомнением протянул Дюссандер.

– Мама тоже так считает.

– Хм-м... – повторил Дюссандер, не зная, что и думать.

– А книги в библиотеке оказались классные! – продолжил Тодд. – Только о концлагерях их было, наверное, не меньше сотни, и это в обычной городской библиотеке. Похоже, читать про это интересно очень даже многим. Правда, фотографий там

оказалось меньше, чем в журналах отца Лиса, а во всем остальном – просто атас! Кресла с шипами, торчащими из сидений. Вырывание золотых зубов плоскогубцами. Газ, который пускали из душевой установки. – Тодд покачал головой. – Вы, ребята, отрывались по полной!

– «По полной», – повторил Дюссандер, думая о своем.

– А я действительно написал реферат, и знаете, что мне за него поставили? Пять с плюсом! Конечно, я проявил осмотрительность и изложил все в нужном свете. Осторожность еще никому не повредила.

– Вот как? – Дюссандер взял трясущимися пальцами новую сигарету.

– Ну да! Все те книги в библиотеке написаны так, будто авторам самим было противно об этом рассказывать. – Тодд нахмурился, пытаясь выразить мысль. Слово тональность не вошло в его словарный запас, что только осложняло задачу. – Они писали так, будто ночами не могли спать от кошмаров. Будто хотели сказать: нельзя, чтобы такое повторилось. Мой реферат в таком же духе, и учитель мне поставил пять с плюсом, наверное, потому, что я читал первоисточники и меня не вывернуло наизнанку. – На лице Тодда снова заиграла торжествующая улыбка.

Дюссандер глубоко затянулся, кончик сигареты в руках заметно дрожал. Выпуская дым через нос, старик сильно закашлялся.

– Поверить не могу, что все это происходит наяву, – сказал он и, подавшись вперед, устремил на мальчика пристальный взгляд. – Ты знаешь, что такое «экзистенциализм»?

Тодд, не обратив внимания на вопрос, задал свой:

– А вы знали Ильзу Кох?

– Ильзу Кох? – еле слышно переспросил Дюссандер. – Да, я знал ее.

– Она была красивая? – оживился мальчик. – В смысле... – Он изобразил в воздухе контур песочных часов.

– Неужели ты не видел ее фотографии? – удивился Дюссандер. – При твоей-то одержимости?

– При моей чего?

– Одержимости, – повторил Дюссандер. – Это когда человек чем-то очень сильно увлечен. Когда от чего-нибудь просто... балдеет.

– Да? Круто! – Озадаченный вид Тодда снова сменился торжествующей улыбкой. – Конечно, я видел ее фотографию. Но сами знаете, как снимки выглядят в книгах. – Он говорил так, будто у Дюссандера все эти книги стояли в шкафу. – Черно-белые, нечеткие... обычные любительские фотографии. Никто и не подозревал, что делает их для истории. У нее и правда была обалденная фигура?

– Она была толстой, коренастой и с плохой кожей, – коротко ответил Дюссандер и потушил недокуренную сигарету о тарелку, заполненную окурками.

– Надо же! – Лицо Тодда вытянулось от огорчения.

– Чистая случайность! – отвечая своим мыслям, задумчиво произнес Дюссандер. – Ты увидел мою фотографию в журнале и оказался рядом в автобусе. Ну и ну! – Он с досадой несильно стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Нет, сэр. Не просто случайность, а гораздо, гораздо больше! – возразил Тодд, всем своим видом излучая уверенность.

– В самом деле? – Густые брови Дюссандера поднялись – он явно сомневался.

– Еще бы! Я хочу сказать, что снимки в моем альбоме были тридцатилетней давности, а то и более старые. Ведь сейчас у нас семьдесят четвертый год.

– У тебя есть... такой альбом?

– Да, сэр! Он потрясающий! Там сотни фотографий. Я вам как-нибудь его покажу. Вам точно понравится!

Дюссандер с отвращением поморщился, но промолчал.

– Сначала я сомневался, что это вы. А потом как-то шел дождь, и вы сели в автобус в блестящем черном плаще...

– Так вот оно что! – выдохнул Дюссандер.

– Ну конечно! На вас был точно такой же на одной фотке из гаража Лиса. И еще в одной библиотечной книге был ваш снимок в шинели СС. И в тот день сомнения отпали, и я сказал себе: «Точно! Курт Дюссандер собственной персоной!» И начал за вами следить.

– Ты начал что?

– Следить за вами. Я мечтаю стать частным детективом вроде Сэма Спейда из «Мальтийского сокола» или Менникса из телесериала. И мне нужно было вести себя осторожно. Я не хотел вас спугнуть раньше времени. Показать снимки?

Тодд вытащил из заднего кармана конверт. Глаза у него горели предвкушением праздника, как у мальчишки накануне дня рождения, Рождества или перед салютом на День независимости.

– Ты меня фотографировал?

– Конечно! У меня есть портативный фотоаппарат, «Кодак». Он тонкий, плоский и помещается в руке. Если приноровиться, можно запросто снимать, зажав его в ладони и держа объектив между пальцами. А кнопка затвора нажимается большим пальцем. – Том скромно потупился. – Сначала я никак не мог приспособиться, и все время получались одни пальцы. Но я упорный и не сдавался. Настойчивостью можно добиться всего, что хочется. Это, конечно, ни для кого не секрет, но зато верно.

Курт Дюссандер побелел и съежился.

– А снимки ты отдавал печатать в фотоателье?

– Что? – Тодд возмущенно затряс головой. – Конечно, нет! Вы что же, думаете, я совсем идиот? У отца есть темная комната, и я сам проявляю пленки и печатаю снимки с девяти лет.

Дюссандер промолчал, но явно обрадовался и даже чуть порозовел.

Тодд передал ему несколько глянцевых снимков, неровные края которых подтверждали: их действительно печатали в домашних условиях. Дюссандер, нахмурившись, стал их изучать. Вот он сидит в автобусе возле окна; в руках – роман Джеймса Миченера «Столетие». Вот он на остановке «Девон-авеню» с зонтиком под мышкой; подбородок надменно вздернут, как у Шарля де Голля, принимающего военный парад. На следующем снимке он запечатлен в очереди возле кинотеатра «Маджестик», там он явно выделяется в толпе подростков и невзрачных домохозяек с завивкой ростом и статью. А вот он заглядывает в свой почтовый ящик.

– Когда я это снимал, то очень боялся, что вы меня засечете, – признался Тодд. – Но все-таки решил рискнуть. Я стоял

на другой стороне улицы. Эх, будь у меня «Миолта» с телеобъективом... Когда-нибудь... – Тодд мечтательно вздохнул.

– Не сомневаюсь, что ты заранее заготовил правдоподобное объяснение. На всякий случай.

– Я бы спросил, не видели ли вы мою собаку. В общем, я печатал снимки и сравнивал их с этими.

Он передал Дюссандеру три ксерокопии. Тот уже видел эти фотографии раньше, причем много раз. На первом снимке он был в своем кабинете в лагере для перемещенных лиц в Пат-эне. Фотография была обрезана так, что на ней остался только он сам и нацистский флажок со свастикой на столе. Второй снимок был сделан в день зачисления на военную службу. На третьем он обменивался рукопожатиями с Рихардом Генрихом Глюксом, подчинившимся только самому Гиммлеру.

– Я уже тогда практически не сомневался, что это вы, но из-за проклятых усов не мог разглядеть заячьей губы. И чтобы убедиться окончательно, раздобыл вот это.

Тодд достал из конверта последний, сложенный в несколько раз листок и развернул его. На сгибах чернела грязь, края обтрепались от долгого хранения в кармане, как всегда бывает у мальчишек, имеющих много разных дел и забот. Это было израильское извещение о розыске Курта Дюссандера. Старик с горечью подумал о мертвых, которые никак не упокоятся в своих могилах.

– Я снял ваши отпечатки, – с улыбкой сообщил Тодд, – и сравнил с теми, что на листке о розыске.

– Этого не может быть! – не поверил Дюссандер и выругался по-немецки.

– Может! Родители подарили мне на Рождество набор для снятия отпечатков пальцев. Настоящий, а не игрушечный. Там были порошок, три кисточки для различных поверхностей и специальная бумага для снятия отпечатков. Родители знают, что я хочу стать частным детективом, когда вырасту. Понятно, что всерьез они это не воспринимают, но все же... – Он равнодушно пожал плечами. – В инструкции сказано, как сравнивать всякие там завитки, линии и папиллярные узоры. Чтобы суд принял отпечатки в качестве доказательства, они должны совпадать не меньше чем по восьми пунктам. Однажды, когда вы

были в кино, я приехал сюда, обработал порошком почтовый ящик, дверную ручку и снял отпечатки. Ловко, верно?

Дюссандер промолчал. Он судорожно цеплялся за подлокотники кресла, губы беззубого рта мелко дрожали. Тодду это не понравилось. Казалось, старик вот-вот расплачется. Что за глупость? Кровавый Мясник из Патэна в слезах? Да это все равно что ожидать банкротства от «Шевроле» или что «Макдоналдс» перестанет кормить гамбургерами и перейдет на икру с трюфелями.

– У меня появилось два комплекта отпечатков, – продолжил Тодд. – Один из них не имел ничего общего с тем, что на листовке о розыске, и я решил, что это «пальчики» почтальона. Зато другой оказался вашим! Больше восьми совпадений. Я насчитал четырнадцать. – Он ухмыльнулся. – Вот так я убедился точно.

– Ах ты, маленький гаденыш! – не выдержал Дюссандер, и его глаза недобро блеснули.

У Тодда от страха засосало под ложечкой, как недавно в прихожей. Но после вспышки неконтролируемого гнева старик снова обмяк.

– Кому ты об этом рассказывал?

– Никому.

– Даже своему другу? Этому Кролику Пеглеру?

– Его называют Лис. Лис Пеглер. Нет, он бы точно проболтался. Я никому не рассказывал. Не тот случай.

– Чего тебе нужно? Денег? У меня их нет. В Южной Америке деньги водились, правда, с наркотиками или чем-то опасным и романтичным это никак не связано. В Бразилии, Парагвае и Санто-Доминго есть, вернее, была своего рода община из бывших вояк, скрывавшихся после войны. С ее помощью я сколотил состояние на природных ископаемых – олове, меди, бокситах. А потом наступили новые времена – национализм, антиамериканизм. Может, перемены и коснулись бы меня, но на мой след напали люди Симона Визенталья. Одно несчастье притягивает другое, как течная сучка – кобелей. Дважды меня чуть не схватили, один раз эти жида уже были за стеной в соседней комнате... Они повесили Эйхмана, – прошептал старик, непроизвольным движением потирая шею. Его глаза округлились от

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.